

Потрясающий роман о неразрывной связи
между матерью и сыном и о том пути,
который она пройдет, чтобы защитить его.

Джин Филлипс
**ЖЕСТОКОЕ
ЦАРСТВО**

Своеобразная
и поразительно красивая
книга.

Elle

Annotation

Джоан и ее четырехлетний сын с удовольствием провели в зоопарке целый день. И им не хочется уходить, но осталось всего несколько минут до закрытия, а потому мама с сыном спешат к выходу. Однако по дороге к воротам зоопарка Джоан слышит странные звуки, напоминающие выстрелы, а потом видит лежащих на земле в неестественных позах людей. И она понимает: они с сыном оказались в ловушке, словно дикие звери. В панике Джоан подхватывает сына на руки и бежит вглубь зоопарка, желая найти безопасное укрытие. Любой ценой она должна защитить ребенка. На что она готова пойти ради этого? *Впервые на русском языке!*

- [Джин Филлипс](#)
 -
 -
 - [Благодарности](#)
-

Джин Филлипс

Жестокое царство

Gin Phillips
FIERCE KINGDOM

Copyright © Gin Phillips, 2017

All rights reserved

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© И. Иванченко, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Илаю, живущему в
своем особом мире*

*Мне лишь хочется
узнать, может ли звук
сотворить мальчика.
Или становится ли
женщина матерью,
когда думает, что
слышит зовущего ее
младенца.*

*Элизабет Хьюи.
Вопросы к Эмили*

Джоан удается довольно долго балансировать на корточках. Но в конце концов ноги не выдерживают, и она, опираясь на руку, опускается на песок.

Что-то легонько ударяет ее в бедро. Протянув руку, она выуживает маленькое пластмассовое копье – не длиннее пальца, – и это ее совсем не удивляет, поскольку она часто находит игрушечное оружие в неожиданных местах.

– Ты потерял копье? – спрашивает она. – Или это скипетр?

Линкольн не отвечает, хотя берет пластмассовую игрушку с ее ладони. Очевидно, он ждал момента, когда сможет устроиться у нее на коленях. На нем ни песчинки, он отличается аккуратностью, доходящей до безгливости. Ему никогда не нравилось рисование пальцами.

– Хочешь нос, мама? – спрашивает он.

– У меня есть нос, – отвечает она.

– Хочешь еще один?

– Кто бы отказался?

Темные кудряшки опять отросли, и Линкольн отводит их со лба. Рядом с ними кружатся листья. Деревянный навес, укрепленный на грубых круглых столбах, бросает на них тень, но за ее пределами серый гравий пестрит бликами солнечного света и тенями, которые начинают играть, когда по деревьям проносится ветер.

– Откуда ты берешь эти носы? – спрашивает она.

– Из хранилища носов.

Она смеется, чуть откинувшись назад и опираясь на руки, чувствуя, как к юбке прилипает влажный песок. Потом встряхивает руками, чтобы удалить из-под ногтей песок. В Яме динозавров всегда сыро и холодно, здесь никогда не бывает солнца. Но, несмотря на песок на юбке и прилипшие к свитеру листья, это, пожалуй, ее самая любимая часть зоопарка – вдали от центральных дорожек, карусели, площадки молодняка и клеток с петухами, – куда можно попасть через заросшую сорняками лесистую часть, обозначенную как «лес». Тут в основном деревья и камни, а вдоль узких гравийных дорожек иногда бродят поодиночке животные. В загоне живет гриф, и там же почему-то стоит ржавый пикап. Сова таращится на висящую резиновую игрушку. Дикае индюшки всегда сидят неподвижно, и Джоан не уверена, что у них есть лапы. Она воображает себе жестокую охотничью проказу: пропитанное потом ожерелье из нанизанных на бечевку индюшачьих лап.

Ей нравится своеобразие этого леса, словно несмело пытающегося привлечь к себе внимание. Ныне среди деревьев протянут канат, хотя она ни разу не видела, чтобы кто-нибудь спускался по этому канату. Она

помнит, что пару лет назад здесь были аниматронные динозавры, а когда-то пролежала тропа с привидениями. Есть намеки на более отдаленные воплощения: огромные валуны, которые кажутся ей настоящими, хотя, может быть, и нет, плюс деревянный частокол и хижина первопроходца. Назначение этих объектов неясно. Пустые цементные бассейны могли служить поилками для крупных млекопитающих. Чувствуются бессистемные попытки создания туристской тропы, попадаются случайные таблички, не мешающие свободе перемещения. У одного дерева есть табличка с надписью «Сассафрас», а вокруг двадцать деревьев без табличек.

– Послушай, что я тебе скажу, – начинает Линкольн, положив ладонь ей на колено. – Знаешь, что мог использовать Один?

За последнее время она много узнала о древнескандинавских божествах.

– Хранилище глаз? – спрашивает она.

– Ну да. Потому что тогда он мог бы отказаться от повязки на глазу.

– Если только ему не нравится его повязка.

– Если только, – соглашается Линкольн.

Песок вокруг них усеян маленькими пластмассовыми фигурками героев и злодеев: Тор и Локи, Капитан Америка, Зеленый Фонарь и Железный Человек. В последнее время все возвращается к супергероям. Представить только, что под ними в песчаной яме притаились скелеты. Из песка у них за спиной высовываются позвонки какого-то ископаемого животного. Рядом стоит ведро с потертыми кистями для сметания песка. Когда Линкольну было три года, они приходили сюда искать кости динозавров. Но теперь ему четыре года и два месяца, и он уже пережил в себе археолога.

Ныне Яма динозавров – это Остров тишины, темница, в которую заключен Локи, хитроумный брат Тора. И когда не встает вопрос о лишних носах, в воздухе раздаются отзвуки эпической битвы, в которой Тор пытается заставить Локи признаться в сотворении огненного демона.

Линкольн наклоняется вперед, и эпос возобновляется.

– Подлый злодей ухмыльнулся, – рассказывает Линкольн. – Но потом у Тора возникла идея!

Если его не останавливать, свои истории, как он их называет, Линкольн может рассказывать часами. Джоан предпочитает те истории, в которых сын придумывает собственных героев. Он выдумал злодея по имени Лошадиный Человек, превращающего людей в лошадей. У этого человека есть заклятый враг, который превращает лошадей обратно в

людей. Порочный круг.

Джоан рассеянно прислушивается к интонациям и модуляциям его голоса, когда Линкольн подвергает разных персонажей испытаниям. Она пребывает в приятном расслабленном состоянии. Утром эти тропинки заполнены прогулочными колясками и мамами в штанах для йоги, но ближе к вечеру большинство посетителей уходят. Они с Линкольном приходят сюда иногда после школы, посещают зоопарк, библиотеку, парки и естественно-научный музей, а иногда Джоан приводит его в лес. Здесь есть сверчки или какие-то букашки, стрекозочки, как сверчки, и поющие птицы, и шуршащие листья, и никаких человеческих голосов, за исключением голоса Линкольна. Он усвоил язык супергероев, переработал его и сделал своим.

– У него на поясе было секретное оружие!

– Его подлый план провалился!

Сын весь дрожит от возбуждения, его кулачки плотно сжаты. Тор проносится по воздуху, и Линкольн подскакивает. Интересно, ему нравится идея о добре, побеждающем зло, или просто сама волнующая битва? И когда следует начать объяснять ему, что большинство людей придерживаются середины между добром и злом? Однако Линкольн так счастлив, что ей не хочется усложнять вещи.

– Знаешь, что случится потом, мама? – спрашивает он. – После того как Тор его ударит?

– Что?

Она преуспела в искусстве слушать одной половиной своего существа, в то время как другая занята разными мыслями.

– На самом деле Тором управлял Локи. А от удара Тор теряет свою власть!

– О-о, – произносит она. – А что потом?

– Тор одерживает победу! – Линкольн продолжает говорить. – Но в городе появился новый злодей, ребята!

Джоан разминает пальцы ног и размышляет.

Она размышляет о том, что надо придумать свадебный подарок для подруги Марри. Есть художник, рисующей собак, и такого рода картина кажется Джоан хорошим вариантом. Так что ей следует послать по электронной почте заказ, хотя слово «заказ» может показаться художнику оскорбительным. Джоан вспоминает, что утром собиралась позвонить своей двоюродной бабушке. И пока Локи погрёбают в песке, Джоан пытается разрешить все возникающие проблемы. Может быть, думает она, следует послать по почте двоюродной бабушке ту забавную бумажную

обезьянку, которую Линкольн смастерил в детском саду. Безусловно, поделка лучше телефонного звонка, хотя в этом есть определенный эгоизм, поскольку она не выносит разговоры по телефону. Ну ладно, отговорка жалкая – она это знает, – но все же останавливается на бумажной обезьянке. Джоан вспоминает о подливах, которые готовит ее двоюродная бабушка, об остатках чипсов из овощного банана в кухонном шкафу. Она размышляет о Брюсе Бокслейтнере. В школе она увлекалась его ролью в «Пугало и миссис Кинг». Недавно она обнаружила, что этот фильм целиком есть в Интернете, и она пересматривала его, серию за серией. Неплохо для фильма 1980-х, со шпионами периода холодной войны и немодными прическами. И она не может вспомнить, когда наконец поцелуются Ли с Амандой – в конце второго сезона или третьего, и ей еще надо досмотреть шесть серий второго сезона, но можно перескочить и на третий.

Поблизости раздается стук дятла, и Джоан возвращается к действительности. Она замечает, что бородавка на кисти Линкольна увеличилась. Она напоминает анемону. На гравии продолжают мелькать тени, и Линкольн раздражается злодейским смехом. Она вдруг понимает, какое наслаждение доставляют ей эти прогулки в лесу с сыном.

Тор падает ей на ногу, уткнувшись головой в большой палец.

– Мамочка?

– Да?

– Почему в фильме Тор не носит шлем?

– Думаю, со шлемом на голове хуже обзор.

– Но разве он не хочет защитить голову?

– Наверное, иногда он надевает шлем, а иногда нет. В зависимости от настроения.

– Я считаю, он должен постоянно защищать голову, – заявляет Линкольн. – Опасно сражаться без шлема. Почему, по-твоему, Капитан Америка носит только капюшон? Это ведь плохая защита, да?

Пола утомляет болтовня про супергероев – ее муж охотнее поговорил бы о футбольных командах и составе участников НБА, – а вот Джоан не возражает. В свое время она была помешана на Чудо-Женщине. Супердрузья. Невероятный Халк. «Кто выиграет битву, – спрашивала она когда-то дядю, – Супермен или Невероятный Халк?» Он, бывало, скажет: «Ну, если бы Супермен проигрывал, он всегда мог улететь» – и она считала этот ответ блестящим, но сбивающим с толку.

– У Капитана Америки есть щит, – говорит она Линкольну. – Им он и защищается.

– Что, если он не успеет поднять щит над головой?
– Он очень проворный.
– Но все же, – с сомнением откликается Линкольн.
– Знаешь, а ты прав, – отвечает она, потому что так оно и есть. – Ему действительно следует надевать шлем.

Задняя сторона ямы огорожена выступающей искусственной скалой бежевого цвета, под которой роется какое-то мелкое животное. Она надеется, что это не крыса, и воображает, что это белка, но решает не поворачивать головы.

Джоан открывает сумку, чтобы взглянуть на часы в телефоне.

– Минут через пять нам, пожалуй, пора уходить, – произносит она.

Как это часто бывает, когда она говорит, что пора заканчивать игру, Линкольн делает вид, что не слышит.

– Доктор Дум всегда носит маску? – интересуется он.

– Ты слышишь меня? – спрашивает она.

– Да.

– Что я сказала?

– Что нам пора уходить.

– Да, – говорит она. – Да, доктор Дум всегда носит маску. Из-за шрамов.

– Шрамов?

– Угу, шрамов, которые остались после лабораторного эксперимента.

– Зачем ему носить из-за них маску?

– Потому что он хочет скрыть их, – отвечает она. – Он считает их уродливыми.

– Почему он считает их уродливыми?

Она смотрит, как на землю опускается яркий оранжевый лист.

– Ну, из-за них он выглядит не как все, – объясняет она. – Некоторые люди не хотят выглядеть по-особому.

– Я не считаю шрамы уродливыми.

При этих словах Линкольна по лесу проносится громкий резкий звук. Два щелчка, потом еще несколько. Хлопки, как от лопнувшего воздушного шарика. Или фейерверка. Джоан пытается представить себе, кто из посетителей зоопарка мог произвести звуки, похожие на маленькие взрывы. Что-то имеющее отношение к празднованию Хеллоуина? По всему зоопарку развешены фонарики – не здесь, в лесистой части, а над более людными тропами. Так, может быть, сгорел трансформатор? Или продолжается строительство и это отбойный молоток?

Еще один хлопок. Еще и еще. Чересчур громкие для воздушных

шариков, чересчур нерегулярные для отбойного молотка.

Птицы умолкли, но листья продолжают скользить по воздуху.

Линкольн невозмутим.

– Можно мне использовать Бэтмена вместо доктора Дума? – спрашивает он. – Он одет в черное. Если я возьму его, сделаешь ему подходящую маску?

– Конечно.

– Из чего ты ее сделаешь?

– Из фольги.

По навесу над ямой карабкается белка, и Джоан слышит тихий свист ее прыжка, когда белка перескакивает на дерево.

– А что у него будет вместо шарфов? – интересуется Линкольн.

– Шарфов? – переспрашивает Джоан, глядя на сына.

Он кивает. Она в задумчивости кивает в ответ, целиком отдаваясь расшифровке работы его мозга. Это одна из особенностей материнства, которая увлекает ее тем больше, что раньше она и не подозревала о ее существовании. Сложный уникальный интеллект Линкольна сплетает собственные миры. Во сне он иногда выкрикивает целые фразы, например: «Не по лестнице!» И тогда приоткрывается оконце в его внутренний мир, что-то вдруг промелькнет, но она никогда не узнает всего, и в этом есть что-то захватывающее. Сын – отдельное от нее существо, такое же реальное, как и она сама.

Шарфы. Она сочиняет из этого головоломку.

– Ты имеешь в виду шарфы у него на лице? – спрашивает она.

– Да. Те, которые он считает уродливыми.

– Я сказала «шрамы», – смеется Джоан. – Знаешь, как тот, что на руке у папы от ожога кипятком, когда папа был маленьким. Или шрам на моей коленке, который остался после падения.

– О-о, – застенчиво произносит Линкольн и тоже смеется. Он быстро схватывает шутку. – Шрамы, а не шарфы. Так он не считает шарфы уродливыми?

– Право, не знаю, что думает доктор Дум о шарфах, – говорит она.

– У него на лице их нет.

– Да. Это шрамы.

Джоан прислушивается, размышляя о том, не стоило ли более тактично высказаться о шрамах, и недоумевая по поводу выстрелов. Но это не могут быть выстрелы. А если да, то было бы слышно что-нибудь еще. Крики, или звуки сирен, или голос, объявляющий что-то по радио.

Но ничего этого нет.

Ей довелось наблюдать чересчур много сражений.

Она смотрит на мобильник. Остается несколько минут до закрытия зоопарка, и вполне вероятно, что их не заметят здесь, в лесу. Она не раз воображала себе такое развитие событий: они остаются в зоопарке на ночь, может быть, даже нарочно прячутся, чтобы навестить животных в непроглядной ночной темени. Такие ситуации описаны в детских книгах. Разумеется, это нелепо, поскольку есть охрана. Правда, здесь охраны что-то не видно.

Им пора уходить.

– Нам надо идти, детка, – говорит она, поднимая его со своих колен.

Очень неохотно Линкольн встает на ноги.

Она думает, что следовало надеть ему куртку, но он клялся, что ему не холодно, и она разрешила оставить куртку в машине.

– У нас есть еще немного времени? – спрашивает Линкольн.

Джоан поднимается и надевает сандалии. Ее приверженность сандалиям не дает ей морального права заставить его надеть куртку.

– Нет, – говорит она. – Уже почти полшестого. Время закрытия. Извини. Нам надо скорей отсюда выбираться, а иначе нас запрут.

Из-за этого она начинает нервничать: они слишком задержались, а им еще идти через лес и потом через детскую зону. Они действительно могут не успеть к выходу до закрытия.

– А мы можем остановиться на игровой площадке и пройти по мостику? – спрашивает Линкольн.

– Не сегодня. Давай сделаем это завтра.

Он кивает и переходит с песка на редкую траву. Ему не нравится нарушать правила. Если служители зоопарка говорят, что пора домой, он пойдет домой.

– Помоги мне, пожалуйста, надеть туфли, – просит он. – И положи моих парней к себе в сумку.

Наклонившись, она сметает песок с его ног и натягивает носки на бледные широкие ступни. Отстегивает липучку на его теннисных туфлях и оглядывает участок темно-красной земли. Животные их совсем не боятся. Иногда на расстоянии вытянутой руки она видит полдюжины воробьев, бурундуков или белок, наблюдающих за битвами Линкольна.

Она убирает в сумку пластмассовые фигурки.

– Все готово, – говорит она.

Джоан шарит в песчаной яме, проверяя, не забыли ли они пластмассовых человечков, потом берет Линкольна за руку и ведет его по тропинке из леса. Интересно, когда у него пропадет желание держать ее за руку. Но сейчас они оба довольны этим. Менее чем через двадцать шагов деревья расступаются – изолированность этого места только кажущаяся, – и вот слышится плеск водопада в камнях на площадке с выдрами.

Выдра – одно из их любимых животных, одно из немногих, способных оторвать Линкольна от его историй. Две выдры живут в огромной пещере из искусственного камня. Животные плавают и ныряют в зеленоватой воде водоема, находящегося за широкой стеклянной стеной. Над тропой нависают скалы, и водопад шумит над головами посетителей, низвергаясь в черепаший пруд, заросший лилиями, тростником и какими-то лиловыми цветами на длинных стеблях. Деревянные мостки, идущие вокруг пруда, всегда казались ей самой симпатичной частью леса, но теперь здесь совсем пустынно.

– Посмотри на эту выдру! – смеется Линкольн. – Смотри, как она плавает.

– Мне нравятся ее лапы, – говорит она.

– У нее есть лапы? А не плавники? Настоящие лапы, как у собак, или лапы с пальцами, как у обезьян?

Она испытывает искушение остановиться и поговорить об анатомии выдр. Наверное, больше всего ей хочется для него именно этого – показать, что жизнь полна удивительных вещей, что надо обращать на это внимание. «Посмотри, как красиво!» – сказал он, уставившись на лужицу бензина на парковке зоопарка. Но сейчас у них нет времени. Она тянет его за руку, и он послушно идет за ней, продолжая какое-то время смотреть на выдру. Когда они поднимаются на деревянный мостик, по обеим сторонам которого на воде видны лилии, она жалеет, что никто больше не спешит к выходу. Им и раньше доводилось идти по тропе в одиночку. В вечерние часы они часто идут к выходу одни, но сегодня они оказались здесь позже обычного. Джоан прибавляет шаг.

– Давай наперегонки! – предлагает она.

– Нет.

– А вприпрыжку?

– Нет, не хочу.

И он плетется по тропе.

Иногда ей кажется, что его нежелание что-либо делать прямо пропорционально ее энтузиазму. Он еле-еле идет по мосту, отмахиваясь от комаров или таращась на пеструю лягушку. Потом останавливается и

чесет себе подбородок. Джоан пытается поторопить Линкольна, и он хмурится. По выражению его лица она догадывается, о чем он сейчас попросит.

– Возьми меня на руки, – произносит он.

– Я не могу нести тебя всю дорогу до машины. Ты уже такой тяжелый. – (Он выпячивает губы.) – Вот мое условие, – говорит она, пока ситуация еще под контролем. – Я возьму тебя на руки, когда мы дойдем до пугал. Если будешь умницей и дойдешь до пугал.

– Ладно, – соглашается он, хотя голос его немного дрожит, губа выпячивается сильнее, и он начинает хныкать, шагая с ней в ногу.

Она предполагала, что он может заплакать. Но в целом он принял ее условия. Возможно, через несколько секунд он и заплачет, тогда его следует отвлечь разговором о шлеме Тора или глазной повязке Одина. Возможно, он заплачет еще громче, и она сдастся и возьмет его на руки, потому что он, не жалуясь, прошел на своих маленьких ножках большой путь. А может быть, он не перестанет реветь, но она проявит твердость и заставит его пройти весь путь до машины, потому что не хочет, чтобы он превратился в одного из тех детей, которые устраивают истерики.

В этом и состоит воспитание: система сдержек и противовесов, догадки и предположения, соотношение затрат и результатов.

Над водой повисает стрекоза, а потом устремляется вниз. Цапля пробирается по кромке воды. Деревянные мостки петляют среди деревьев и дикорастущей травы.

Линкольн успокаивается, и Джоан уверена, что он напевает себе под нос боевую песню «Джорджия бульдогс»: «Слава, слава старой Джорджии!», хотя сразу переключается на песню «Тексас лонгхорнс». В их семье нет фанатов ни одной из этих баскетбольных команд, но Линкольн впитывает в себя воинственные песни точно так же, как супергероев и злодеев.

Он собиратель. Он накапливает.

Сквозь деревья Джоан видит конусообразный навес карусели, белеющий на фоне голубого неба. Они проходят мимо забранного сеткой вольера с одноногим орлом и вольера с почти невидимой сеткой для пары белых цапель. Повсюду поваленные сухие стволы, офиопогон, или ландышник, и зеленовато-желтые водоросли. Она подходит к склонившейся ветке, и один из ее листьев отделяется, превращается в желтую бабочку и улетает в небо.

Наконец они оказываются на широких бетонных тротуарах. На столбах забора висят фонари из тыкв.

Теперь они в цивилизованном мире. Джоан бросает взгляд на неподвижную молчаливую карусель. Разрисованные жирафы, зебры, медведи, гориллы и страусы застыли. Линкольну нравилась карусель, хотя он ездил только на зебре. Теперь над карусельными зверями парят резиновые летучие мыши и крошечные привидения, свисающие с деревянной рамы. Джоан с Линкольном подходит совсем близко к яркому белому шатру карусели.

– Мамочка, возьми меня на руки, – просит Линкольн.

– Когда дойдем до пугал, – произносит она, не обращая внимания на протянутые к ней руки. – Еще чуть-чуть.

На этот раз сын не протестует. Они спешат мимо карусели в сторону ресторанного дворика и детского водного парка с невысокими фонтанчиками, продолжающимися низвергаться на голубые плитки.

– Здесь побывала Медуза, – объявляет Линкольн, глядя сквозь водяные брызги на затененный уголок с каменными фигурками черепахи, лягушки и ящерицы.

Каждый раз, увидев эти каменные изваяния, он говорит, что это знак того, что здесь была Медуза. А увидев паутину, он говорит: «Здесь побывал Человек-Паук».

– Ах, бедняги, – произносит она, поскольку говорит это всякий раз, когда они проходят мимо жертв Медузы.

– Им надо было закрыть глаза, – как обычно, замечает он.

Она бросает взгляд на темные стекла кафе «Коала» с его полками, на которых лежат завернутые в полиэтилен сэндвичи, пакетики с желе и вареные яйца, но внутри нет никакого движения. Пластиковые стулья поставлены вверх ножками на прямоугольные столы. Персонал обычно закрывает кафе и запирает помещение за пятнадцать минут до закрытия зоопарка, так что Джоан не удивляется.

Справа от них игровая площадка со скалами и подвесным мостиком. В свое время Линкольн увлекался Антарктикой, и скалы были для него айсбергами. Прошлой весной он играл в рыцарей и замки на подвесном мосту, громко приказывая невидимым королям выкатить пушки и зарядить катапульты камнями. Теперь тот же мостик для него – радуга, по которой Тор спускается на землю. Через год он перейдет в старшую группу детского сада, и увлечение супергероями померкнет, появится что-то, о чем она даже не догадывается. А потом в какой-то момент зоопарк будет вытеснен чем-то другим, жизнь будет продолжаться, и этот мальчик, который сейчас держит ее за руку, превратится совсем в другого человека.

Они быстро проходят мимо магазина сувениров и деревянной фигуры

с отверстием, куда ребенок может просунуть голову и вообразить себя гориллой. Потом притормаживают около забитых водорослями аквариумов на краю детской зоны. Линкольн, не в силах удержаться, высматривает гигантскую черепаху. В нескольких метрах впереди вдоль изогнутой стены аквариума, чуть пошатываясь, идет пожилая женщина. В руке она держит детскую сандалию.

– Скалы закончились, Тара, – произносит она с характерным бодрим отчаянием в голосе, выдающим в ней бабушку. – Пойдемте.

Показываются две светловолосые девочки, явно сестры, и бабушка наклоняется, протягивая сандалию младшей девочке. У нее косички, и на вид она немного моложе Линкольна.

– Нам пора идти. – Бабушка надевает резиновую сандалию на маленькую ногу и выпрямляется.

Малышка что-то тихонечко говорит бабушке, но Джоан, хотя они совсем рядом, слов разобрать не может. В стекло аквариума бьются мухи.

– Я сниму их, когда мы сядем в машину, – запыхавшись, говорит бабушка.

Взяв девочек за руки, она делает нетвердый шаг. Девочки глазеют на Линкольна, но женщина подталкивает их вперед.

– Это бабушка, – чересчур громко произносит Линкольн, резко остановившись и дергая Джоан за руку.

– Да, пожалуй, – шепчет она.

Джоан смотрит вслед пожилой женщине, ощущая в воздухе цветочный химический запах. Этот запах напоминает ей о миссис Мэннинг, которая в последний день занятий в шестом классе подарила ей, и никому больше, «Остров голубых дельфинов». Но женщина и ее внучки уже уходят, огИБая стену последнего аквариума.

– Если бы у меня была бабушка, она бы вот так выглядела? – спрашивает Линкольн.

В последнее время он заиклился на теме бабушек и дедушек. Джоан надеется, это пройдет так же быстро, как и его другие периоды.

– У тебя же есть бабушка. – Джоан подталкивает сына вперед. – Бабуля. Папина мама. Она приезжала к нам на Рождество, помнишь? Просто она далеко живет. Нам пора идти, милый.

– У некоторых людей полно бабушек и дедушек. А у меня только одна.

– Нет, у тебя их трое. Помнишь? А теперь нам надо идти, иначе у нас будут неприятности.

Волшебные слова. С серьезным и решительным выражением лица Линкольн кивает и прибавляет шаг.

Опять хлопки, громче и ближе прежнего, может быть, с десятков резких хлопков в воздухе. Джоан думает: возможно, это какая-то гидравлика.

Они подходят к берегу пруда – самого большого в зоопарке, почти озера, – и она краем глаза видит лебедей, рассекающих водную гладь. Здесь тропа разветвляется. Правая тропинка идет вдоль дальнего берега пруда, мимо вольеров с африканскими животными, а по левой за несколько секунд можно дойти до выхода. Она видит в отдалении красно-зеленые пятна попугаев, на удивление тихих. Ей нравится этот маленький островок посреди бетона – выложенный кирпичом пруд с насыпным холмом, на котором высажены деревья. Это всегда их первая и последняя остановка, завершающий ритуал каждого посещения.

– Давай попробуй поговорить как попугай, – предлагает она.

– Не хочу. Я просто хочу увидеть пугал.

– Мы увидим их по пути.

Вдоль забора, окаймляющего пруд, выставлен длинный ряд пугал. У многих вместо голов – тыквы, и Линкольн в восторге от этого. Ему нравится Супермен и астронавт с тыквами, разрисованными как белые космические шлемы, и особенно Кот в шляпе.

– Хорошо, милый, – говорит она.

Он протягивает к ней руки.

Джоан бросает взгляд на забор, на ярко-голубую голову-тыкву Кота Пита и замечает, что некоторые пугала упали. Свалило ветром, думает она, но нет, сильного ветра не было. И все же примерно с полдюжины пугал валяются вдоль тропинки, идущей в сторону вольера с попугаями.

Нет, не пугала. Не пугала.

Джоан видит движение чьей-то руки. Видит тело, чересчур маленькое для пугала. Юбка неприлично задрана над бледным бедром, ноги согнуты.

Она медленно поднимает взгляд и смотрит вдаль, мимо фигур на земле, мимо попугаев, в сторону длинного невысокого здания с общими душевыми, на дверях которых написано: «Только для служебного пользования». Около здания рядом с фонтаном неподвижно стоит мужчина. Одет в джинсы и темную рубашку. У него каштановые или черные волосы, черты лица неразличимы, но она четко видит, как в следующий момент он толкает ногой дверь душевой, держа на изготовку длинную черную винтовку, дуло которой выглядывает из-за его головы наподобие антенны. И он исчезает в женской душевой с бледно-зелеными стенами.

Ей кажется, у клетки с попугаями происходит какое-то движение, кто-то еще на ногах, но она отворачивается и больше ничего не видит.

Схватив Линкольна, она поднимает его и сажает себе на бедро, сцепив

под его попкой свои руки. Его ноги тяжело повисают.
Она пускается бегом.

17:32

Она устремляется вперед, не к телам, разумеется, а вокруг пруда, в сторону африканских животных. Пока она бежит, ей приходит в голову, что можно было бы вернуться в лес и спрятаться в тени песчаной ямы или под высокими деревьями, но ей не хочется поворачивать назад, поскольку она не знает, видел ли их тот мужчина – мужчины? И если он последует за ними, то не станет торопиться, потому что у него есть оружие. К тому же какая-то часть ее противится тому, чтобы идти назад, вперед все-таки лучше. Безопасней.

Скорей! Скорей! Скорей! В голове у нее звучит это слово. Подошвы в такт ему стучат по бетону.

Она представляет себе, что стрелок наблюдает за ними, потом огибает озеро и направляется к ним, расплываясь в улыбке. Она представляет, что он прибавляет шаг.

Это невыносимо. Она бросает взгляд через плечо – никого, однако и рассмотреть толком не может, потому что не хочет сбавлять темп.

Во время бега вязаная юбка путается в ногах. Джоан хочется подтянуть ее, но руки заняты. «Может быть, она разорвется», – с надеждой думает Джоан. Она слышит, как под подошвами скрипят мелкие камешки. Сжимая ремешок сандалий между двумя пальцами, она слышит шлепанье подошв. Еще одна проблема: вдруг сандалия слетит.

Вдоль тропинки на проволоке над их головами подвешены фонари из тыкв, и каждый ее шаг освещается ярким белым светом, как это бывает, когда Линкольн нечаянно направит ей в глаза свет от карманного фонарика.

Небо постепенно темнеет.

– Почему мы бежим? – спрашивает Линкольн.

Все сорок фунтов его веса бьют ее по бедру, и она удивляется, почему он до сих пор был так спокоен. Может быть, он только сейчас заметил, что они направляются не к парковке.

Она с трудом переводит дух, чтобы ответить ему:

– Скажу тебе. Через минутку.

Он крепче обнимает ее за шею. Рядом с ними, за яркими огнями, проходит колея детской железной дороги. Как ей хочется, чтобы их увез

маленький черно-красный поезд! Но похоже, она может бежать быстрее этого поезда. И все же поезд не помешал бы. У нее уже болят руки, и она вспоминает, как на прошлой неделе они гуляли в парке. *У уток есть зубы? Они точно меня не укусят? У уток есть ноги? Почему я не ходил, когда был совсем маленьким? У меня были ступни? У меня были ноги?* В тот день она и в самом деле дошла до такого состояния, что на обратном пути не смогла нести его на руках и, не обращая внимания на рев, опустила на траву.

Сейчас она не опустит его на землю.

– Мамочка! – обиженно говорит он, прикоснувшись ладонью к ее лицу. – Минутка уже прошла.

– Там плохой дядя, – объясняет Джоан.

Она никогда не сказала бы этого, если бы не была так напугана.

– Где? – спрашивает Линкольн.

Она теряет нить разговора.

– Что-что?

– Где плохой дядя?

В два шага Джоан перепрыгивает через железную дорогу. Опять же, если бы прошел поезд, это означало бы, что им кто-то управляет, а ей очень хочется увидеть человеческое существо. Вот уже озеро у них за спиной, и тела, и тот человек остались на другом его берегу, и это хорошо. Петляющая, идущая вверх дорожка к африканским животным обсажена деревьями – широколиственными растениями влажных тропических лесов, – укрывающими от посторонних глаз. Их сейчас действительно трудно увидеть, если кто-то и смотрит.

– Он был там, – едва не споткнувшись, говорит она.

Она слышит вой сирен. Трудно сказать, насколько близко, но это означает, что сейчас приедет полиция и во всем разберется, но пока ей от этого не легче.

– Я не видел плохого дядю. Откуда ты знаешь, что он плохой?

Линкольн стучается подбородком о ее плечо.

Когда она не отвечает на его вопросы, он огорчается и может расплакаться. А ей сейчас вовсе не нужен шум, к тому же он начнет ерзать или, хуже того, обмякнет у нее в руках. Тогда он станет вдвое тяжелей.

– Нам надо уходить отсюда. Немедленно. Так что помоги маме и крепче держись за меня. Давай доберемся до безопасного места, и тогда я тебе отвечу. – Джоан с трудом произносит эти слова. Легкие разрываются. Ноги гудят.

Солнце зашло за верхушки деревьев, и под ногами появились длинные

бледные тени.

Джоан задевает локтем банановый лист, твердый и широкий, как крыло.

– Куда? – спрашивает Линкольн, потому что, разумеется, он не перестанет спрашивать. – Куда мы бежим?

Она не знает. По какой дорожке? Куда дальше? Что она ищет? Ноги продолжают двигаться в прежнем ритме, и она сильнее напрягает пальцы ног. Жаль, что дорога идет в гору.

Долго она не выдержит.

Спрятаться. Им надо спрятаться.

Это в первую очередь, а потом они смогут позвонить в полицию, или Полу, или то и другое. Она считает, надо позвонить в полицию, – просто чтобы сообщить им, что они с Линкольном в ловушке. Им наверняка необходимо знать, кто остался в зоопарке. Джоан перемещает сына с правого бедра на левое и прижимает к себе.

– Мама! – произносит он, требуя от нее ответа.

Ему всегда нужен ответ.

Наконец они переваливают через холм, оставляя за спиной стену дикорастущих ландшафтных растений. Она всматривается в вольер с африканскими слонами – песчаные дюны, луг и бегущий ручей. Им надо поворачивать направо или налево. Направо – жирафы, львы и тигры, налево – носороги, дикие собаки и обезьяны.

– Мама! – (Она целует его в голову и поворачивает налево.) – Я ударился зубом о твое плечо.

– Извини, – откликается она.

Сейчас Джоан даже рада, что не пошла в лес, к знакомым узким тропинкам у Ямы динозавров, потому что, несмотря на высокие деревья вокруг, они не нашли бы там укрытия, и несколько хороших мест – хижина и домик с бабочками, – наверное, были бы слишком очевидными. Конечно, если бы их заметили, там много места для маневрирования, но как она может маневрировать с прилипшим к ней Линкольном? Нет, им не надо места, чтобы убежать. Если кто-нибудь их заметит, бегством им не спастись.

Эта мысль вдруг кажется ей очень важной. Она доказывает, что ее мозг преодолевает панику.

Да. Бегство им не поможет. Им надо спрятаться так хорошо, чтобы их не увидели, пусть даже кто-нибудь пройдет рядом. Ей нужна кроличья нора. Бункер. Тайный ход.

Линкольн перестал звать ее. Должно быть, ее страх передался ему. Она будет только рада, если этот страх сделает его более понятливым, а не

вызовет ужас. Она не может знать наверняка, но, когда они будут в безопасности, она это выяснит.

Вольер со слонами тянется бесконечно, и пока она бежит вдоль его ограды, до Джоан доносятся звуки музыки – одна нота, другая, но вскоре она начинает различать песню из «Охотников за привидениями». К тому моменту, когда они проходят мимо автоматов с кока-колой, которые часто представляются Линкольну в виде компьютера Бэтмана, бодрая музыка звучит уже очень громко.

Джокер опять пустился на старые трюки! К «Бэтмобилю»! Мамочка, как ты думаешь, у Бэтмена есть автомойка, потому что, если «Бэтмобиль» испачкается, как его вымоют, ведь он с откидным верхом? Джоан чуть подворачивает лодыжку, но не сбавляет темпа. Справа от них, совсем близко у ограды настоящий слон, сонный на вид, и она радуется, что он такой большой. Мельком замечает легкое покачивание его хобота, улавливает ритм, но поворачивает в другую сторону, налево, всматриваясь в широкое здание, стоящее всего в нескольких метрах от них. Закусочная «Саванна». Они лакомились здесь изюмом, сидя под гигантским навесом из соломы, и летом на них дул подвешенный под потолком вентилятор, но они ни разу не были в самом кафе. Ей нравится сидеть снаружи, смотреть на слонов и воображать, что они в Африке. Как-нибудь она приведет его сюда. Ей нравится думать обо всех местах, какие она покажет сыну. *Мама, ты правда ездила верхом на слоне в Таиланде? Да, это было до твоего рождения.* Джоан замедляет шаг, видит душевые, вспоминает о выбитых дверях и снова пускается бежать. Возможно, в самом кафе безопаснее. Наверняка на дверях есть замки, и внутри должны быть еще комнаты, кабинеты и кладовые с надежными замками, укромные уголки и стенные шкафы, а еще стулья, столы или тяжелые коробки, которыми можно забаррикадировать дверь. Мысль кажется заманчивой. Джоан устремляется в тень соломенной крыши и толкает стеклянную дверь, но она не поддается, и внутри все темно.

«ОТКРЫТО» – гласит одна табличка.

На другой, фиолетово-розовой, написано: «ВАРКА ВЕДЬМИНОГО ЗЕЛЬЯ».

Джоан поворачивается и снова бежит. Линкольн крепко держится руками за ее шею, и от этого ей немного легче, но она очень устала и, потеряв ориентацию, чуть не налетает на бетонный столб.

Она замечает у себя над головой громкоговоритель, из которого гремит музыка. *Невидимка спит в твоей постели. Кого ты позовешь? Охотников за привидениями.*

Она удаляется от павильона, от громкоговорителей, возвращаясь в меркнувший солнечный свет. Исчез слон с его изящным хоботом. Как может исчезнуть нечто столь огромное? Она вновь и вновь шепчет на ухо Линкольну: «Все хорошо» – и снова прибавляет шаг, хотя не знает, куда идти. Ничего похожего на стабильный ритм ее регулярных пробежек по соседним улицам. Она плохо подготовлена. Она вспоминает о своем старшем брате, о том времени, когда во время службы в армии он увлекался бегом с нагрузкой: взваливал на себя рюкзак весом тридцать фунтов и пробегал с ним по много миль. В то время она почти с ним не виделась, потому что он переехал с отцом в Огайо, задолго до ее отъезда. Они встречались лишь во время летних каникул – всего две недели – и иногда по праздникам. К ней приезжал взрослый мужчина, и он надевал ей на спину рюкзак – это было за семь лет до ее первого марафона. Она старалась поразить его, но спина ее покрывалась потом, и она задыхалась после двух кварталов. Она и сейчас задыхается, мышцы горят, под весом Линкольна она наклоняется в сторону. Если бы все эти годы она бегала с нагрузкой, то сейчас ей было бы намного легче.

Сколько времени она бежит? Три минуты? Четыре? Она вне времени. Прошла вечность.

На фоне звучания синтезаторов восьмидесятых она все-таки слышит вой сирен. Теперь громче.

Джоан почти дошла до вольера с носорогами. Она видит двух подростков, мальчика и девочку, бегущих ей навстречу. По их виду она понимает, что они бегут не потому, что стараются успеть до закрытия, а потому, что их что-то напугало. Джоан казалось, она хочет увидеть людей, но теперь оказывается, что нет. Люди – сложные существа. При виде ее подростки замедляют бег, мальчик хватается за темные очки, которые слетают с его лица, и оба начинают одновременно говорить, спрашивая о чем-то, но Джоан обходит их и поворачивает в сторону.

У девочки оранжевая юбка с кромкой из черного кружева – такая короткая и узкая, что едва прикрывает трусики. Что за мама у этой девочки? А может быть, очень хорошая мама, внушившая ей, что она красивая даже в юбке, похожей на колбасную оболочку.

– Не ходите к выходу, – чуть замедлив шаг, говорит Джоан. – Какой-то человек стреляет в людей.

– Стреляет? – повторяет девочка.

Мальчик что-то невнятно произносит, и его слова теряются в воздухе.

– Он убьет вас, если увидит, – бросает Джоан через плечо. – Спрячьтесь где-нибудь до приезда полиции.

Она не оборачивается. Единственное, что волнует ее, – это Линкольн. Он не может умереть, истекая кровью на бетонной дорожке.

Хорошо, что кафе оказалось закрытым. Это был бы глупый поступок. Они с Линкольном могли бы хорошо там спрятаться, но тот человек наверняка будет обыскивать здания. И внутренние помещения станут его первой мишенью. Вышибать двери, разбивать окна и ломать все вокруг – это бы его устроило, а на открытом воздухе нечего громить, там нет мебели, дверей и человеческих костей.

Она слышит свое дыхание и свои тихие шаги, но она слышит также шум ветра и шум машин на некотором отдалении, и трепещущие на ветках листья – весь фоновый шум, на который обычно она не обращает внимания. Ей нужен этот фоновый шум, потому что Линкольн не сможет все время молчать. Он хороший мальчик, но от него нельзя ожидать полного молчания. Что, если их погубит его шепот?

На открытом пространстве.

Но спрятаться. В каком-нибудь месте, где никто не будет искать их.

Джоан бросает взгляд на открытое пространство слоновьего вольера, где много скал и целые стены из валунов, с которых не прыгнуть на землю. И там бродят слоны, и сама идея идиотская, но в этом что-то есть. Ведь бандиты не станут обыскивать вольеры?

Она придумала это не более чем за десять шагов – так быстро и так медленно. Если она обернется, то наверняка увидит подростков, но все эти размышления ни к чему не приводят. На некотором отдалении слышится рев льва, не такой уж грозный, потому что животных кормят как раз перед закрытием зоопарка. Он снова рычит, едва ли не утешительно. Вокруг них дикие существа в клетках. Она ощущает солидарность с окружающим миром.

Визгливым, агрессивным голосом заверещала обезьяна, и Джоан начинает думать, что, возможно, зрители так и не приступили к вечернему кормлению. Может быть, их прервали.

Тогда ее осеняет. Дикобраз.

Все здания должны быть заперты, а может быть, и нет? Может быть, последняя связка ключей так и не была использована?

Молясь, чего не делала уже давно, Джоан поворачивает к зданию с приматами. Слева остается игровая площадка с африканской тематикой: барабаны, маски, качели, изваяние скарабея. Она устремляется к вольеру с паукообразными обезьянами, которые беззаботно висят на веревках или раскачиваются на них, уцепившись хвостом и лапами. И вот у входа в зону приматов она толкает двойную дверь, которая сразу распаивается. Джоан

поспешно углубляется в прохладные темные залы здания, проходя мимо лемурув с черно-белыми полосатыми хвостами, и оказывается в полукруглом затененном помещении, где из пола растут деревья. Как и в отношении большей части здешнего ландшафта, она не знает, настоящие это деревья или искусственные, но, опершись рукой о ствол, чувствует настоящую кору.

– Человек стрелял в людей? – уткнувшись в ее ключицу, спрашивает Линкольн.

– Да.

– Он гонится за нами?

– Нет, – отвечает она.

– Тогда почему мы бежим?

В вольерах горят лампы дневного света, и она видит валуны и пещеры, в которых могут укрыться животные. Пещеры, возможно, приведут в невидимые помещения, если только пройти через стеклянные перегородки. Но она не умеет проходить сквозь стены. Невидимая женщина? Одна из Людей Икс? Поэтому она продолжает бежать через залы, слегка задевая гладкие стеклянные стены и шершавые стены из шлакоблоков.

Она знает: настанет момент, когда мышцы откажут ей. Когда руки упадут плетьюми, как бы она их ни напрягала. Пока у нее постоянно ломит и пульсирует все тело – от плеч до запястий, от бедер до лодыжек.

– Мамочка?

– Мы почти пришли, – говорит она, с трудом ворочая языком.

Кругом беспечные обезьяны, одни обезьяны.

Потом она замечает стеклянную дверь и толкает ее плечом. Они снова на улице, и их овевает прохладный воздух. Перед ними облупленная ограда, доходящая Джоан до груди. За оградой небольшое пространство с соснами и высокой травой. Джоан стоит на деревянных досках настила – дворик между вольерами. Слева видна еще одна стеклянная дверь, ведущая к бабуинам и орангутангам, а также к другим застекленным вольерам и открытым проходам, не представляющим для нее интереса. Тут есть табличка на кирпичной стене, объясняющая привычки дикобраза, хотя нет объяснения тому, почему дикобраза поместили в зону приматов. Несколько месяцев тому назад одна смотрительница с блокнотом в руке призналась – тихо, чтобы не услышал Линкольн, – что дикобраз умер. Джоан с Линкольном периодически проверяли, не появился ли новый. Она сказала сыну правду, ведь он видел мертвых птичек и белок, раздавленных тараканов. И зачем делать вид, что никто никогда не умирает. Поэтому Линкольн надеялся на появление маленького дикобраза. Однако вольер

оставался пустым.

Она надеется, он и сейчас пустой.

Джоан подходит ближе к ограде, разглядывая невысокие деревья и выдолбленные колоды. Среди лоскутков голой земли и гравия видны немногочисленные пучки дикорастущей травы. Все выглядит запущенным и неопрятным. В средней части вольера находится то, что она запомнила: валуны высотой три или четыре фута. Поперек вольера тянется футов на десять сложенная из камней извилистая стена, за которой ничего невозможно разглядеть. Пространство обтянуто металлической сеткой, плотно увитой лианами. Забор не меньше пятнадцати футов в высоту, с установленной под углом верхней планкой. Неужели дикобразы умеют лазать по вертикальной стенке? Вдоль забора возвышаются сосны.

Этот вольер скрывается далеко за углами и закоулками корпуса приматов. Он кажется совсем неподходящим для людей, и именно это представляется ей идеальным.

Она опускает Линкольна на ограду и облегченно вздыхает. Через эту ограду совсем несложно перелезть, а с другой ее стороны есть небольшой выступ. Она может поставить туда ногу, а потом поднять Линкольна, и если даже что-то пойдет не так и он упадет с этой небольшой высоты, то не ударится, но может разреваться, а шуметь нельзя – нет, ему нельзя падать. Она все время будет держать его.

– Вот что мы сделаем, – говорит она. – Я посажу тебя сюда, а сама перелезу через...

Он трясет головой и хватается ее за руки:

– Мама, нам нельзя идти к зверям!

– Там никого нет, помнишь? – Она пытается оторвать от себя его пальцы. – Это дом дикобраза. И нового дикобраза там пока нет.

– Заборы нужны для того, чтобы животные были внутри, а люди снаружи, – возражает он.

Она никогда так не сожалела, что он всегда выполняет правила.

– Сегодня другие правила. Сейчас действуют правила чрезвычайных ситуаций. Такие правила, когда мы прячемся, чтобы человек с винтовкой нас не нашел.

Линкольн отпускает ее, оборачивается назад и вновь вцепляется в Джоан:

– Я упаду. Слишком высоко.

– Разве я дам тебе упасть?

– Нет, – крепче прижимаясь к ней, говорит он. – Мамочка...

– Я обниму тебя. Сейчас я перелезу...

– Мамочка, – хнычет он.

– Ш-ш-ш. Я тебя держу.

Она приподнимается и перемахивает через ограду, продолжая придерживать его с двух сторон. Это неудобно, она немного качается, но ей удается кое-как упереться ногами о выступ.

Он вцепился ей в руки. Она слышит его прерывистое дыхание, он готов расплакаться. Из-за человека, стреляющего в людей, или из-за того, что совершенно нарушен привычный порядок вещей? Она не имеет представления.

– Мамочка...

– Я тебя держу. – Джоан обвивает его рукой и притягивает к груди.

Его подошвы глухо ударяются о металлическое звено ограды.

– Сейчас я опущу тебя, – предупреждает она, – и я хочу, чтобы ты поставил ноги на этот маленький выступ, а руками держался за решетку. Потом я поставлю тебя на землю и возьму на руки.

Она поднимает его, продолжая говорить, чтобы не дать ему шанса задуматься, потому что по размышлению храбрости у него не прибавится, а она покончит с этим в два счета. Крепко держась за ограду одной рукой и согнувшись, она опускает его вниз. На какой-то момент он оказывается в воздухе, но она держит его одной рукой. Она чувствует, что он боится, но вот его ноги уже упираются в тот же уступ, на котором стоит она. Она крепко держится пальцами за ограду.

– Держись крепче, – говорит Джоан.

Оттолкнувшись от ограды, она мягко и легко спрыгивает на землю. Руки щекочет высокая трава. Потом она опускает сына вниз, повернув к себе лицом, и он обвивает руками ее шею, а ногами обхватывает ее бедра. Она идет вперед, внимательно глядя себе под ноги, хотя он загораживает ей обзор. Поневоле Джоан припоминает, как во время беременности ей мешал видеть дорогу живот. Наконец они оказываются за высокими валунами, которые выглядели такими заманчивыми.

Она опускается на землю, прислоняясь спиной к валуну – твердому и холодному – и раскидывает ноги. Линкольн по-прежнему держится за нее.

17:42

Линкольн не отпускает ее, так что она одной рукой вытаскивает из сумки телефон, держит перед собой, рядом с его головой, и поглаживает

спутанные кудряшки. Волосы у него на затылке всегда спутаны, словно он втирал в кожу головы сироп. Она проводит по экрану большим пальцем и вдруг застывает, раздумывая, звонить в полицию или Полу. Полиция уже наверняка здесь, и у них могут возникнуть вопросы к ней. Но ей необходимо услышать голос Пола.

И тут она замечает сообщение от Пола. Она всматривается в привычное черно-серое начертание букв.

Вы ведь не поехали сегодня в зоопарк? Сообщи как можно скорее.

Разумеется, он понятия не имеет, куда они поехали. Обычно Джоан пребывает в неведении, куда они поедут, пока Линкольн не объявит свои планы на день, сидя в детском кресле автомобиля. Пол спрашивает, поскольку ему что-то известно.

Она набирает ответное сообщение, хотя в голове мелькает мысль позвонить ему, но пальцы начали автоматически отвечать. Это привычка.

Да, в зоопарк. Ты знаешь, что происходит? Сейчас мы прячемся в вольере дикобраза.

Он наверняка не знает, где вольер дикобраза. Он не бывает в зоопарке так часто, как она. Она добавляет:

В зоне приматов.

Она нажимает «отослать», потом сразу же набирает вторую эсмэску.

Вызови полицию. Видела у входа тела. Человек с винтовкой.

И снова нажимает «отослать». С порядком сообщений что-то не так, они перепутаны, но пальцы продолжают набирать текст. Ей нравится смотреть, как перемещаются строчки, как буквы складываются в слова, ей нравится подсветка экрана. И пока она набирает, не существует ничего, кроме голубых строк, заполняемых словами и идущих одна над другой.

Мы в порядке. В полной безопасности.

Потом ее пальцы замирают, и она задумывается о том, что может

произойти дальше.

Волосы Линкольна щекочат ей руку. Он ерзает и извивается. Шепотом она напевает «Эдельвейс», колыбельную, которую они с Полом поют ему каждый вечер. Она напевает слишком быстро, чересчур высоким голосом, словно на ускоренной перемотке.

Ей надо набрать что-то еще. Ее пальцы в нетерпении подергиваются.

– Зачем ты взяла телефон? – уткнувшись ей в плечо, спрашивает Линкольн приглушенным голосом.

– Папа, – отвечает она в тот момент, когда от Пола приходит эсэмэска.

Прочитай это, я сейчас тебе звоню. Люблю.

Под сообщением информация о контакте. Она смотрит на голубую цепочку подчеркнутых букв и цифр, а потом звонит телефон – пугающе громко. Ей не пришло в голову включить режим без звука, и она немедленно отвечает.

– Не могу разговаривать, – говорит она тоном специалиста своего дела. Как будто она на совещании, как будто не знает точно, от кого этот звонок. – Нам надо сидеть тихо. Я не знаю, где они.

Может быть, не только привычка заставила ее набирать эсэмэски. Может быть, какая-то ее часть уже знала то, что она осознала сейчас. Телефон – это риск. Он создает шум. Разговаривая, она создает шум. На шум придут люди.

Это так просто. Если поразмыслить, все становится вполне понятным.

Она вновь начинает:

– С нами все в порядке, но...

Не дослушав, муж прерывает ее слишком громким голосом.

– Что происходит? – спрашивает он. – С тобой кто-нибудь есть? Ты видела полицейских? С Линкольном все хорошо? Что значит, вы «в безопасности»? Они могут добраться до вас? Господи, как жаль, что я не с вами, милая!.. Мне так жаль...

Она не перебивает его. Она понимает его потребность слышать ее голос. Она думала, у нее есть та же потребность, но его голос не дает ей ощущения, что он рядом. Она чувствует, что он далеко, или нет, она чувствует, что *она* далеко. Словно какая-то ее часть летит к нему, прочь из зоопарка, в знакомую жизнь, а она не хочет никуда улетать. Не может. Она должна быть здесь. Она не может сейчас утешить мужа.

– Мы в порядке, – шепчет она, как и раньше, имитируя тон исполнительного директора. Как будто эти люди когда-нибудь говорят

шепотом. – Мы прячемся.

– Что ты видела?

– Я люблю тебя. И мы в порядке, но я не могу говорить. Я должна быть начеку. Я видела того мужика издали. Там... – она смотрит на макушку Линкольна, – там у входа была стрельба, и после этого мы проходили мимо. Потом мы побежали и спрятались. Это все, что я знаю. Правда, не звони больше. Я позвоню, когда мы будем в безопасности.

– Я наберу девять-один-один и скажу полицейским, что вы в вольере дикобраза, – задыхаясь, говорит он. Такой голос бывает у него, когда он, поднимаясь по крутому холму к своему офису, звонит ей, чтобы спеть одну из своих песен – он всегда поет, – но он знает, что она рассмеется и повесит трубку. – Я люблю вас. Передай ему. Берегите себя.

Она отключает телефон и поворачивается к Линкольну. Он беспокойно ерзает у нее на коленях, дрыгает ногами и бьет теннисками о землю. Она просовывает руки ему под мышки, помогая повернуться и встать на ноги. Он встает, и она продолжает держать его за пояс.

– Это был папа, – шепчет она.

Линкольн прислоняется спиной к валуну:

– Знаю.

– Говори шепотом, – произносит она. – Он просит передать, что любит тебя.

– Знаю, что любит.

– Чуть потише, – умоляет она.

– Ладно, – шепчет он в ответ.

Он снова начинает дрыгать коленками. Ноги стоят на месте, но все тело дергается. Получается странный танец, будто пляшет марионетка.

Небо розовеет, над вершинами деревьев пролегают длинные фиолетовые полосы.

– Ты действительно очень большой, – говорит она.

– За нами гонится сейчас плохой дядя? – спрашивает он.

– Не знаю, – отвечает она. – Но если и гонится, то здесь он нас не найдет.

Продолжая подергивать руками и ногами, Линкольн вертит головой по сторонам, изучая новый ландшафт. Как всегда, он любопытен и в то же время осторожен. Она наблюдает за ним. Стоя на одном месте, он повсюду шарит взглядом.

Любопытство пересиливает. Он делает шаг в сторону кирпичной стены здания, указывая на что-то.

– Там миска для воды, – говорит он. – Как миска Мадлза.

– Ага, – соглашается она.

Она снова оглядывает траву вокруг них и, кроме потрескавшейся пластмассовой миски, которую он заметил, видит другие странные мелочи, разбросанные поблизости. Справа от них авторучка, а ближе к ограде – блестящий обруч для волос. Ей кажется, что около забора виднеется белый носок.

– Дикобразы пользуются мисками для воды? – спрашивает он.

– Думаю, да.

– Они пьют воду?

Она представляет себе, что зажимает ему рот рукой, крепко держит его, приказывая замолчать. Она отчаянно этого хочет, но не может вообразить сценарий, в котором это возможно. Если она сильно напугает его и он перестанет болтать, то, вероятно, разревется.

– Ш-ш-ш, – вновь шикает она. – Говори потише. Все пьют воду.

– Все? – шепчет он.

– Все, – повторяет она.

– Значит, дикобраз пил из этой миски? – говорит он, подходя к Джоан ближе и прижимаясь к ее правому боку. – И он сидел у этого камня, как мы сейчас? Ты думаешь, это был мальчик? Или девочка?

Она не замечает в нем признаков испуга. Его голубые глаза широко распахнуты, но они всегда широко распахнуты. Он удобно привалился к ней и, пожалуй, немного взволнован тем, что находится в доме дикобраза. Разумеется, у него нет представления о том, что именно по-настоящему ужасно. Он боится маскотов, Чаки Чиза и коров ресторана «Чик-фил-Эй». На прошлой неделе они наткнулись на один из фильмов про Бэтмена, который показывали по телевизору, где играет Хит Леджер – весьма волнующий, – и Линкольн сказал, что в старой версии 1960-х Джокер страшнее (сын большой знаток Бэтмена).

Иногда, услышав в громкоговорителе незнакомый голос, Линкольн плачет. Он считает ужасными инспекторов манежа в цирке. А сейчас он, теребя бородавку на правой руке, тихо напевает: «Слава, слава старой Джорджии! Слава, слава...»

И все же. Невозможно предугадать, что скрывается за спокойным выражением этого круглого лица. Ей следует дать ему какое-нибудь объяснение. Предложить какой-то план. Ему всегда нравилось составлять планы, нравилось знать, что вторник – музыкальный день в детском саду, что в среду будет испанский, а в четверг – урок рисования, и что она заезжает за ним каждый день, кроме среды, когда его забирает Пол, и что в субботу вечером они закажут на ужин китайскую еду, а в воскресенье

утром ему разрешат целый час смотреть мультики.

Ему нравится знать, что именно произойдет.

– Так вот, – шепчет она, пока он дотрагивается до ее лица, проверяя, на месте ли его любимая веснушка, – все будет отлично. Здесь мы в безопасности. Это как в той истории, когда происходит сражение и плохих парней сажают в тюрьму. Нам просто надо тихо посидеть здесь, пока плохого парня не поймают.

– Как зовут плохого парня? – спрашивает он.

– Не знаю.

– У него есть имя?

– Конечно. У всех есть имя. Просто я не знаю.

Он вновь кивает, продолжая рассматривать свою бородавку. Джоан прижимается к камню, подтянув к себе колени и положив руку на ногу Линкольна. Потом бросает взгляд за спину. Гряда валунов полностью закрывает их от людей, которые могли бы прийти со стороны корпуса приматов. Подняв голову, она видит лишь вершины деревьев и небо. Здесь они скрыты от людских глаз.

Затем она начинает изучать забор вокруг вольера, рассматривая его слева направо. Она не успела обратить внимание на то, что находится в этом вольере, но теперь замечает, что лианы на заборе не такие уж густые. Сквозь плети виднеются части других вольеров. Она пытается вспомнить план зоопарка и решает, что ей видна часть африканского вольера, скорее всего носорожьего, хотя это может быть и какой-то закрытый, не используемый более вольер. Вдоль загородки другого вольера – густые и высокие заросли бамбука, скрывающие то, что за ними. Через другой просвет между лианами она видит рельсы железной дороги, и рядом с ними асфальтовая дорожка делает поворот, так что не ясно, куда она ведет. Может быть, это отрезок пешеходной дорожки, хотя Джоан не припомнит, чтобы когда-нибудь видела вольер дикобраза с любой внешней дорожки. Может быть, это какая-то резервная тропа, которой пользуются только служители. Но сейчас важно лишь одно: сможет ли их увидеть человек, идущий по этой тропе?

Джоан думает, что просветы между лианами не такие уж большие.

Теперь она не слышит никаких тревожных звуков: ни шагов, ни выстрелов. Ни сирен. Она удивляется, что сирен нет.

Она вдруг понимает, что так и не посмотрела информацию, которую послал ей Пол. Какая же она рассеянная! Она хватается телефон, проводит пальцем по экрану, кликает сайт местных новостей с двумя краткими абзацами, вклинивающимися в домашнюю страницу, и торопливо

пробегают слова: «выстрелы», «белый мужчина» и «предположительно много раненых». Последняя фраза в кратком отрывке: «В настоящее время полиция прибыла на место событий».

Бессодержательность этой последней фразы приводит ее в ярость. Ничего не значащие слова. Полиция сейчас на парковке или в нескольких метрах от нее? Прилетели ли они на вертолетах? Полицейских десятков или сотня?

Линкольн снова отрывается от нее, и она отпускает его, собираясь размять ноги. Но стоит ему сделать несколько шагов, как она хватается за рубашку и тянет к себе:

– Будь рядом. Пока не придут полицейские, мы должны тихо сидеть на месте.

– За нами придут полицейские?

Она забыла сказать ему об этом.

– Да, – говорит она. – Мы подождем, пока полиция не поймает дядю с винтовкой, а потом сюда придут полицейские и скажут, что мы можем идти домой. Но нам надо сидеть очень тихо, потому что мы ведь не хотим, чтобы плохой дядя нас увидел. Это как в прятках.

– Я не люблю прятки.

– Шепотом, – снова напоминает она.

– Я не люблю прятки, – повторяет он голосом, который можно назвать шепотом.

– Тебе не нравятся прятки, когда надо прятаться одному, – напоминает она. – На этот раз я прячусь вместе с тобой.

Он топчется на месте, поддевая носками теннисок сухую землю, отчего появляются облачка пыли. Какое-то время он молча смотрит на свои ноги, потом проводит рукой по валуну.

– Намба намба намба намба, – заводит он мелодию, и после первых пяти нот она узнает бойцовскую песню футбольной команды Мичиганского университета.

Он поет без слов. Его энергия бьет через край, и в обычной ситуации это хорошо, но теперь ее начинает переполнять ужас.

Она разжимает зубы. Только сейчас до нее дошло, что она сжимала их, потому что у нее дрожали губы.

– Намба намба намба намба, – напевает он без всякой фальши.

– Слишком громко, – произносит она, и у нее тоже выходит громко.

Он кивает, словно ожидал такую реакцию. Он уже пристально смотрит на что-то поверх ее плеча. Он стоит на одной ноге, сохраняя равновесие.

– Дай я тебе что-то скажу, – шепчет он, наклоня голову в сторону

здания. – Вон там кранопотам.

– Кранопотам? – переспрашивает она.

Он поднимает руку, указывая на торчащий из стены водопроводный кран.

– Да.

– Эта штука похожа на кран?

– Да, но это не кран. Кранопотамы похожи на краны.

– Расскажи мне о них.

– О кранопотамах?

– Да.

Она не сжимает зубы. Не дышит прерывисто. Ей кажется, она говорит совершенно нормально. Не директорским тоном. Она постоянно работает над тем, чтобы каждое ее слово звучало спокойно и легко, чтобы она говорила как его мама, а не как безумная женщина, готовая кричать, стенать и рвать на себе волосы.

Он подходит к ней ближе, но не садится. Может быть, он чувствует, что безумная женщина еще поблизости.

– Ну вот, – начинает он, – у кранопотамов есть голова, хобот и клыки. У них длинное тело, а вместо ног – шерсть.

– Что еще? – шепчет она.

– У них нет рта. Они едят носом и нюхают глазами. У них не может быть языка.

– И они живут в зоопарках?

– Да, – отвечает он. – Только в зоопарках. Никогда не слышал о диком кранопотаме.

– Они опасны? – спрашивает она, но тут же жалеет о сказанном.

Она ведь старается отвлечь его, и не надо напоминать ему о плохом.

Он, похоже, несколько не обеспокоен.

– Некоторые из них, – говорит он.

– Вон тот – опасный? – глядя в сторону крана, спрашивает она.

– Нет. Это лазающий тип. Им нравится забираться с дерева на дерево, но если они не могут залезть, то ползут. Некоторые кранопотамы состоят из травы. Некоторые из растений или нижнего белья. Или из мяса.

Джоан заставляет себя улыбнуться, потому что обычно так и делает.

Она любит, когда он вот так фантазирует. Однажды в вестибюле гостиницы он посмотрел на нее и объявил: «У меня в кармане две маленькие девочки. Крошечные девочки. Одну зовут Люси, а вторую – Пожарный». В другой раз он сказал ей, что все его мягкие игрушки ходили в церковь и там все были без штанов.

Это хорошо, думает она. Это лучше, чем паниковать.

– Но они похожи на краны? – очень тихо подсказывает она.

Она даже не думала, что умеет говорить так тихо.

– Это хищник, – шепчет он, как будто это ответ на ее вопрос. – К тому же рептилия. Но они, как и гиппопотамы, могут быть агрессивными.

Она пытается вспомнить, в какой из его книг попадает слово «агрессивный». В книге про аллигаторов? Или о древних греках? В этот момент она чувствует бедром вибрацию мобильного. Заслонив его ладонью, она читает сообщение мужа.

Сил больше нет. Должен проверить. Поговори со мной.

Она крепче сжимает телефон. Пол, конечно, навывдумывал себе всяких ужасов. «Если всегда ожидаешь самого худшего, то будешь приятно удивлен», – сказал он ей, когда они только начали встречаться, и она ответила: «Никогда не слышала ничего более глупого». Иногда они шутят на тему его непоколебимого пессимизма, но только не сейчас. Сейчас это оправданно.

Мы в порядке. Во вполне безопасном месте. Я позабочусь о нас. Полиция уже в зоопарке?

Не знаю. По телефону никто ничего не говорит. Еду в зоопарк.

– Тот кранопотам не может двигаться, мама, – шепчет Линкольн. – Тот кранопотам совсем не двигается.

– Но я думала, это лазающий тип, – говорит она, одновременно набирая текст.

«Один преступник, – думает она. – И все силы полиции. Разве не должны быть здесь бронемшины, и очки ночного видения, и газ, и агенты ФБР? С момента первых выстрелов прошло по меньшей мере полчаса».

Почему все тянется так долго?

Не имею понятия. Собираюсь выяснить. Люблю.

Линкольн что-то говорит. Ей кажется, он повторяет свои слова.

– Что, детка? – спрашивает она.

– Раньше он лазал. Этот кранопотам раньше лазал, мамочка.

Если не реагировать, он будет все повторять.

– Понятно, – быстро произносит она. – Верно. Этот кранопотам раньше лазал.

Уставившись на кран, Линкольн жует свой воротник.

– Думаю, он мертв, – говорит Линкольн.

Она смотрит на сына, в ее руке светится мобильник.

– Наверное, он спит.

– Нет, – возражает Линкольн. – Он умер. Кранопотамы очень легко умирают.

Она вновь опускает глаза на экран мобильного и пишет Полу, что свяжется с ним позже. В пятый или шестой раз она убеждает себя, что в телефоне включен режим без звука. Она заставляет себя положить его на землю рядом с собой, вновь оказавшись наедине с сыном, когда никто не может ей помочь. Никто, кроме мертвого кранопотама.

– Думаю, он спит, – повторяет она.

Линкольн продолжает грызть воротник рубашки. Обычно она просит его перестать, но сейчас делает вид, что не замечает этого.

– Я хочу пить, – шепчет он.

Джоан рада смене темы разговора. Она лезет в сумку, довольная тем, что сегодня не стала настаивать на том, чтобы он пил из питьевых фонтанчиков.

– Вот, отхлебни немного. – Она протягивает ему пластиковую бутылку с водой.

– Ммм, – мычит он, сделав большой глоток. Над его верхней губой появляются блестящие мокрые усы. – Холодная.

Он пьет еще, по подбородку стекает вода. Наконец он опускает бутылку и рубашкой вытирает рот.

Раз или два, разговаривая со взрослыми, вместо слова «пить» она употребляла слово «хлепать». В их доме это привычное слово, одно из многих, появившихся после рождения Линкольна. Детский нагрудник – это «опрятная собака», потому что у них есть книга, в которой неряшливая собака пачкается едой, а опрятная собака надевает детский нагрудник. «Можно мне „опрятную собаку“?» – просит он, если видит, что его рубашка пачкается. Костяшки пальцев он называет коленями пальцев. А когда он был маленьким, еще даже не совсем самим собой, то называл мяч «мясь», а изюм – «зюм». Чтобы показать, что хочет рисовать, он шмыгал носом, потому что как-то вместо рисования пальцами они попробовали рисовать носом, и это произвело на него впечатление.

Он вытягивал руку перед собой с согнутой ладонью, и это было знаком для «фламинго».

Чтобы попросить на завтрак яйцо, он издавал шипящие звуки: «Ш-ш-ш». Так шипят яйца, когда их выливаешь на сковороду. Он ввел в употребление собственный язык.

Много чего не существовало до его появления на свет.

* * *

Кайлин знает одно: виновата ее мать. Если бы мама не отобрала у нее телефон, все было бы по-другому. Кайлин звонила бы сейчас в полицию, или отцу, или кому-нибудь еще. Наверняка родные ужасно хотят получить от нее весточку. Она вспоминает о том, как Виктория отправляла в школе миллион сообщений после той автомобильной аварии, когда она сильно ударилась, и все так беспокоились. Но каково теперь сидеть, как в ловушке, в кладовой зоопарка!

Ну надо же! И только потому, что она проспала три утра подряд и опоздала на автомобильный пул и маме пришлось везти ее в школу, только из-за этого она лишилась телефона. Пожалуй, не исключено, что маме станет так стыдно из-за всего этого, что Кайлин в конечном счете получит новый телефон.

Этого почти довольно, чтобы приободрить себя. Она ощущает под ладонью твердую и холодную стальную дверь. Ей нравится гладкий металл, и она растопыривает пальцы, словно делает отпечаток ладони. Ее рука липкая от кетчупа.

Она здесь совершенно одна. Когда у нее есть телефон, она не бывает одна.

На третий день в череде опозданий она выглянула из окна спальни и увидела, что другие девочки в автомобильном пуле выезжают с подъездной аллеи, и она сбежала по лестнице, чтобы уехать вместе с ними. Не ее вина, что они уехали слишком быстро. Но ее матери было все равно.

Кайлин отодвигает засов, приоткрывает дверь и выглядывает в узенькую щелочку. Ничего. Никого. Она убирает волосы с лица и откусывает от «зоологического» печенья. Жираф. Сахар помогает избавиться от неприятного вкуса во рту, хотя она предпочла бы жареную курицу или картофель фри.

Еда всегда помогает.

Ее папа посмеивается над ней, потому что она не любит быть одна. Она делает домашнее задание в комнате, где есть кто-нибудь еще, или смотрит с отцом телек в его кабинете, или протирает с мамой столешницы на кухне. Папа говорит, что она даже не любит быть одна в спальне, и это правда, поэтому она спит в одной спальне с сестрой, хотя ей сказали, что на правах старшей она может переехать на цокольный этаж. Но пока она пытается заснуть, ей нравится слышать чье-то дыхание.

Жаль, что мамы нет рядом.

С ней все в порядке. Она в самом безопасном месте. Если кто-нибудь придет, она запрет дверь на засов, и они до нее не доберутся. Глупо бояться. Вот папа не испугался бы. Когда он был маленьким, то брал в лес пистолет и стрелял в зверей, а потом разрезал их, чтобы посмотреть, что у них внутри. Он поджег стул только для того, чтобы посмотреть, как он горит. Он никогда не мечтал попусту. Он делал дело.

Она тоже хочет быть человеком дела.

Она съедает еще одно «зоологическое» печенье. Льва.

* * *

Обычно Маргарет планирует свою прогулку так, что подходит к слонам в 17:10, когда в загон для кормления приходят служители и дают команды животным ходить взад-вперед, вставать на колени и поднимать ноги. Работники зоопарка утверждают, что эта процедура в конце дня позволяет контролировать состояние суставов и копыт, но Маргарет подозревает, что служителям просто нравится рисоваться.

Тем не менее она с удовольствием наблюдает за этой процедурой. Это ведь бесплатное цирковое представление, о котором, похоже, больше никто не догадывается. Ей не понять, что заставляет невеселых стариков в тренировочных костюмах бегать трусцой вокруг какого-нибудь торгового центра. Она приезжает сюда каждый понедельник, среду и четверг, по рекомендации врача совершая в течение часа прогулку в бодром темпе. После того как слонов уводят, она обычно направляется к парковке.

Маргарет всегда проворна, а вот служители – нет. Иногда она приходит, и в загоне никого нет, кроме пары озадаченных слонов. Слоны более надежны, чем служители. Она подозревает, что служители – миллениалы, которых больше интересует йога и душевное спокойствие, чем выполнение работы.

Поэтому сегодня, увидев пустой загон, она удивлена не отсутствием людей, а отсутствием слонов, которые в отдалении бродят по искусственной саванне. Они выбились из режима. Стоя в тени громадного металлического контейнера, она несколько минут ждет. Она в наушниках – ей осталось дослушать всего две главы романа Патриции Корнуэлл. Маргарет изучает надпись на контейнере: «ВЫ КОГДА-НИБУДЬ ЗАДУМЫВАЛИСЬ О ТОМ, КАК ПЕРЕВОЗИТЬ СЛОНА?»

Наконец она снимает наушники и засовывает в карман MP3-плеер, сразу поняв, что зря это сделала, потому что напрягается, а для этого нет явных причин. Наверное, ее тревожит эта тишина. Она смотрит на часы, испугавшись, что потеряла счет времени. Но нет, до закрытия еще несколько минут.

Обычно на пути к выходу ей попадаются другие посетители. Сегодня она не видит никого.

Она, разумеется, стоит у подножия крутой горки на краю территории слонов. Перед ней – горка, а справа металлический контейнер, и почти никакого обзора. Подавив тревогу, она начинает подниматься в гору, но, не дойдя до верха, слышит два коротких звука, напоминающих разряды статического электричества или раскаты грома. Почти одновременно раздается высокий голос, звучащий на одной ноте. На крик он не очень похож.

Маргарет делает еще один шаг, позволяющий ей увидеть крытый соломой павильон кафе, и слышит быстро приближающиеся шаги. Непонятно почему она разворачивается и устремляется вниз по холму, неудобно вывернув больное колено. Не обращая внимания на боль, она быстро залезает в проем большого металлического контейнера. Внутри темнее, чем она подозревала.

Ощущая плечами металл, она прижимается к стене и чувствует себя по-дурачки, но отступает глубже в тень, не сводя глаз с проема в контейнере и глядя на слоновий загон, в котором ничего не меняется. Слышны еще шаги, потом раздаются приглушенные голоса, затем шаги ускоряются. Она слышит лязганье металла или стекла. Хлопанье двери. И снова какой-то треск.

Она размышляет о том, испытывают ли слоны клаустрофобию. Кожу холодит кулон из бирюзы, и она ощупывает его пальцами. Она купила его, потому что он в точности такого же цвета, как ее флисовая кофта. Это по-прежнему доставляет ей удовольствие.

Маргарет не знает, сколько прошло минут. Она не шевелится, поскольку, что бы ни происходило, Маргарет не склонна действовать

сгоряча. Ей нравится рассматривать проблему в целом. Это пригodiлось ей, когда она красила волосы в медово-золотистый цвет, чтобы скрыть седые, и покупала довольно новый, но неинтересный таунхаус взамен своего хорошенького коттеджа в стиле ар-деко, в котором протекала крыша. Это пригodiлось ей, когда она промолчала в ответ на решение дочери учить сына дома, а ему, ей-богу, не помешал бы опыт общения со сверстниками.

Маргарет представляет себе лицо дочери, всегда немного утомленное, потому что та отказывается красить губы, когда выходит из дому.

В контейнер залетает москит и теряется во мраке. Некоторое время не слышно никакого шума. То, что она испытала минуту назад, теперь представляется ей своего рода панической атакой, и она ощущает знакомую тревогу клинического свойства по поводу раннего наступления болезни Альцгеймера или опухоли мозга. Звуки бегущих ног и отдаленные крики можно объяснить как угодно. Скорее всего, подростки. Возможно, ее уже заперли в зоопарке и ей придется разыскивать какого-нибудь снисходительного служащего. Она больше не может оставаться здесь, прячась в этом гигантском ящике.

Итак, она выходит наружу, заметив, что солнце скрылось за вершинами деревьев. Она медленно поднимается на холм, стараясь разработать колено – хуже всего для него, когда она стоит на месте. Она видит лишь те же старые вольеры, справа в стороне игровую площадку и обезьян, раскачивающихся на веревках в корпусе приматов.

Она превратилась в нервную старуху.

Взглянув на дорожку, она направляется к ресторану «Сахара», или как там он называется. Она слышит звук своих резиновых подошв по бетону, в воздухе чувствуется странный запах дыма. Она случайно задевает ногой детскую чашку, оставленную на земле. Потом проходит под соломенной крышей ресторанный павильон и, выступая из-под ее тени, замечает сквозь заросли тропических растений какое-то движение. Вид ей загораживают торговые автоматы. Это могли быть колышущиеся от ветра растения, а мог быть и человек, идущий по одной из тропинок. Служащий? Ей как раз надо поговорить с ним.

Она идет через бетонную площадку в сторону автомата с кока-колой. Перед автоматами есть дверь, ведущая в ресторан.

Она замечает эту дверь, лишь проходя мимо нее.

Маргарет замечает дверь, только когда та открывается.

Замечает ее лишь в тот момент, когда из-за двери резко высовывается рука и втаскивает Маргарет внутрь.

* * *

Он потерял Марка и теперь не знает, что делать. Робби стоит здесь один, уставившись на кабанов. Марк, конечно, знает, что делать, и он не мог так просто исчезнуть. Правда, Марк такой тихий. В этом проблема. Он может ускользнуть, а ты даже не заметишь.

Никто не скажет, что Робби тихий.

Они с Марком стояли у озера, когда прозвучали первые выстрелы. Пуль, естественно, видно не было, но по воздуху разлетались обломки кирпичей, обрывки листьев и веток из вольера с попугаями, а также яркие перья. Воздух закипел, как во время бури, только быстрее, и никто не рассказывал ему прежде, что от выстрелов бывает такое. Послышались вопли и визги, а затем стали выкрикивать имена людей. В какой-то момент Робби оцепенел, а потом они с Марком побежали, за ними несколько человек, еще способных двигаться. К тому времени около десяти человек уже лежали на земле, навзничь и ничком, и, взбегая на горку, он перешагнул через женщину, которая что-то шептала. Они попытались попасть в ресторан наверху холма, но ничего не вышло, и они побежали к камышовым кошкам. Марк был по-прежнему рядом. Но потом Робби оглянулся через плечо – Марка рядом уже не было. И вот Робби остановился под сенью беседки около диких свиней, а на табличке написано «Кабаны».

Это довольно хорошее место, потому что вокруг стены, так что издали его не увидят, но самому можно смотреть в щели между досками и наблюдать за дорожками. Кабаны, сопя и роя землю клыками, ходят по загону. Им наплевать на винтовки и пули. Это уж точно.

Робби не знает, надо ему идти дальше или ждать здесь. Надо ли кого-нибудь позвать в надежде, что плохие люди не услышат его?

Проще ждать. Наблюдать. Он умеет хорошо наблюдать.

Немногие вещи ему удаются. Он вспоминает об одном давнишнем дне рождения, но не хочет о нем думать. Он пытается сосредоточиться на кабанах, на их огромных головах и на том, что у них нет шей. Нет, он не станет думать о том дне рождения, но почему-то у него возбуждается неправильный нейрон: в тот день, когда он пришел в гости к Эйдану и мама сказала ему, что там будут сморы, его любимое лакомство, дверь открыла мама Эйдана, обняла его и показала ему палатку, которую поставила в гостиной.

Мама Эйдана была красивой, с длинными темными волосами. Она

была к нему добра и согласилась, что у «Рейдеров» самый страшный в Национальной футбольной лиге логотип. Он помнит, как приятно было разговаривать с мамой Эйдана, а другие дети занимались чем-то еще – играли в рыбалку с бельевыми прищепками и веревкой? – а потом ему понадобилось в туалет. Идя по коридору обратно, он услышал голос мамы Эйдана.

– Хочу кое-что сказать всем вам, – говорила она очень серьезным голосом, и он прибавил шаг, потому что не хотел пропустить ничего по поводу галет и шоколада. – Хочу, чтобы вы не обижали Робби, – произнесла она как раз в тот момент, когда он подходил к двери, и он прижался к стене, чтобы его не увидели. – Робби особенный. Это все.

Робби уже знал, что он не совсем такой, как все. Но когда это произносится вслух, все меняется. Мама Эйдана попыталась сделать комплимент, однако это не было комплиментом, и она об этом знала, как знали все остальные. И вот он здесь, в компании диких свиней – грязных и противных, – а ведь сегодняшний день должен был стать каким-то особенным, да? В конце-то концов. Он был частью чего-то. Он приспособился. А может быть, люди просто выжидали и все время планировали это? Нет, в этом нет смысла.

Он вытирает ладони о брюки. Разжимает и сжимает пальцы. Потные руки. Еще одна проблема с детскими праздниками – чересчур много игр, когда надо держаться за руки, и ему говорят: «Ох, твои руки». А однажды какой-то взрослый назвал его «тот потный парнишка». Сейчас ветерок приятно обдувает ладони. Ему надоело стоять здесь, ничего не делая. Надо хорошенько подумать, хотя у него лучше обстоит дело с эмоциями – ну, не так уж здорово, – но он многое чувствует. Больше других людей, и иногда он говорит им об этом, но они не понимают.

Надо внимательно оглядеться по сторонам. Он смотрит налево и направо, концентрируя внимание на всем, что движется. Ему стоит поискать людей. Из вольера с зебрами до него доносятся звуки от взмахов хвостов. Рельсы железной дороги. Деревья. Белки на ветвях, которые гоняются друг за другом. Он пытается все это охватить взглядом.

Перед тем как потерять Марка, Робби услышал от него, что они умрут, если не выберутся отсюда. Он вновь смотрит на кабанов. Потом вспоминает о шепчущей женщине, через которую перешагнул, когда бежал. На ней была униформа защитного цвета, как у всех служащих зоопарка, и почти половина ее рубашки стала багряно-красной. Он смотрит на кабанов, размышляя о том, каково это – держать такого зверя дома, и думая то же самое о белках. А еще он думает о двух белках, гонящихся друг за

другом: это игра или что-то серьезное, и как белки относятся друг к другу.

Думай.

Думай.

Неужели другим людям так же трудно выстраивать мысли в линию, чтобы одна следовала за другой, как сцепленные вагоны поезда? Он всегда отвлекается, и чувства вновь берут верх. Где Марк? Он так и будет стоять здесь один, пока не придут люди с винтовками и не застрелят его? И не совершил ли он огромную ошибку, придя сегодня в зоопарк? Наверное, он сглупил. В основном он ведет себя глупо. Иногда он в этом уверен, и его мама терпеть не может, когда он так говорит, а его мама... Он закрывает глаза, пытаясь перевести дух. Почему он это делает? Почему до него всегда слишком поздно доходит, и потом ему хочется все переделать, начать с начала, и он ругает себя за то, что все испортил, зная, что опять все испортит?

Один из кабанов мочится на землю. Это крупные животные, уродливые и глупые с виду. Зачем они дали посадить себя в клетку?

Он берет винтовку и поднимает над оградой. Потом нажимает на спусковой крючок. С того момента, как они прошли через входные ворота, он чувствует, что оглушен. Жаль, им не пришлось в голову взять с собой наушники, но теперь выстрелы звучат не так громко, как тогда. Точности он предпочитает скорость, целясь в голову, живот и хвост. Ему хочется отстрелить хвост. Он всего в двух метрах от мишени, а не в сорока-пятидесяти, как на стрельбище, и эта мишень, в отличие от людей, не двигается, поэтому он поражен нанесенным ущербом. У первой свиньи прострелено брюхо, и содержимое, дымясь, вываливается на землю, второй кабан тоже мертв. Робби, пятась, выходит из беседки, и тут его настигает запах.

Никто не говорил ему о запахах.

Он не снимает пальца со спускового крючка своего классического «бушмастера», вновь обретая уверенность в себе. Теперь мысли и чувства у него под контролем. Не понятно, зачем Марк твердит ему о регулировке рукоятки – что удлиненная задняя скоба даст нужный угол. Ему и так нравится. Так удобно держать в руке.

Он слышит шаги и оборачивается с винтовкой на изготовку.

– Остынь, дебил! – вопит Марк, резко пригнувшись и едва не опустившись на колени.

У него в руке пистолет «глок», а в кобуре «смит-вессон».

Робби опускает винтовку.

– Где ты был?

– Охотился. Я думал, ты идешь прямо за мной. Готов?
Робби кивает.

18:00

Джоан кажется, она никогда так пристально не следила за изменчивостью небес. Огненная полоса, появившаяся сразу после захода солнца, расширилась и потемнела. Теперь все небо в полосах цвета очищенного персика. Цвета все больше сгущаются.

Она слышит из зоны приматов какие-то звуки. Звук тяжелого удара: то ли захлопнулась дверь, то ли что-то упало. Вновь хлопающие звуки, но не от лопнувших воздушных шаров. Ритм как от быстрого постукивания пальцами по столу, а потом звон разбитого стекла. Тонкий вопль, не человеческий.

Все звуки приглушенные, как при убавленной громкости, но кто-то явно идет через здание. Кто-то, не опасаящийся, что его услышат.

– Ш-ш-ш, – шепчет она Линкольну. – Ни слова. Замри, как статуя. Он идет.

Линкольн не спрашивает кто.

– Обними меня за шею, – шепчет она. – Закрой глаза и исчезни.

Она тоже хочет закрыть глаза, но не закрывает. Вместо этого она дышит в такт его дыханию. Она чувствует, что он запустил пальцы ей в волосы и прижался к ее шее. Чувствует, что он прижался к ней всем телом.

Он не такой сдержанный, как некоторые маленькие мальчики. Он теплый комочек любви. Ему разрешили забираться в постель к родителям в семь тридцать утра – он произносит это «семь-три-ноль», – и он неукоснительно выполняет эти условия. Не важно, во сколько он проснулся, он будет напевать в своей кровати до этого момента, а потом схватит ворох плюшевых зверей и распахнет дверь спальни со словами: «Уже семь-три-ноль. Я пришел к вам поваляться».

Он приподнимет одеяло и раскроет объятия, а иногда уткнется головой ей в плечо или шею и, скосив глаза, скажет: «Я исчез». Ей хочется, чтобы сейчас так и получилось. Чтобы она притянула его к себе и он исчез.

Очередной крик из здания, странно похожий на голос попугая, хотя попугаев там нет.

Дыхание Линкольна влажное и громкое. К верху забора из сетки прицепился пластиковый пакет, который раздувается и треплется на ветру,

как подхваченная водой медуза.

Джоан вдыхает и выдыхает. Вдыхает и выдыхает.

Она надеется услышать шаги, потому что так бывает в рассказах, но не слышит ничего похожего на топание ног. Она была уверена, что тот человек будет в ботинках, грохочущих при ходьбе, но после долгих мгновений раздаётся лишь скрип распахиваемой стеклянной двери. Джоан и не подозревала, что это такой сложный звук: долгий свист, короткий скрип и звук засасывания воздуха, – но даже и после того, как дверь закрыта, шагов не слышно.

Дверь с мягким стуком захлопывается, а потом ничего. Джоан бросает взгляд через вольер на забор из сетки, на сосны, ища глазами парящий в воздухе пластиковый пакет, но вместо него видит поднятый в воздух лист, застрявший в паутине. Она недоумевает: а был ли там вообще кто-нибудь? Может быть, это всего лишь ветер или просто она вообразила себе эти звуки?

Потом заговаривают голоса – один тихий, второй нет.

– Ничего, – произносит громкий голос.

– Разве ты никогда не ходил на охоту? – говорит более тихий, хриплый голос, словно у человека кашель. – Заткнись, тупица!

Их двое. Двое мужчин. Должно быть, они стоят на деревянном помосте напротив вольера. Это значит, они отделены от нее с Линкольном оградой высотой до пояса, метрах в трех от них, и грядой валунов, к одному из которых она прижалась спиной.

Помимо своей воли она начинает воображать себе их по голосам. Тот с тихим голосом напоминает ей одного высокого парня из школы, с которым они занимались математикой. Чертовски умный, но обычно обкуренный, с длинными, неровно остриженными волосами. Он никогда не заговаривал, пока его не спрашивали. Учительница обращалась к нему, только когда замечала, что он таращится в потолок или завязывает ботинки, так или иначе демонстративно игнорируя ее урок. Тогда миссис Винсон резким, раздраженным тоном выкрикивала его имя, задавая ему какой-нибудь сложный вопрос и полагая, что он не ответит, но он всякий раз отвечал. Он отвечал на все вопросы и всегда говорил слишком тихо, поэтому, чтобы услышать его, приходилось напрягать слух, и все старались услышать, потому что между ним и миссис Винсон всегда шло постоянное негласное состязание.

– Если здесь никого нет... – произносит голос, который трудно разобрать.

– Никаких животных.

- Непохоже, чтобы...
- Больше никаких животных.

Она представляет себе, что громкий голос принадлежит толстяку с большой головой. Рубашка не заправлена в брюки, короткие и толстые пальцы. Человек, который чувствует себя каким-то негодным, который из всех сил старается соответствовать, и от этого получается только хуже.

Они, конечно, не арабы, хотя эта мысль приходила ей в голову. Они говорят не как террористы-мусульмане, а как отвратительные белые парни. Разве всегда это не белые парни? И она не знает, становятся ли они от этого более или менее опасными, чем фанатики в джихаде.

Открывается вторая дверь, ведущая к орангутангам. Линкольн издает еле слышный звук и поворачивает голову. Джоан догадывается, что он собирается позвать ее. «Мамочка». Это слово почти стало ее именем. Но она шикает на него, глядя по голове, и он ничего не говорит. Но она не знает, сколько продлится это молчание.

Его теннисная туфля впивается ей в бок.

Листик невероятно медленно раскачивается на паутине, и Джоан хочется, чтобы он замер, потому что движение ей не нравится. Она хочет, чтобы все замерло.

Ей хочется, чтобы все вокруг превратилось в неподвижную картину.

– Тебе никогда не хотелось подстрелить льва? – спрашивает громкий голос толстого парня. – Поехать на сафари? Знаю, ты там был.

– Это был не лев.

– Да, но кто это, черт побери?! Весь черно-белый и лохматый и с такими зубами. Это не обезьяна.

Это колобус, думает она. Ей нравятся их белые бороды, грустные глаза и длинный мех на руках, похожий на занавески. Колобусы качаются на веревочных качелях в угловом вольере между лемурами и гиббонами.

– Заткнись! – велит парень, очень похожий на мальчика из их математического класса.

– Никого не осталось, – произносит громкий голос. – Seriously, тот кабан так развалился на части, что...

– Заткнись! Кое-что осталось. Пошли.

Она чувствует, как напряглись ее мышцы, как тело превращается в панцирь. Зубы у нее снова стиснуты. Линкольн легкими пальчиками выстукивает дробь у нее на загривке, сам же сидит спокойно.

– Это жульничество, – раздраженно произносит тихий голос. – Ты палишь без остановки, где же класс?

– Завидуешь? – спрашивает громкий голос.

Почему они все еще разговаривают? Почему не вошли в дверь, которую давным-давно открыли?

– Ты слепой, что ли, пупсик? – спрашивает громкий голос, причем так громко, что Джоан вздрагивает. – Ты что, слепая рыба, которая роется в грязи? Или извивающаяся мерзкая гусеница?

– Я не слепой, – отвечает тихий голос без всякого раздражения. Хотя этот голос звучит немного по-другому. Парень произносит слова медленнее и отчетливее, словно играет какую-то роль. – Я думаю.

– Я тоже думаю, пупсик.

В них есть что-то странное, размышляет она. В их голосах. И в этом «пупсике».

– Ты и правда думаешь, есть кто-то еще? – спрашивает громкий голос.

Он снова звучит нормально, без этого растягивания слов, которое она слышала минуту назад. Она ждет ответа тихого голоса, но тот не отвечает. Тишина гораздо хуже разговора. Может быть, они заметили показавшуюся из-за валуна прядь ее волос? Может быть, сейчас они берут оружие на изготовку, собираясь перемахнуть через ограду? Или же тихий просто кивнул в ответ? Или они остановились, завязывая шнурки или поправляя конские хвосты? Есть ли у них конские хвосты? А как насчет ножей? Умные они, глупые или сумасшедшие, есть у них план или стратегия? Это самоубийцы или садисты и чего вообще они хотят?

Как ей узнать хоть что-нибудь? Она даже не видит их. Враг совсем рядом, и у нее есть шанс получить какие-нибудь сведения. Это помогло бы ей разобраться во всем, но у нее лишь обрывки – обезьяны, и пупсик, и уроки математики, – которые не стыкуются вместе.

Она слышит скрип деревянного помоста у них под ногами.

– Давай, – говорит тихий голос.

– Да, сэр, да.

Смешок. Потом дверь закрывается с негромким свистом. Джоан осознает, что тихонько шикает в ухо Линкольну. Она похожа на ребенка, который изображает ветер. Тем не менее она не прекращает, потому что он молчит, а ей и не надо, чтобы он говорил. Она крепче обнимает его. Будь ее воля, она обездвижила бы их обоих на час или два, на день, навсегда – так, чтобы он не вспомнил звука тех голосов.

Линкольн ворочается у нее на коленях, стучаясь макушкой о ее ключицу.

– У меня гип-по, – шепчет он.

Она открывает рот, но выходит лишь тихий хрип. Сглотнув, она пробует снова:

– Ш-ш-ш.

– У меня гип-по, – повторяет он еще тише.

– О-о, – вздыхает она.

Это один из первых придуманных им каламбуров. Линкольн имеет в виду, что у него икота. Она считала это его первой шуткой, но теперь вспоминает, опустив взгляд и сосредоточившись на его лице и дыхании, пахнущем миндальным маслом, что, еще не умея говорить, он делал вид, будто пьет ее кофе, а она говорила: «Малыши не пьют кофе!» А он заходился от смеха.

Он считал, что это смешно – поставить ногу на книгу.

Она чуть отодвигает его от себя, усаживая на колени.

– Постарайся задержать дыхание, а потом выдохнуть, – шепчет она.

– У меня гип-по, – нахмурившись, повторяет он.

Джоан несколько раз моргает, а потом вспоминает: когда он шутит про гип-по, она всегда смеется. В этом все дело. Он знает, что она засмеется, а она не засмеялась, и он пытается снова.

– Глупый, – шепчет она, издав звук, как ей кажется, похожий на смех.

Раздаются выстрелы. Она больше не принимает их за звуки лопнувших воздушных шариков. Она вздрагивает, хотя понимает, что стреляют где-то в отдалении. Правда, выстрелы следуют часто, один за другим.

Она вспоминает, как тихий голос сказал громкому, что тот жульничает. «Палишь без остановки».

Линкольн снова икает. Он ничего не говорит про стрельбу, она тоже.

Она вглядывается в окружающее пространство. Двигутся только деревья.

Неожиданно оживает ее телефон. Он стучит о твердую землю, сообщая о своем присутствии даже при отключенном звуке. Она смотрит на светящийся экран и, чтобы прекратить вибрацию, нажимает на клавишу.

Скоро совсем стемнеет и экран будет еще более заметным. Телефон становится большой проблемой. Пришло сообщение от мужа.

Сейчас я около зоопарка. Полиция все заблокировала, но наша группа ждет на Эссекс-стрит. Нас около десяти, и мы спрашиваем о тех, кто сейчас внутри. Кроме вас, там должен быть кто-то еще. Полиция ничего не говорит.

Джоан обдумывает послание, не зная толком, что можно ему

сообщить. Да, здесь есть другие люди. Она видела некоторых, распростертых на тротуаре. К тому же полицейские ошибаются – стрелок не один. Она должна сообщить об этом мужу, а значит, ей придется написать, что те люди были совсем близко.

Ей придется ему ответить.

Они уже в зоопарке? Полицейские?

Я так и не знаю. Мне даже не виден вход в зоопарк. Нам велят ждать здесь. Говорят, что занимаются этим. Не знаю, что еще я могу сделать.

Джоан испытывает знакомый приступ раздражения. Догадывается, что он фактически ждет, когда она скажет, что надо делать. По временам она чувствует, что отвечает буквально за все: что Линкольну надо принести для экскурсии, когда убежит молоко. И почему ей надо заниматься тысячей мелочей, и почему Пол так доволен этим? Даже сейчас он рад переложить на нее ответственность? И вину тоже?

Она опускает взгляд на его сообщение, сердясь на этот белый шрифт.

И все же она жаждет писем от него. Каждое утро он оставляет ей записку на кухонном прилавке: *Обожаю тебя, особенно твою попку и Ты лучшее, что у меня есть.* Он варит кофе к ее пробуждению, хотя сам кофе не пьет.

Никто не танцует так непринужденно, как он.

Мы в порядке. По крайней мере, здесь нет маскотов.

Он немедленно откликается.

Худший из возможных сценариев.

Ей почти удается улыбнуться.

В Интернете сказано, что, по их мнению, здесь один стрелок. Их двое. Я слышала их, когда они проходили мимо.

На ответ у него уходит больше времени, чем она рассчитывала. Он наверняка придумывает себе всякие ужасы, зная даже, что ничего не случилось.

Они проходили мимо?

Они нас не видели. Но скажи полиции, что их точно двое. Правда, я только слышала голоса. Ничего не видела.

Я сообщу им.

Она знает, Пол хочет сказать больше, но она не дает ему возможности. Она пишет, что ей надо быть внимательной и что она любит его, и он пишет ей то же самое, а потом телефон вновь становится темным. Эта чернота несет в себе облегчение.

– Гип-по прошла? – спрашивает Джоан сына.

– Наверное, – отвечает Линкольн.

Джоан пытается настроиться на нужный лад для тихого, очень тихого разговора с ним, чтобы все пришло в норму. Значительная часть воспитательного процесса состоит в изображении чувств, которые в полной мере не испытываешь. Она размышляла об этом и прежде, слушая, как маленькие пластмассовые человечки часами разыгрывают батальные сцены, но сейчас все эти непреходящие битвы представляются ей полезными. Возможно, то была практика.

Притворяться она умеет хорошо. И в любой момент готова начать это делать.

Она пристально смотрит на траву. Ей кажется, там змея, но это всего лишь палка. Вновь завывли сирены, хотя они звучат явно не на парковке. Звуки усиливаются и постепенно приближаются. У нее такое ощущение, что она слышит пожарную машину – либо две или три, – а не полицейскую, хотя не вполне понимает, в чем разница.

Когда Линкольн еще плохо говорил, он всегда вызывал пожарную часть, сидя в детском автомобильном кресле и сжимая в руке светящийся игрушечный телефон. *Алло, пожарный. В большом городе пожар. Возьми шлем. И сапоги. И плащ. И топор. И шланги.*

Она никак не поймет, почему не может оставаться в этом мгновении. С этим ребенком. Она словно пытается воскресить его прошлые обличья. Они парят вокруг нее, дрожащие и теплые.

– Я слышу сирены, – говорит он.

– Я тоже, – откликается она.

– Ты думаешь, в зоопарке может быть пожар? От выстрелов?

– Едва ли.

– У тех людей могут быть бомбы.

– Не думаю.

– Это были плохие дяди? – спрашивает он. – Те, которых мы слышали? Тот, кто говорил о зверях? И гусеницах?

Она вспоминает, что он узнал о гусеницах в детском саду. Наверное, когда они изучали бабочек. Он слушает, и размышляет, и все вертит и вертит в уме какое-то слово, словно полирует камень, а потом выдает готовый продукт. Она подумала, что его внимание отвлекла икота, но на самом деле он лишь полировал другие свои мысли.

– Это были плохие дяди, – соглашается она.

– Они смеялись.

В своих выдуманных историях он борется с этим. Он считает, что злодеи не должны улыбаться. «Как могут быть счастливы плохие люди?» – спрашивает он.

Она проводит пальцем по костяшкам его пальчиков.

– Иногда плохие люди радуются, когда делают больно другим людям. – И сразу вспоминает, как он говорил ей: «Мама, мы ведь читали о плохих людях, но я не знаю никаких плохих людей. Все знакомые мне люди хорошие».

– Значит, те люди смеялись, потому что думают, что смешно делать людям больно? – задает он вопрос.

– Да, – отвечает она.

– Злодеи, – произносит он, качая головой.

Она смотрит на его спокойное, задумчивое лицо. Моргая, он взмахивает длинными ресницами. Черты лица у него мягкие и нежные. Их педиатр как-то назвала его объективно красивым ребенком.

Когда Линкольн родился, она говорила, что он Джордж Клуни среди младенцев. Пол сказал ей, что Мадлз – Джордж Клуни среди такс, а она сказала ему, что он, разумеется, Джордж Клуни среди мужей, и он ответил, что она окружила себя Джорджами Клуни. В тот день она пыталась съесть кокосовый суп, прижимая к себе спящего Линкольна, и пролила суп ему на спину, и от него весь день пахло лимонным сорго.

Ветер усиливается. Она чувствует, как руки у нее покрываются гусиной кожей.

– Тебе холодно? – спрашивает она Линкольна.

– Нет, – отвечает он.

Возможно, это правда. Он настоящая печка.

– Скажи, если замерзнешь, – говорит она.

– Скажу.

Если бы все было так просто. Если бы она поверила, что он всегда будет говорить ей о своих нуждах. О мыслях. О желаниях.

Стволы сосен закрыты у основания сеткой. Должно быть, мертвый дикобраз поедал кору. Трава усыпана тонким слоем сосновых игл. Пока они не уселись на землю, она этого не замечала, но теперь чувствует, как иголки покалывают ей ноги и руки. Она слышит в отдалении вертолет и смотрит в небо, но ничего не видит. Она часто слышит гул вертолетов, направляющихся в больницы городского центра, и всегда в шуме винта угадывается что-то успокаивающее и одновременно страшное. Этот шум означает, что кто-то тяжело ранен. Ехавшие в машине мать с ребенком, в которых врезался сзади 18-колесный грузовик? Подросток, бросившийся с моста? Но это означает также, что меры приняты. Проблема решается.

Шум вертолета удаляется, и появляется другой звук. Еще несколько мгновений она прислушивается к гулу винтов, не желая его отпускать. Но в конце концов ей приходится забыть о нем, потому что усиливается другой звук.

Плач ребенка.

Младенца.

Поначалу она отказывается в это поверить, но плач становится громче, и она понимает, что по-другому эти звуки не объяснить. Но настоящий младенец так не плачет. Хриплый и гнусавый, этот плач больше похож на плач куклы, которой надавливают на живот.

Однако это не кукла.

За забором у бамбука Джоан замечает какое-то движение. Сначала это всего лишь шевеление в сумраке, почти неотличимое от качания ветвей, но затем среди теней появляется чей-то силуэт – силуэт женщины с длинными развевающимися волосами. Она нерешительно идет, прижимая руки к груди. В ее сложенных руках, возможно, ничего и нет, или это толстый свитер, или сумка.

Но плач делает все очевидным. Женщина прижимает к себе отнюдь не сумку.

– Я слышу ребенка, – говорит Линкольн.

– Ш-ш-ш, – шикает она. – Молчи.

– Почему здесь ребенок?

Джоан смотрит, как женщина идет вдоль зарослей бамбука, и ей чудится какое-то бормотание, но это может быть всего лишь звук падающих листьев. Она догадывается, что женщина пытается успокоить ребенка, и это видно по ее жестикации. На ходу женщина чуть наклоняется, раскачивается и проводит рукой, должно быть, по пушистой головке. Но ребенок нисколько не успокаивается, хотя теперь звуки плача немного приглушенные, и Джоан понимает, что мать – наверняка мать? –

прижимает личико ребенка к своему плечу.

– Я вижу его! – вскрикивает Линкольн. – Вот он.

Джоан зажимает ему рот ладонью. Прикоснувшись к его губам, она с новой силой переживает прежние телесные ощущения: как она, бывало, держит его у груди, такого маленького, с подогнутыми ножками в складочках, мягкая головка лежит на изгибе ее руки, он плачет, а она пытается успокоить его.

Сейчас Линкольн сопротивляется, пытаясь стряхнуть ее ладонь. Она отпускает его.

– Тише, – просит она.

Когда сын был совсем крошкой, его рот, как прилипала, иногда присасывался к ее подбородку. Она, бывало, держит его на руке, прижимая к себе и разгуливая по дому, а его тельце с мягким позвоночником немного вихляет.

– Пожалуйста.

В воздухе плывет одно это слово. Женщина явно разговаривает с ребенком, а не с кем-то другим, кто мог бы слушать. В этом слове чувствуется страх и тысяча других вещей.

– Что они делают? – наконец шепотом спрашивает Линкольн.

– Пытаются спрятаться, – говорит она ему на ухо. – Как мы с тобой.

Мать с ребенком находятся в тридцати-сорока футах от того места, где прячутся Джоан с Линкольном. Джоан могла бы легко позвать их. Она могла бы сказать женщине, что те парни, вероятно, еще близко. Она могла бы предупредить ее, чтобы оставалась на улице и не входила ни в один из залов, потому что парни там охотятся. Она могла бы предложить ей разделить с ними их укрытие, более защищенное, безопасное и незаметное, чем любое другое место в зоопарке. Однажды оно их уже спасло.

Ребенок кричит так громко.

Женщина с ребенком просит о помощи, кто мог бы ей отказать?

Когда Джоан видит женщин с маленькими детьми, она завидует им, ей безумно хочется подержать чужого ребенка на руках, вдохнуть запах его головки и провести пальцем по маленькой ладошке. Ей так нравилось чувствовать около себя маленькое тельце, и она раздумывала, не сказать ли Полу о своем желании завести второго ребенка, пусть даже они решили, что одного достаточно. Увидев женщину с ребенком на руках, Джоан приходит в волнение.

Этот младенец, с тонкой шелковистой кожей на голове. Требовательным крошечным ртом. Беспокорными ручками.

Она не зовет их. Не произносит ни слова.

Просто смотрит, как темный силуэт женщины, все время раскачиваясь, скользит мимо бамбука. Ребенок не успокаивается. И затем женщина с ребенком исчезают, и они с Линкольном снова одни.

18:17

Мама, мне надо в туалет.

У него железный мочевой пузырь, у этого мальчугана. Он почти никогда не просится в туалет.

– Ты можешь пописать, как щеночек? – шепчет она.

– Не хочу, как щенок. Слишком темно.

Он прав насчет темноты. Небо темно-синее. Она видит перед собой лишь очертания своей руки.

– Еще хорошо видно, – говорит она.

– Я хочу в туалет, – слишком громко произносит он. – Настоящий туалет. И чтобы смывалось.

– Послушай, плохие дяди все еще здесь. Тебе надо сидеть очень тихо, чтобы они не нашли нас. Придут полицейские, и мы отправимся домой. Но пока тебе придется пописать, как щенку.

Линкольн задумывается. Когда его приучали к горшку, то на протяжении нескольких месяцев он садился на горшок, только если ему разрешали надеть велосипедный шлем.

– Они могут услышать, когда я буду писать, – возражает он. – Они могут меня застрелить.

У нее в носу начинает щипать – прелюдия к слезам, и сама мысль об этом сильно пугает ее. Нельзя, чтобы сын увидел ее слезы.

– Они тебя не услышат, – говорит она. – Я буду рядом.

«И я могу остановить пулю, – хочется ей добавить. – Я никогда не допущу, чтобы тебе сделали больно. Я сильней, проворней и умней любого, кто может здесь оказаться». Суть в том, что ей не надо даже этого говорить, потому что он в это верит, и ей тоже хотелось бы в это верить.

Его нижняя губа дрожит, и плечи тоже начинают трястись. Впервые она видит на его лице страх.

– Мамочка, – приблизившись к ней, произносит он, – я хочу тебя обнять.

Он давно уже не делал этого, если только по утрам. Это его давнишний пароль, помогающий избавиться от паники, когда он, например,

входит в заполненную незнакомыми людьми комнату. Джоан раскрывает объятия, и Линкольн прижимается к ней, уткнувшись лицом в ее шею. Она чувствует его дыхание и влажные губы на своей коже. Он запускает пальцы ей в волосы. Когда он был младенцем, то запускал пальчики ей в волосы, пока она кормила его, и ей пришлось отказаться от конского хвоста, чтобы он мог добраться до ее волос.

– Ах ты мой малыш, – говорит она.

Под тяжестью его тела напряжение у нее в плечах спадает. Возможно, в том, что его потребность в ней ее успокаивает, есть что-то ужасное. Он, шумно дыша, трется носом о ее подбородок. Потом немного отодвигается, и она чувствует на подбородке его соплю.

Теперь он трется мокрым носом о ее ключицу.

Она дергает воротник, разглаживая ткань, и вытирает соплю с кожи. Она по-прежнему иногда удивляется тому, что такие вещи не вызывают у нее отвращения. Когда дело касается его.

Это близость иного рода, чем, скажем, с любовником. С любовником можно испытывать идеальный телесный комфорт, ощущение того, что его тело принадлежит тебе, а твое тело – ему, что ты без всякого смущения можешь положить руку ему на бедро, прижаться губами к его губам именно так, как ему нравится больше всего, сплестись с ним в тесном объятии, и все же вы в конечном счете два разных тела, и удовольствие проистекает от этого различия.

В случае с Линкольном граница между их двумя «я» размыта. Купая его, она смывает с него все телесные жидкости, а он засовывает пальцы ей в рот или держится рукой за ее макушку, чтобы не упасть. Он пересчитывает ее веснушки и родинки с той же дотошностью, с какой следит за собственными царапинами и синяками. Он еще не совсем понимает, что он отдельное от нее существо. Пока еще ее рука так же близко, как и его собственная. Ее конечности – это также и его конечности.

Они взаимозаменяемы.

– Ты все еще хочешь в туалет? – дотрагиваясь губами до его виска, спрашивает она.

– Наверное, я могу немного потерпеть.

– Нет, – возражает она. – Я не знаю, когда мы окажемся рядом с туалетом. Надо пописать сейчас. Все будет хорошо. – (Он качает головой.) – Я буду рядом. Можешь сделать это прямо здесь.

– Там, где мы сидим? – с ужасом спрашивает он.

– Нет. Вон там. Видишь тот большой сорняк?

Она чувствует, как он поднимает голову и поворачивается.

– Мне надо снять тенниски, – отодвинувшись от нее, произносит он, и она понимает, что уговорила его.

– Ш-ш. Немного потише. Не снимай тенниски. – (Если снять обувь, все усложнится.) – Иначе будешь ходить босиком по грязи.

По временам она никак не может воздействовать на него. Но бывает и так, что он для нее как хорошо знакомая комната, по которой она может перемещаться даже в темноте.

– Не люблю ходить босиком по грязи, – говорит он.

– Знаю.

Он подходит к тому самому сорняку и начинает стаскивать штаны, не прикасаясь к обуви. Он долго писает, и звук от струи мочи, бьющей по растениям, никак не прекращается. На краткий миг она начинает сомневаться в своей правоте на тот счет, что шум для них не проблема. Но наконец все закончено, а он беспокоится, что на тенниски попало несколько капель. Она просит его не волноваться и достает ему из сумки влажную салфетку.

– Мамочка!

– Мм, гм?

– Не хочу больше здесь оставаться.

– Знаю, милый. Но протри руки.

Линкольн, не двигаясь, смотрит на влажную салфетку, зажатую в ее руке.

Джоан всматривается в темноту, разбавленную редкими пятнами света: свет от ближайшего фонаря, более слабый свет от фонаря по ту сторону деревьев, свет луны. Она опускает глаза на телефон. Темнота меняет предметы, Джоан это понимает. Ее беспокоил шум от телефона, но есть ведь и подсветка. В их ситуации свет – редкая и заметная вещь. Но наверняка должны были появиться новости, и в каком-то смысле она больше рискует, не глядя на телефон. Она прикрывает ладонями экран, и, когда он загорается, свет кажется слишком ярким, но таким знакомым. В маленьком аккуратном прямоугольнике заключен целый мир.

Она склоняется над телефоном. Открыв один из сайтов, она находит там те же два кратких абзаца. На другом сайте местных новостей вообще ничего нет. Она вспоминает о новостях Си-эн-эн и видит отменный пиар-снимок входа в зоопарк. В углу снимка размещен баннер срочных новостей и под ним заголовок: «По имеющимся сообщениям, предполагаемая ситуация с действующим в бельвилльском зоопарке стрелком перерастает в ситуацию с заложниками».

Джоан чувствует прикосновение влажной салфетки к икре.

– Не хочу вытирать руки, – объявляет Линкольн.
– Ш-ш. Говори шепотом. Мама кое-что читает.
– Не хочу вытирать руки! – выкрикивает он так громко, что она вздрагивает.

– Тише! – шипит она, опуская телефон в сумку. – Слишком громко! Они тебя услышат.

Он в упор смотрит на нее, и она тяжело вздыхает. Взяв Линкольна за руку, Джоан притягивает его к себе. Говоря, она успокаивается.

– Ты же знаешь, нам нельзя шуметь, – шепчет она. – И мы всегда моем руки после туалета. Иначе ты заболеешь.

Сказав это, она недоумевает, зачем заговорила с ним про гигиену. Ситуация с заложниками.

Заложники.

– Я хочу заболеть, – заявляет Линкольн. – Мне нравится болеть.

Она медленно кивает. Он опять говорит громко. Кружась в паутине своих мыслей, она направляет на него все свое внимание. Нельзя винить его в строптивости. Они прячутся в грязи от вооруженных преступников. К тому же сейчас время ужина, и его настроение напрямую связано с содержанием сахара в крови. Он явно проголодался. Если она не накормит его, поднимется плач и вой, а может быть, и визг.

– Тебе нравится болеть? – спрашивает она.

– Да, – вызывающе произносит он.

Слишком громко, слишком громко, слишком громко. На нее опять накатывает ужас, но она подавляет его.

– Тише, – ласково просит она, осторожно, словно наливает ему в ложку сироп от кашля или расчесывает спутанные волосы; прикосновение – это все. – Знаешь, Супермен не может заболеть.

– Может, если есть криптонит, – откликается он, и на нее обрушивается приступ ликования сродни тому, что испытал Эдмунд Хилари при восхождении на вершину Эвереста. – Зеленый криптонит, – уточняет он. – Как в «Подземелье Дум» и «Скраге, Завоевателе Земли».

– Мне нравится та, что про Скрага, – говорит она.

Она замечает какую-то перемену в его лице: он задирает подбородок и расправляет плечи. Его обуял дух противоречия.

– А мне она не нравится.

– Разве? Я считала, это одна из твоих любимых.

– Самая нелюбимая.

Она не хочет давать ему повод для споров.

– Ладно, – соглашается она.

- Это ужасная книга.
- Ладно. Говори потише.
- Это самая плохая книга из всех, что мы читали.

Если он настроен воинственно, то будет изобретать аргументы. Она проводит рукой по своему лицу – кожа гладкая и упругая. Потом надавливает себе на веки, ощущая под пальцами твердые глазные яблоки. Убрав руку, она облизывает сухие губы и ощущает соленый привкус, и это не так уж неприятно.

- Хочешь поиграть со своими ребятами? – спрашивает она.
- Нет, – моментально отвечает он.

Когда Линкольн отвечает так быстро, это не считается. Она ждет. Наблюдает, как по лицу его проносятся мысли.

- Да, пожалуйста, – поправляется он.

И его дурное, строптивное настроение меняется. Исчезает так же быстро, как возникло. Именно так это обычно и бывает. И оно может снова появиться. Но она с этим справится.

Джоан открывает сумку и делает вид, что копается в ней в поисках игрушек, но одной рукой дотрагивается до мобильного. Она беспокоится из-за подсветки телефона и в то же время не хочет огорчать Линкольна своим невниманием. Ей кажется, под снимком зоопарка и заголовком были написаны важные вещи. Двумя касаниями она просматривает краткий текст.

На месте событий сейчас находится группа специального назначения...

Отделение полиции не раскрывает подробностей.

Свидетели дают противоречивые показания...

Это все же не изложение событий. Больше пробелов, чем сути.

- Мамочка? А мои ребята? – Линкольн кладет руку ей плечо.
- Сейчас достану, – говорит она, пытаясь осознать прочитанное.

Неужели полицейские по-прежнему считают, что имеют дело с одним человеком? И что этот человек закрылся в каком-то помещении? Неужели они думают, что опасность изолирована в одном месте?

– Мамочка! – снова торопит Линкольн, уже более громко и раздраженно.

Она поворачивается к нему, вытаскивает из сумки пригоршню пластмассовых фигурок и с некоторым сомнением вручает их ему – он всегда шумит, рассказывая свои истории, в ходе которых происходят битвы

и споры, – но у нее нет выбора.

Если он станет шуметь, она его успокоит.

Джоан считает, что сделает это с легкостью. Словно она всегда может его успокоить, стоит только пожелать.

– Я могу сочинить историю. – Линкольн старательно расставляет фигурки на неровной земле. – У меня есть Хищник?

– Наверное, – отвечает она, шаря в сумке одной рукой.

Она кладет телефон в сумку: так она скорее пропустит сообщение, но сумка надежно загораживает подсветку экрана. Повернув голову, она изучает каждый дюйм пейзажа – деревья, бамбуковые заросли, рельсы железной дороги, открытые участки – и не замечает в тени никакого движения. Она слышит резкий отдаленный звук – возможно, детский плач. Она слышит его не впервые. Ей он кажется каким-то нереальным.

– Мама, ты нашла его? – спрашивает Линкольн.

Она проводит пальцами по дну сумки – там настоящая вакханалия фигурок разных персонажей. Она нащупывает ключи, несколько ручек, под ногти ей забивается какой-то мусор, но ей попадают также твердые маленькие ноги, руки и шлемы. Она вытаскивает одного – нет, это Чудо-Женщина. Бросив ее, она продолжает рыться.

А-а. Вот и Хищник. Она вытаскивает его и смахивает с головы фигурки засохшую изюминку.

– Вот, – говорит она, протягивая сыну фигурку.

Джоан купила Хищника за два доллара на распродаже в «Барнс энд Ноубл», поскольку Линкольн давно искал персонажа на роль инопланетянина. Потом однажды вечером они переключали каналы и наткнулись на старый фильм со Шварценеггером. Она подумала, что это отредактированный вариант, без крови и сквернословия, поэтому разрешила Линкольну посмотреть. Только в наше время на общедоступных каналах можно услышать: «Не будь задницей» или «Иди к дьяволу». И как же можно разрешать четырехлетнему ребенку смотреть хоть что-то?

Тот фильм не показался Линкольну страшным. Глядя на человека с распоротым животом, свисающего с дерева, он спросил: «О-о, ты думаешь, там его кишки?»

Он с уважением относится к частям человеческого тела.

– Ты думаешь, он может быть зомби? – спрашивает Линкольн, поглаживая пальцем голову крошечного инопланетянина.

– Конечно, – отвечает она.

Вполне возможно, что есть заложники. Возможно, те парни, которые пробирались через корпус с обезьянами, захватили несколько

беспомощных людей и весь террор сконцентрировался в одном кошмарном помещении. Может быть, единственная ошибка, допущенная полицией или Си-эн-эн, – это то, что они неправильно посчитали стрелков. Или, может быть, у них вообще неверное представление о происходящем.

Некоторые из людей, лежавших на бетоне и истекавших кровью, наверное, еще живы. Им нужна медицинская помощь. Им нужна полиция, и как можно скорее. Если преступники продолжают шнырять по зоопарку, охотясь на людей, ждать больше нельзя. Не время осторожничать.

Она могла бы сказать об этом полиции. Или попросить Пола сделать это.

Но что, если захвачены заложники? Что, если она ошибается и, когда полиция ворвется сюда, погибнут люди? Что, если стрелки заперлись в каком-то помещении, а они с Линкольном в данный момент в полной безопасности?

Что, если стрелки сейчас притаились по ту сторону забора и она, даже не почувствовав, получит пулю в голову и ничего не сможет сделать для защиты сына?

– У зомби зеленая кожа, – говорит Линкольн.

– Да, – отзывается она.

В тот вечер, когда они смотрели «Хищника», он был очень возбужден. «Хищник вернется в космос? – подпрыгивая на ковре гостиной, спрашивал он. – Что может послужить космическим кораблем?»

Хищник – это мальчик? Он такой единственный? У него есть друзья? Он ходит к зубному врачу? Он говорит по-английски? Он может жить на Земле? Он может дышать воздухом? Он настоящий? Он живет в настоящих джунглях? Почему в конце он смеется? У него идет кровь, как у людей?

– Ты навсегда останешься моей мамочкой? – спросил он вскоре после того, как они смотрели по телевизору репортаж с какой-то войны – раненые и убитые, на небе вспышки от взрывов.

– Навсегда, – сказала она.

– Когда я вырасту, ты по-прежнему будешь моей мамочкой?

– Буду.

– Можно я буду жить с тобой, когда вырасту?

– Господи, нет! – прошептал Пол ей на ухо, обдавая теплым дыханием, но вслух произнес: – Конечно.

– Потому что я хочу всегда быть рядом с тобой, – сказал тогда Линкольн, положив ей на плечо свою маленькую ручку.

Разумеется, он этого не захочет. Но мысль была приятной.

– Мамочка, дай я скажу тебе кое-что, – говорит он теперь, а Хищник – зомби – копается в земле в поисках чего-то. – Не все зомби плохие.

– Правда?

– Да. Есть зомби, которых называют зомби-полицейские. Они занимаются тем, что ловят плохих зомби и сажают их в большую яму. Это у зомби такая тюрьма.

– Ш-ш-ш, – с запозданием произносит она. – Чуть потише.

Он продолжает играть, и она кивает ему, в тысячный – миллионный – раз всматриваясь в деревья и окружающий их сумрак. Линкольн наверняка перемещает фигурки на ощупь, хотя узкая полоска луны и свет из патио за их спинами дают слабое свечение. Ей видны контуры головы сына, и силуэты деревьев, и крыши зданий. Все вещи вокруг имеют чуть обозначенную форму. Но если она попытается выбраться из их укрытия, надо быть очень осторожной, потому что она не сможет различить под ногами неровности и камни.

Как будут выглядеть тропы зоопарка? Горят ли по-прежнему цепочки китайских фонариков? Освещают ли дорожки фонарные столбы? Если фонари есть, ей придется, конечно, избегать их. Если она вообще куда-нибудь пойдет.

Если они куда-нибудь пойдут.

Она не предполагала, что все будет именно так. Она читала о перестрелках и полагала, что знает, как это бывает. Приходит стрелок и выпускает град пуль, и на землю падают люди, убитые, раненые или просто притворяющиеся, и все это адски ужасно. Но через несколько минут все кончено, потом прибывает полиция, и либо стрелок убивает себя, либо его убивают полицейские. Это жуткая схема. Но схема такова. Она предсказуема, и это всегда шокировало ее больше всего. Убийство – достаточно обыденная вещь, и оно имеет свой установленный порядок освещения в СМИ – заголовки бегущей строкой, снимки хмурых преступников и каникулярные снимки улыбающихся жертв, а также выдержки из «Фейсбука», догадки по поводу того, как они достали оружие, и опубликованные в прессе заявления родственников жертв. Сейчас ей нужна предсказуемость. Ей нужна схема.

Схема не работает – небытие и молчание, час спустя мертвые тела по-прежнему лежат на асфальте.

Ей нужно все хорошенько оценить. Следует ли им здесь ждать? Прятаться независимо от того, сколько это продлится? Это не единственный вариант.

Она знает, что по периметру зоопарк огорожен стенами – «периметр» –

какое-то военное слово, – но ей никак не вспомнить, как выглядят эти внешние стены. Она наверняка видела их, пока они были здесь, наверняка проходила в нескольких дюймах от них. Из чего сделан этот забор – сетка или кирпич? Какой он высоты и есть ли там колючая проволока?

Джоан думает о том, что, будь они здесь одни, она бы составила план с участием этих внешних стен.

Пол ненавидит летать на самолете. При взлете ему всегда хочется держать ее за руку. Он пытается оценить количество самолетов, вылетающих из их аэропорта, а потом умножает это число на количество всех аэропортов в стране, сопоставляет эти цифры и подсчитывает некую воображаемую вероятность авиакатастрофы. Эта математика успокаивает его.

Она размышляет о площади зоопарка. Они с Линкольном занимают сейчас около трех квадратных футов. И если площадь зоопарка одна квадратная миля, а в миле 5200 футов, или около того, то, возводя это число в квадрат, сколько мы получим? Больше 25 000 000 квадратных футов, и, если она понесет Линкольна отсюда, они будут занимать в каждый момент всего пару квадратных футов, так что вероятность того, что стрелки окажутся в том же месте, будет один к 12 000 000.

Она понимает, что ее расчеты никуда не годятся.

– У меня всегда было две ноги, – говорит Линкольн, как она думает, голосом зомби. – Правда, две никому не нужны. Нужна только одна.

Что-то двигается в листьях и сосновых иглах. На миг ее охватывает паника. Так много моментов паники, нанизанных друг на друга. Но на этот раз страх быстро проходит. Что бы там ни было, это маленькое существо. Наверное, птица или ящерица.

В детстве она любила вечернее и ночное время. Как будто распахивался какой-то простор, а дом матери был таким тесным, и в темных углах прятались вещи, о которых ей не хотелось думать. Но темнота снаружи была иной. Джоан выйдет, бывало, босиком на маленький бетонный прямоугольник, служивший патио, сядет на растрескавшееся садовое кресло – мать не удосуживалась заменить заплесневелую подушку – и старается различить звуки. Кваканье лягушек, стрекотание сверчков, а иногда собачий лай, и шум от проезжающих автомобилей, и позвякивание на ветру цепи качелей. Ее всегда завораживали звуки, если она давала себе труд замечать их.

Здесь то же самое. То же наложение звуков. Только сейчас это не повергает ее в изумление. Она с трудом переводит дыхание.

Она вновь слышит детский плач.

Поднялся ветер, и появляется новый звук: как будто на кухонный пол падают шарики. Джоан догадывается, что рядом стоит дуб. Желуди отскакивают от бетона. Мгновение ей кажется, это похоже на шум от множества бегущих маленьких ножек.

Почувствовав под бедром что-то твердое, она вытаскивает камень размером с кулак – вероятно, обломок бетона. Она отбрасывает его на несколько дюймов, и в этот момент в сумке вспыхивает телефон. Пол спрашивает:

Ты там?

Ей хочется, чтобы муж был рядом. Очень хочется. На самом деле ей этого не надо – она бы не хотела подвергать его опасности, – но она вспоминает мужественные изгибы его тела, плотно прижатого к ее телу, когда они выключают свет, образуя S-образную фигуру – бедро к бедру, живот к спине, пупком она касается его позвоночника.

Она не очень хочет ему отвечать. Не хочет облекать свои мысли в слова.

Ей дана передышка: на экране вспыхивает сообщение о срочных новостях. Ее охватывает радостное предчувствие: наконец-то в телефоне появились актуальные ответы. Что-то произошло – приехала полиция. Преступники убиты. И хотя могут быть разные варианты, она вытаскивает телефон и читает слова, потом перечитывает, ничего не понимая.

Десятки погибших в результате ливневого паводка в Техасе.

Непостижимо, что люди умирают в каком-то другом месте, помимо этого. Непостижимо, что существуют другие места. Перелистывая страницу, она продолжает таращиться на экран. Потом бросает взгляд на Линкольна, который сидит с зажатым в руке Хищником.

Ей нужно ответить Полу.

Выжидаю. Думаю, не поступить ли по-другому.

Его ответные слова материализуются почти мгновенно – в заглавных буквах никакой неопределенности.

ОСТАВАЙТЕСЬ ТАМ.

Неужели он думает, что ее убедят заглавные буквы?

«Знаешь, что...» – начинает она, но потом ее пальцы замирают, и она замечает, что они изогнулись, как у исполнительницы танца хула, вполне отдавая себе отчет в том, что любуется собственными пальцами.

Одна секунда. Две секунды. Три секунды.

Она прислушивается.

Что-то заставило ее остановиться. На краткий миг она воспринимает это как *что-то*, но в следующую секунду понимает: это *что-то* – звук.

Потом она вновь слышит этот звук. Такие звуки она издавала сама, идя по извилистым бетонным дорожкам, когда подошвы обуви скользят по гравию. Поскрипывание и шарканье подошв. Возможно, шепот. Звуки раздаются с тропы за забором-сеткой, из обширного темного пространства за их укрытием.

Джоан быстро выключает телефон и прижимает Линкольна к себе. Ей кажется, она всегда тянется к нему, хватается за него, прижимает к себе, беспокоясь, что он удаляется от нее – *не так далеко, не так громко, не так быстро*, – за исключением тех случаев, конечно, когда он хватается за нее, тянет к себе, беспокоясь, что она далеко.

«Мама, на ручки, позалуста», – говорил он, когда еще не умел произносить «ж».

На ручки, позалуста. На ручки, позалуста. На ручки, позалуста.

Джоан всматривается в темноту – теперь уже полную – и за пределами их вольера не видит ничего. Она знает: где-то там бамбуковые заросли, и железнодорожные рельсы, и бетонные дорожки. И надеется, что, может быть, там в поисках укрытия снова бродит женщина с ребенком или кто-нибудь еще, и на этот раз, обещает она Богу, на этот раз она позовет их, чтобы разделить с ними свое укрытие, если они и вправду нуждаются в этом.

Она не видит. Но она слышит.

Шепот, теперь уже безошибочный. Шепчутся мужчины, словно с трудом пробивается какая-то радиостанция.

Они не заперлись в помещении.

– Тише, – говорит она Линкольну, хотя он не производит ни звука. – Плохие дяди.

– Ч?.. – начинает он, но она шикает на него, и он слушается, а она произносит торопливую благодарственную молитву, снова думая, что Бог, возможно, наказывает ее за то, что она ставит жизнь своего ребенка выше

жизни другого.

Она снова, не задумываясь, сделала бы то же самое и не испытывала бы сожалений, пусть даже на нее давит чувство вины. По временам она спрашивает себя: а что для нее есть Бог?

Они подходят ближе, думает она, почти наверняка по асфальтовой дорожке, параллельной рельсам. Она слышит шаги, то и дело раздаются хруст.

Сумрак однородный, непроницаемый.

Она полагает, их с Линкольном не видно. Она представляет себе фонарь, висящий над навесом помоста, и знает, что один край вольтера освещен, но каменистый участок, где прячутся они, кажется ей совершенно темным. Пошевелив пальцами, она с трудом различает их движение.

Правда, телефон. Если они заметили свет от телефона.

– Здесь, – тихо произносит голос, ближе, чем она ожидала, и это самое ужасное слово, какое ей доводилось слышать.

– Там? – переспрашивает другой голос.

– Нет. Вот здесь.

Она по-прежнему их не видит. Но создается ощущение, что они в нескольких футах от забора. Может быть, в двадцати футах от них? Тридцати? Достаточно близко, поэтому слышно каждое сказанное слово, хотя и приходится напрягать слух. Похоже, они стоят на месте, выжидая.

Увидели ли они ее? И может быть, сейчас целятся, глядя на нее?

Ее щеки едва касается тяжелыми крыльшками мотылек. Над головой скрипит ветка. Волосы попали ей в рот, но она не отводит их.

– Ничего не вижу, – говорит один из них.

– Тише.

Она опускает глаза на телефон, который засунула под ногу, пусть даже она и не видит его в темноте. Она уверена, что они заметили подсветку экрана, и не сомневается, что продолжат поиски, пока не найдут. Это целиком и полностью ее промах. Она понимала, что рискует, но не оценила степень этого риска.

Цена ее ошибки чересчур высока.

– Мамочка, – шепчет Линкольн прямо ей в ухо.

Она не может понять, так ли громко он говорит, как ей кажется.

Иногда они чмокают друг друга в ухо как можно громче. Линкольн говорит: «Сейчас я сделаю тебе чмок» – и звонко целует ее в ушную раковину. Этот сладкий поцелуй и его легкое влажное дыхание, как сейчас, словно переливаются из него и впитываются ее кожей, а потом исчезают в воздухе.

– Исчезни, – шепчет она так тихо, что не знает, услышал ли он ее.

Но вероятно, услышал, потому что он опускает голову ей на плечо.

До нее доходит, что она каким-то образом успела подняться на колени, упиравшись одной ногой в землю, приготовившись вскочить и бежать. Ей хочется побежать. Но ничего нельзя разглядеть, а если бы и разглядела, она не знает, куда бежать. Они услышат ее. Ей придется перелезть через ограду с сыном на руках, а ограда хорошо освещена.

Ей следует сидеть на месте.

Она не знает, выдержит ли. Не знает, сможет ли допустить, чтобы они приблизились к ней.

– Уверен? – спрашивает голос.

Она полагает, это те же два человека, которые проходили через корпус приматов, но не уверена до конца. Она больше не различает их голоса. Оба говорят приглушенно.

– Там кто-то есть, – произносит другой голос.

– Прячутся, да?

Другой голос не отвечает. Какое-то время слышен только шум ветра, шуршащих листьев и отдаленное уханье. Она не шевелится, лишь гладит Линкольна по голове.

У забора что-то звякает. Наверное, задела ногой или рукой за сетку или один из них оступился. Ей кажется, она различает в темноте силуэты голов и плеч – плоские и невыразительные, как у бумажных кукол.

– «Ты пропал, но теперь нашелся, – нараспев произносит голос, хотя человек не совсем поет, а фальшиво выпевает слова. – За тобой гнались, вышвыривали, изгоняли, но теперь ты мой».

Голос продолжает. Громче. Она представляет себе, что человек улыбается, и ждет, когда он начнет отбивать ритм.

– «Ты шел впереди, но знал, что я пойду следом. У тебя голая шея, но опусти голову. У меня твой ошейник».

Теперь голос звучит громко, и она хорошо слышит его. Она думает, это тот тихий парень. Его голос тоньше, выше по тону. Для человека, считающего себя экспертом в погоне, он совсем не старается остаться незамеченным.

Или, может быть, он просто настолько в себе уверен.

– «У меня твой ошейник», – повторяет он, проводя рукой – о нет, чем-то металлическим – по забору из сетки, производя почти музыкальный звук.

Она пытается выровнять дыхание, слыша, как часто и тяжело она дышит. Пытается унять дрожь.

– Один сквоб просил меня оставить его в покое, – говорит один из них, нарочито растягивая слова, но, по крайней мере, пение прекратилось.

Сейчас они разговаривают громко, и она понимает, что это не из-за чрезмерной беспечности или чрезмерной уверенности. Просто они хотят, чтобы их услышали, кто бы это ни был.

Скрежещущий звук от сетки. Неизменный, металлический. С тихим треском падает желудь.

– И что же ты сделал? – спрашивает другой?

– Что я сделал, пупсик? – Растягивает слова. – Я отделал его под орех, и он успокоился.

Оба смеются, и их смех какой-то успокаивающий, согласованный, как старая шутка. Это наводит ее на мысль, что они копируют какое-то шоу.

И хотя слов она не узнает, но уверена, что не ошиблась. У нее был бойфренд, помнящий наизусть целые диалоги из «Челюстей». А когда с ними еще жил ее брат – она с трудом припоминает то время, – он вставлял строчки из «Звездных войн» в обычные разговоры, и это звучало именно так. Ее бойфренд и брат небрежно смешивали слова из разных языков, вкладывая в них разные значения, которые от нее ускользали, и так же смакуя те слова, как эти говорящие нараспев парни.

Итак, в воду вошли тысяча сто человек, триста шестнадцать вышли, остальных сожрали акулы.

Это не те дройды, которых вы ищете.

Забор гремит, когда парни раскачивают его. Разумеется, они его не снесут, единственная их цель – наделать шуму.

Они пересекли дорожку, подойдя ближе к бамбуку. Она различает движение, перемещение теней. Они трясут и этот забор тоже.

– Мой маленький глазок что-то разглядел, – говорит один.

Но они ничего не видят, она это знает. Они играют в игру. Надеются испугнуть добычу, как ее отец, пока еще был с ними, с помощью своего лабрадора испугивал голубей. Голуби взлетали, отец стрелял, и собака приносила ему одного. Если голубь был еще живой, отец отсекал ему голову и бросал ее на землю, говоря, что так голубю лучше. Из шеи голубя капала кровь, и в траве лежала маленькая головка с клювом. Джоан припоминает, что он брал ее на охоту только один раз.

– И что ты разглядел? – спрашивает один обычным голосом.

– Что-то темное, – отвечает другой.

Они снова смеются. Уж не выпили ли они? – думает она.

Уткнувшись ей в шею, Линкольн тихо рычит, как Мадлз, когда ему наступают на лапу.

Когда парни смеются, ее страх утихает, и она с удивлением понимает, что разозлилась. Эти идиоты размахивают перед ней винтовками и поют детские песенки. Заставляют ее сына хныкать и прижиматься к ней. Она вспоминает, как в студенческие годы была однажды в доме с привидениями и перед ней шел крупный мужчина – ростом больше шести футов, с фигурой футболиста, – шел так близко, что она натыкалась на него, когда он резко останавливался. Она пришла со своим парнем, но здоровяк был более надежным щитом. И вдруг в свете строба выскочил зомби в маске, в трех дюймах от ее лица держа в руках бензопилу. Она неожиданно громко закричала, и здоровяк, должно быть, тоже испугался, потому что он – при вспышке белого света – стукнул зомби по лицу. На полу вместо зомби оказался подросток, который стащил с себя маску. Он стонал, изо рта у него текла кровь. Ей совсем не было жалко этого парня, и она была благодарна футболисту.

Они подростки, думает она, эти парни с оружием. Вовсе они не мужчины. Дебилы какие-то. Она не допустит, чтобы ее сына убили тупые, тупые подростки, распеваящие песни.

Если они хотят поиграть, ну что ж, она тоже смотрит фильмы, и сама не прочь поиграть. И если она всего лишь персонаж, так проще действовать. Она высвобождает одну руку – другая по-прежнему теребит спутанные кудряшки сына – и шарит в траве в поисках куска бетона, который недавно бросила туда. Ее пальцы почти сразу натыкаются на него. Увесистый кусок с острыми краями помещается в ладони, как бейсбольный мяч. Она кладет его около себя и начинает шарить по земле, растопырив пальцы. Другой камень, больше первого, не умещается целиком в ладони.

Джоан чуть отклоняется в сторону, подвинув Линкольна вперед, чтобы можно было отвести руку назад. Не понимая, умно поступает или глупо, она сжимает камень в руке и, напрягая плечо, бросает его через задний забор вольера в сторону железнодорожных рельсов и окружающего их подлеска.

Она нарочно старается не задумываться о цели своих действий.

Раз. Два. Она отсчитывает секунды с застывшей в воздухе рукой, слыша, как камень ударился о ветки или листья. Звук громче, чем она ожидала, и не так далеко, как она рассчитывала, но камень определенно перескочил через вольер, приземлившись где-то рядом с рельсами. Он упал за много ярдов от парней, если они по-прежнему стоят у другого забора.

Интересно, догадались ли они, что кто-то бросил камень, чтобы отвлечь их внимание?

Очевидно, нет, потому что они, издав возбужденное хрюканье,

послушно устремляются на звук, продираясь сквозь заросли ежевики, заполонившие нехоженые участки дорожек. Их поспешные шаги неуклюжи и неловки.

Она думает: вряд ли можно надеяться, что кто-нибудь из них сломает лодыжку.

Слыша, как они с хрустом продираются сквозь заросли, она достает телефон. Холодящий руку кусок пластика, ничего больше. Нет, больше. Телефон – причина того, что они сидят здесь, прячась от людей, которые с трудом перемещаются в темноте.

Другой звук – выстрелы. На этот раз он удивительно похож на звук пишущей машинки, на которой кто-то печатает очень медленно и твердо. Она даже не вздрагивает, не понимая, почему так осмелела. Вероятно, привыкла, и, похоже, они стреляют не в их сторону. К тому же у нее возникло желание действовать, а не просто волноваться.

Джоан делает медленный глубокий вдох. Дрожь прекратилась. Она спокойна, тверда и готова к осуществлению своей цели. Джоан проводит большим пальцем по телефону, экран загорается, и она со всей силы швыряет его над забором из сетки в сторону бамбуковых зарослей, где видела подстилку из сосновых игл. Вправо от того места, где стояли парни перед тем, как побежали за ее камнем. Конечно, не исключено, что парни увидят летящий по воздуху светящийся предмет, и не исключено, что телефон ударится о бетон и разобьется, но, более того, он сообщит, что его швырнули – удар будет очевиден, – и это разрушит все. Но она не станет больше беспомощно съеживаться. Она смотрит, как ее телефон, быстро вращаясь, летит, как некий обтекаемый аппарат, созданный именно для этой ситуации. Треска не слышно, только негромкий хлопок при приземлении, и она не уверена, услышали ли они.

– Что? – спрашивает один из них, и грубые ножищи, приминающие сорняки, замирают.

Они услышали этот звук. Это может быть хорошо или плохо, но это то, что она сделала, потянула их за ниточки, как они тянули за ниточки ее. Ей вдруг становится жарко.

Внутри Джоан копится какая-то энергия.

Отсюда ей виден экран телефона, яркой точкой светящийся через алмазные ячейки забора из сетки. У нее была достойная цель, хотя и не идеальная. Телефон лежит экраном вверх – так, как она надеялась, – на расстоянии несколько футов в зарослях бамбука. Экран освещает небольшой участок гладких стволов и трепещущих листьев.

– Там, – говорит один.

Она видит, как колеблются тени, когда они бегут по бетону, попадая в лучи света от фонаря на карнизе крыши корпуса приматов. Потом, миновав круг света, они склоняются над ее телефоном, и на миг их руки и лица становятся призрачными.

Один из них подносит телефон к лицу. Он чисто выбрит и светловолос, и он белый, как и предполагала Джоан. У него худое невыразительное лицо, и она пытается угадать: он ли обладатель тихого голоса и соответствует ли голосу его лицо?

Однако Джоан еще не все сделала.

Пока парень смотрит на экран, она отводит руку назад и, схватив второй камень, целится мимо парней, дальше вдоль дорожки, в направлении, противоположном рельсам. В сторону центральной части зоопарка с его выставками и вольерами. Сумей она вычертить план с брошенными ею предметами, они оказались бы на прямой линии, и эта линия привела бы обратно к тротуарам, душевым, скамейкам и столам – к заметным укрытиям, знакам и надписям. Она привела бы куда угодно, только не сюда.

Линкольн тихо ворчит, напуганный движением ее руки, а потом Джоан вновь бросает камень и слышит, как он ударяется во что-то твердое, но рыхлое. Почва, думает она.

– Они бегут, – произносит тихий высокий голос – он принадлежит парню, держащему телефон.

Должно быть, он отключил ее телефон, или засунул его в карман, или что-то еще, потому что свет исчез. Она слышит, как они топают по дорожке, гонясь за ее камнем, прочь от нее и Линкольна, но не слишком быстро, поскольку ни о чем не беспокоятся. Они кайфуют от этого.

То, что она сделала, – не такая уж хитрая вещь. Возможно, она видела нечто подобное при повторном показе фильма «Пугало и миссис Кинг», или в «Хищнике», или в любом другом шоу в формате экшен. Как странно представить себя перед телевизором на диване, с прижавшимся к ней Линкольном, посасывающим воду из бутылки, и его бесконечные вопросы, ведь он не в состоянии смотреть любую передачу хотя бы минуту, не задавая вопросов. Она убеждена, что эти парни видели миллион подобных шоу, но догадывается, что их самоуверенность и глупость не позволили им поразмыслить над увиденным.

Их шаги все еще различимы. Ритмичные и легкие шаги по бетону.

Линкольн вел себя так тихо, вдруг понимает она. Если бы не боль в руке и тяжесть на бедре, она почти забыла бы о нем.

– Детка? – кликает она его.

Он лишь придвигается к ней ближе, даже не поднимая головы.

* * *

Они с Марком бегут плечом к плечу, шумно дыша в унисон. Пусть они не успели заметить, кто бросил телефон, их быстрый бег все сглаживает. Робби никогда не чувствовал себя таким ловким, как этим вечером. Никогда не воспринимал свое тело мощным инструментом, готовым выполнить что угодно. На их пути стоит металлическая скамья без спинки, проще было бы ее обойти, но он перепрыгивает через нее, с шумом наступив ногой на металл. Когда он бежит, то перестает быть Робби, иногда точно так же действует на него винтовка в руке, но не всегда. Окружающая их темнота, вспышки света над головой и большие листья, колеблемые ветром, – все это кажется таким справедливым. К этому он всегда стремился – к справедливости.

Тогда с кабанами он почувствовал себя обиженным, и то лишь потому, что забыл – он больше не Робби. Только Робби может ощущать себя таким потеряннным, каким-то обрубком без рук, ног и мозгов.

– Сюда, – шепчет Марк, поворачивая налево к жирафам.

Он не удосуживается подождать и посмотреть, идет ли за ним Робби. Робби всегда идет следом.

Марк перешел на трусцу. Из тощей шеи выпирает кадык, голова подсакивает вверх-вниз, и никогда этот парень в большей степени не напоминал гидроцефала с синдромом качающейся головы. Со времени учебы в средних классах он не набрал и десяти фунтов. Мать Робби, посмеиваясь, называла его доходягой. Но Робби-то знал, что она смеется, потому что не понимает. Вот тогда Робби впервые и пригласил Марка к ним домой. Марк, заметив на полке диски DVD, схватил один с воплем «Затаившиеся?!». Так вопить мог бы парень, нашедший порно. Потом Марк, даже не спросив, взял пульт. Они смотрели первую сцену – ту, что Робби видел уже раз десять: экран заполнен тьмой, а потом в черноте медленно появляются крошечные точки света.

Как будто смотришь в космос, но затем камера отъезжает, и ты фактически заглядываешь в дупло в стволе дерева. Точки света – это какие-то насекомые вроде личинок или термитов, только они светятся, а потом перед тобой огромное дерево и еще другие деревья, и ты понимаешь, что это джунгли, но они не похожи на обычные джунгли. Неба никогда не

видно. Деревья такие толстые и огромные, что затевают все вокруг, а листья вырастают до размера взрослого человека. Эти гигантские листья хлопают по шлемам и обвиваются вокруг винтовок, и Робби всегда думал, что в таком лесу будет трудно дышать, хотя деревья должны вырабатывать кислород, по крайней мере земные деревья. И это на самом деле самое классное в том фильме – ты так и не понимаешь, Земля это или другая планета. Хотя там действуют человеческие особи, но по ночам листья светятся, как жвачка «Экстра гам», а существа, на которых охотятся мужчины, всегда имеют на голове украшения – перья, дреды и все такое.

– Ты знаешь, что мы ее потеряли, верно? – спрашивает Марк, останавливаясь после каждой пары слов, чтобы отдышаться. Он никогда не отличался спортивностью. – Мы не знаем, где она.

Робби все еще думает о том фильме и не сразу приходит в себя.

– Она? – переспрашивает он.

– Женщина, которая обронила телефон.

– Откуда ты знаешь, что это она?

Марк поднимает телефон, поворачивая его крышкой к свету. Робби различает какое-то неясное изображение.

– Фотография ее детеныша, – говорит Марк. – Должно быть, женщина.

Робби в этом не уверен, но спорить бесполезно.

– Тогда зачем мы продолжаем бежать? – спрашивает он.

Марк поднимает руку, после чего раздается звон разбившегося о тротуар телефона, и звук этот прекрасен. В следующую секунду они перепрыгивают через обломки экрана, корпуса и содержимого.

– Охота продолжается, – говорит Марк. – Мы – порядок. Мы – надежда.

Робби понимает, что Марк тоже это чувствует. Что они оставили все прочее за воротами, на парковке. И здесь у них нет истории.

«Старбакс» – восемь месяцев. «Эплбиз» – четыре месяца. «Бадсбургерс» – пять месяцев. Господи, он был готов уйти из этого кафе, потому что там было полно по-настоящему жирных фриков, как будто в дверь пускали только толстых людей с животами, обвислыми, как тесто, выпирающее из формы для пирога. У него возникало желание взять нож, отрезать это тесто и посмотреть, как будет выглядеть бедняга без лишнего жира.

Потом был букинистический магазин, «Чик-фил-Эй» и «Сирс» – два месяца, а теперь аптека «Си-Ви-Эс», месяца не прошло.

Его дурацкий босс много из себя воображает, потому что он менеджер аптеки. Ну да, тебе сорок, и ты руководишь аптекой – ну прямо решаешь

мировые проблемы. Луиза Брансон, он уверен, совсем неплохо провела с ним время в боулинге. Но когда он позвонил ей на следующий вечер, она, разговаривая с ним, даже не выключила телик. Она сказала: мать говорит, мол, надо не на свиданки бегать, а заниматься учебой, но он-то знает, что мать просто не хочет, чтобы Луиза с ним встречалась. Потому что так считают родители, особенно мать Луизы. У нее глаза навывкате, как у лягушки, и за всю жизнь она ни дня не проработала. Одна из тех ужасных женщин, и, наверное, она такая с рождения, и родителям следовало утопить ее, как котенка. А до этого он встречался с Анжелой Уилард, которая поначалу была милой и робкой, но потом оказалась тупой шлюхой. Ему следовало догадаться с самого начала.

«Шлюха», «милая» и «робкая» – эти слова его подошвы вколачивают в тротуар.

Его восьмилетняя кузина спросила как-то, платит ли Робби своей матери арендную плату. Интересно, какие разговоры она услышала от родителей, если спрашивает такое? Родственники с той стороны называют себя христианами, но им нравится терзать людей. Они противные, недалекие люди. Так много неприятных людей – целый свет, – но никто не замечает грубость друг друга, нет-нет, все только и думают, что Робби неумеха, лентяй, а сами такие жалкие и даже этого не понимают.

Все они стерты из памяти. Всё это стерто.

Мы – порядок. Мы – надежда.

Мы – порядок. Мы – надежда.

Этот припев звучит громче, пока камера отъезжает, и ритм его напоминает ритм строевой солдатской песни, когда на последнем слове «надежда» голоса повышаются. Ненадолго экран заполняют только деревья, а потом появляется бегущая фигура. За ней гонится темноволосый солдат в ладно сидящей на нем форме, и тебе почти становится жалко это призрачное существо – тонкое и голое, если не считать огромный головной убор. Потом, едва солдат хватается это существо за руку – это рука или что-то странное? – другая его рука дотрагивается до лица солдата, и солдат замирает на месте, затем выгибается назад и валится на землю.

Подходят другие солдаты – ровной шеренгой, шагая в ногу, – и существо ныряет в кусты. Ты впервые видишь лейтенанта Хардинга. Он, не говоря ни слова, поднимает руку, потом подходит к кусту и вытаскивает оттуда за ногу брыкающееся и невнятно лопочущее существо. Рукой в перчатке он держит его за запястья, не давая прикоснуться к себе ядовитым конечностям. Он с улыбкой напевает: «Ты пропала, но теперь нашлась» – и с этого момента, глядя в лицо Хардинга, когда он смыкает пальцы вокруг ее

шеи, можно догадаться, что это *она*, потому что у нее есть груди, хотя и прикрытые каким-то доспехом из багряного металла. Ты понимаешь, что эти существа дурные, а солдаты хорошие. И когда лейтенант сворачивает ей шею, ты радуешься.

– Обратно к озеру, – говорит Марк, подтягивая джинсы. – Замкнем круг.

– Ладно, – отвечает Робби.

– Тише, – предупреждает Марк.

Ты радуешься, когда Хардинг осознает, что первоначальная миссия сдерживания этих существ, сквобов, провалилась. Сдерживания недостаточно. Ибо сквобы начинают выходить из джунглей и проникать в безымянный город, и лейтенант Хардинг предполагает, что эти существа могут легко уничтожить все население. Поэтому надо уничтожить их самих.

Сквобы говорят, что не хотят ничего дурного. Они посылают в солдатский лагерь делегацию из трех лепечущих существ, и один из них выходит вперед – ветер раздувает перья и дреды у него на голове. Они твердят одно слово: *мир, мир, мир*, как будто других не знают. И поднимают руки вверх, но их руки – это оружие, не так ли? Они убивают прикосновением.

Хардинг приносит с собой длинную иглу, а ночью у костра вынимает эту иглу и принимается вскрывать волдыри на ступнях, натертых сапогами. Он втыкает иглу в свою пупырчатую кожу, болячки вскрываются, и на землю вытекает гной. Не меняя выражения лица, он надевает сапоги. Позже он снова и снова вонзает иглу в тощую шею сквоба, сквоб пронзительно кричит, и по его лицу текут слезы. Слезы, падающие на землю, очень напоминают гной.

На вид сквобы такие слабые. Это в них бесит Робби больше всего. Хардинг умнее и сильнее, и в нем нет слабости. Этим следует восхищаться, так ведь? Парень, не совершающий ошибок? А если все же совершит, никто не заметит, и в этом настоящий талант, верно?

Когда его уволяли из «Си-Ви-Эс», он сказал, что опоздал, потому что снова не услышал будильник. И что ему было делать? Босс, с его козлиной бородкой, самомнением и узкими джинсами, сказал, что будильник Робби – не его проблема. Может быть, он прав. Может быть, опоздания – проблема Робби. Но что поделаешь? Как можно исправить что-то уже случившееся? Он что, должен изобрести машину времени, вернуться назад и заставить себя проснуться? За свою жизнь он так и не понял, почему его надо винить за вещи, которые он не в силах

контролировать. Почему его постоянно наказывают за такие вещи? Он не виноват, что так крепко спит. Он не виноват, что забыл взглянуть на спидометр и случайно разогнался в школьной зоне до скорости пятьдесят миль в час. Он не виноват, что ошибся при распечатке заказа и на стол подали бургеры с беконом вместо бургеров с черными бобами. Он не нарочно. Даже если люди правы и он действительно ленивый, грубый или эгоистичный, что поделаешь, что есть, то есть, верно? Генетика. Это не его выбор. Но это не имеет значения, да? Никому и дела нет до того, что он старается!

Но нет, это Робби старается. А он не Робби. Он не тот бестолковый парень, который сегодня ушел из дому.

Ты слепой, что ли, пупсик?

Иногда он думает, что сквобы – умнейшие из существующих злодеев. У них ярко-розовая кровь, и невозможно понять: дело тут в необычном освещении или она у них нечеловеческая. Кровь разбрызгивается и капает на мох. Это напоминает ему задания по рисованию, которые он выполнял в каникулярной библейской школе.

«Это цвет того антибиотика, – сказал Марк в тот первый день. – Знаешь амоксициллин? Ты его когда-нибудь принимал?»

И Робби подумал: да, в самом деле, кровь такого же цвета, как амоксициллин. Он помнил вкус этого сиропа – сладкого, густого и приятного. Он сказал Марку, что ему нравилось это лекарство.

«Нравилось?» – спросил тогда Марк и добавил, что не встречал никого, кто не считал бы его противным. Марк рассказал, что в детстве он ночью тайком спускался вниз и выпивал по целой бутылочке.

Уже давно Робби не чувствовал себя таким же, как кто-то другой.

Некоторое время спустя, ничего не говоря и не глядя на них, его мать принесла им миску «Доритос», и Робби стало не по себе, поскольку он думал, она понимает, что он не хочет, чтобы она напоминала Марку о своем существовании. Он не знал, обидело ли ее это. Он подумал: может быть, она пытается вызвать у него чувство вины? А потом он заметил, что она оглядывается через плечо, и он до сих пор помнит, как она улыбалась тогда. Она была так счастлива, что он нашел друга. У нее словно гора с плеч свалилась.

По временам он почти ненавидит ее. И ненавидит за это себя, и это уже кое-что.

– Отметка о прибытии, – отдуваясь, говорит Марк и переходит на ходьбу.

Робби бросает взгляд на свои часы, кажущиеся неуместными на его

запаястье, но они все хотели часы.

– Угу.

– Если только мы еще не прибыли, – говорит Марк.

Они уже почти подошли к озеру. Робби видит вспыхивающие фонарики, освещающие едва различимые украшения к Хеллоуину.

– Не прибыли, – отвечает Робби.

– Все, что нам нужно сделать, – в сотый раз повторяет Марк, – это перелезть через забор. Обследуем ближайшие тропы, найдем темное место и выскочим на Черри-стрит или дальше на Хейверс. Вернемся к моей машине – и были таковы. Никто ничего не узнает.

Вот каков Марк в двух словах – ничего не хочет усложнять. Не желает платить по счету. Если на уроке проводится письменная работа, он не напишет ни странички, объясняя преподавателю, что у него болит голова, а потом ноет, что получил «ноль». А вот Робби просиживает в компьютерном классе до ночи, но делает лишь пару страниц и получает пятьдесят или шестьдесят баллов, и они оба в пролете. Так кто же на самом деле умнее?

– А что мы сделаем потом? – спрашивает Робби. – Поедем в Перу и будем вечно жить на побережье?

– В Перу нет побережья, тупица, – отвечает Марк. – Все, что угодно. Поедем домой и съедим пиццу. Это не имеет никакого смысла, Робби. Для него все окончится одинаково. Он получит то, что хочет. Мы сделали то, что обещали сделать.

Они сходят с бетонной дорожки, ступая по траве и сосновым иглам. Робби замечает в кустах какое-то движение, но это всего лишь утка, разгуливающая по ту сторону забора из сетки.

– Нет, – говорит Робби. – Я уже сказал тебе «нет».

Поскольку Робби никогда не спорит, Марк не знает, как убедить его. Из него вышел бы паршивый продавец – он просто повторяет одно и то же.

– Мы можем уйти, – подходя ближе, говорит Марк. – А завтра утром проснемся дома.

В детстве Робби как-то смотрел мультик о роботе или о мышке, а может быть, о собаке. В мультике все эти персонажи могли выглядеть очень похожими. Но когда на экране появился этот робото-мыше-пес, какой-то зычный голос прокричал: «А теперь звезда шоу!»

Робби слышит в голове этот голос, когда видит Дестина, человека, из-за которого все и произошло. Человека, разглядевшего в них нечто особенное. Звезд шоу. Робби собирается завершить это так, как обещал Дестину.

Концовка действительно самая важная часть.

Робби смотрит на огни, сияющие на озере. Он улыбается.

18:40

Я хочу есть, – произносит Линкольн.

Джоан с трудом разбирает его слова. Он давно уже ничего не говорил. Они сидели молча, Линкольн прислонился к ее груди. Слишком темно, и играть в человечков невозможно.

Слишком темно для любых вещей.

Она до нелепого радуется его голосу, хотя жалеет, что он не сказал что-то другое.

– Дай посмотрю, – говорит она, хотя и уверена, что у нее ничего нет.

Сначала ощупав карманы, она принимается шарить в сумке.

– Итак, – начинает она, – как, по-твоему, тренируется Бэтмен? Чтобы стать быстрее и сильнее? – (Линкольн ничего не отвечает.) – Думаю, он толкает штангу.

Джоан нащупывает обломки цветных мелков и удивляется, почему до сих пор не выбросила этот мусор.

– Наверное, он крутит хулахуп, – в отчаянии произносит она. – Или занимается балетом. – Наконец она вытаскивает помятый мини-сникерс и, развернув, протягивает ему. – Вот шоколадный батончик, детка. Сникерс.

Беря батончик, он касается ее пальцев:

– У тебя есть еще?

– Сейчас посмотрю.

Больше у нее ничего нет. Все же она продолжает рыться в сумке, слушая, как он, причмокивая, обсасывает свои пальцы. Он всегда запикивает еду в рот дальше, чем следует, и потом слышно, как он жует.

Через несколько мгновений она слышит, как он облизывает пальцы.

– Ты нашла что-нибудь еще? – тихо и степенно спрашивает он.

Она едва различает движение его головы в свою сторону. Его черты различить невозможно, даже глаза и зубы, которые должны были бы сверкать в темноте. Она прислоняется спиной к каменной стене, холодной и твердой. Выступы стены цепляются за ее волосы.

– Больше ничего нет, милый, – говорит она.

– Я очень хочу есть. А крекеров нет?

– Нет. Эй, твои парни с тобой?

– Нет.

– Где же они? – (Молчание.) – Ты же не хочешь потерять их, детка. Нам нужно их найти.

Он не отвечает. Она кладет ладонь ему на ногу, дожидаясь, пока он не прикоснется к ней пальцами. Потом берет его за руку, и он не отнимает руку, но не сплетает свои пальцы с ее, как делает это обычно.

– Давай просто пошарим вокруг, – предлагает она, – и попробуем их найти. Как бывает, когда ты ищешь в темноте пасхальное яйцо. А теперь поищем твоих ребят.

Ему нравится Пасха.

Он отнимает свою руку.

– Сейчас я начну их искать, – шепчет она, понимая, что говорит чересчур бодро. – Ну, кого там у нас не хватает? – Когда он не отвечает, она не может удержаться и продолжает. – Помню, я дала тебе Бэтмена. – Джоан шарит руками по земле, натывается на колючую сухую траву, а потом нащупывает гладкий пластик и по рогатому шлему узнает, кто это. – У меня тут Локи. Кого еще поискать?

– Тора, – уныло произносит Линкольн. – Хищника. Парня со светлыми волосами.

Она нашла уже троих. Ей кажется очень важным, чтобы на земле не осталось ни одной фигурки, и она совершает быстрые круговые движения руками. Что-то острое – стекло? Осколок камня? Но она не обращает на это внимания.

– Они ушли? – спрашивает он так тихо, что она с трудом разбирает.

Она вытирает руки о юбку. Потом закрывает сумку, застегивая на замок, чтобы фигурки случайно не выпали.

– Плохие дяди? – шепчет она.

– Да.

– Не знаю. Пока не узнаем, хочу, чтобы мы тихо сидели тут.

– А полиция здесь?

– Не знаю.

– Они убьют нас?

– Кто в твоей истории этот парень со светлыми волосами?

– Они убьют нас?

Она слышит его дыхание. Наверное, дыхание громче произнесенных слов. Жаль, она не видит его лица.

– Могут, – отвечает она. – Если найдут нас. Но они нас не найдут.

Она чувствует тепло его прижавшегося к ней тела. Он говорит что-то еще – слишком тихо, слишком тихо, – и, чтобы расслышать его слова, она наклоняется к нему ближе.

- Что? – шепчет она.
- Если они убьют нас, наши тела попадут на небо?
- На небо попадут наши души.
- Ах так, – вздыхает он. – А тела останутся тут?
- Да. Но мы не будем по ним скучать. Души важнее.
- Но мы не видим наши души. И не можем их потрогать.
- Сейчас не можем, – говорит она.

Снова поднялся ветер. Ей холодно, но пока вполне терпимо. Она не хочет спрашивать, холодно ли ему, чтобы эта мысль не засела у него в голове.

Он ерзает, но вопросов больше не задает. Не мурлычет себе под нос и не болтает всякую чепуху. Прислушиваясь к шороху листьев и стрекоту сверчков, она думает о Поле – теперь с ним не связаться – и гадает, вернутся ли сюда те парни. Как трудно сидеть здесь, в этой пульсирующей необъятной тишине.

- Теперь уже недолго, – шепчет она Линкольну.
- Я ужасно голодный, – говорит он.

В тысячный раз Джоан задается вопросом, куда подевалась полиция. Она сможет на время успокоить сына, но сахар у него в крови продолжает падать, и с каждой минутой он все больше уподобляется дикому зверьку, а потом наступит кризис.

Она может оставить его здесь, а сама вернется в зону приматов, пройдет мимо игровой площадки и вольера со слонами и, обогнув кафе «Саванна», окажется у торговых автоматов. Если все пойдет хорошо, она возьмет пачку крекеров и вернется через две-три минуты. Он может подождать здесь, и времени у нее уйдет не больше, чем дома на то, чтобы посетить туалет или подняться наверх за книгой.

Это чистая фантазия, она знает. Разумеется, он ни за что не останется здесь, спокойно ожидая ее. Даже на две минуты. Он не позволит ей перелезть через ограду, а будет требовать, чтобы она взяла его с собой. Если она проигнорирует его просьбу и уйдет, он истошно завопит.

А что, если добыть ему еду не такая уж простая вещь? Что, если они притаились там, выжидая? Какую услугу она окажет сыну, если ее убьют, а он останется здесь и будет звать ее и они найдут его?

Нет, даже если он будет здесь дожидаться ее, польза от этого сомнительна. Страшно подумать о том, что его, напуганного малыша, найдут здесь одного и наставят на него оружие. Ее жутким образом утешает мысль о том, что, если они придут, она прижмет его к себе и...

Она обрывает эту мысль, вспомнив, как подчас ясно представляет себе

какое-нибудь ужасное происшествие: вот он, оступившись, оказывается на проезжей части, и его сбивает машина. И Джоан ловит себя на том, что обдумывает слова, которые скажет Полу, если придется сообщить ему эту новость по телефону. Однажды она с трудом подавила приступ паники, глядя, как сестра Пола пристегивает Линкольна к детскому креслу и уезжает с ним, потому что ясно представила себе аварию, в которую они попадут на федеральной автостраде, а потом она услышит по телефону новость из уст рыдающей золовки.

Иногда Джоан заходит в комнату сына после полуночи, чтобы убедиться, что он дышит.

Высаживая его у школы, она едва ли не каждый раз отгоняет от себя мысли о перестрелках в школах, о врывающихся в классы людях, о визжащих учительницах и о том, сколько детей успеет выпрыгнуть из окон, пока в дверь не ворвутся вооруженные преступники. Она всегда говорила себе, что это неразумно, но вот, пожалуйста, они сидят здесь, так что, очевидно, ее фантазии не такие уж сумасбродные.

По мере взросления Линкольна ее болезненные фантазии ослабевают. Когда он был совсем крошкой, она с трудом могла смотреть на окна. Любые окна. Она всегда воображала себе, как он выпадает из них.

Сейчас, сидя на земле в полной темноте и в окружении шумов, которые она не в силах расшифровать, Джоан не может вообразить себе, что его убьют. Она этого не допустит.

– Хочешь лечь? – спрашивает она. – Можешь использовать мои колени как подушку. Или я возьму тебя на руки, как маленького.

Иногда его завораживает то, что она делала, когда он был младенцем. Тот отрезок его жизни, который он не помнит. Он заинтригован мыслью о том, что у нее из груди лилось молоко.

– Нет, – отвечает он. – Я хочу есть.

– Тебе станет лучше, если ты немного отдохнешь, – говорит она, хотя и понимает, что настаивать бесполезно.

И все же ей не хочется отказываться хотя бы от малейшей надежды на то, что он заснет. Что она обнимет его и станет гладить ему лицо, пока он не уснет, и они смогут остаться здесь надолго. И в кои-то веки она жалеет, что у него нет соски, поскольку, стоило засунуть соску ему в рот, и у него закрывались глаза – условный рефлекс. Однажды он сказал ей: «Соска – друг, которого держат во рту», но по своей воле отказался от нее в день, когда ему исполнилось четыре. Теперь она лежит на полке в его комнате в своем маленьком домике из палочек от мороженого, и у нее есть кукольная кровать и одеяльце.

– Я хочу есть, – повторяет он. – Умираю от голода.

– Просто полежи немножко, – говорит она.

– Не хочу лежать. Хочу съесть ужин.

– Поужинаем немного позже.

– Но я умираю от голода.

– Полежи пять минут, – просит она. – Всего пять минут, а потом посмотрим.

– Ладно, – говорит он, но лицо у него сморщивается, губы выпячиваются, брови ползут вниз и дыхание становится прерывистым. – Лад-но. Лад-но.

– Линкольн...

Плач у него всегда начинается со слов. Он пытается говорить сквозь всхлипывания, и слова у него растягиваются, превращаясь в вой, а потом слова испаряются и приходят слезы. Когда они стекают по его щекам, он переходит в какое-то монотонное ритмическое состояние, как шум океана, только более резкий.

– Тише, – говорит она. – Тебе надо успокоиться.

– Хо-ро-шо, – произносит он по слогам, и это скорее стон, чем речь.

Она всматривается в темноту. Он говорит слишком громко, слишком громко. Она прижимает его к себе, гладит по голове и успокаивает, но ничего не помогает.

Она не знает, как выиграть время. Ему нельзя шуметь. Это самое главное. Скоро слезы перейдут в топот ног и пронзительные вопли, от которых захочется заткнуть уши. Эти звуки не совсем человеческие, а скорее механические. Словно внутри его стерлись шестеренки или оторвался глушитель.

– Ладно, – говорит она. – Хочешь получить ужин?

Рыдания почти сразу же прекращаются. Дыхание пока прерывистое, и он шмыгает носом, но рыдания стихли.

Он вытирает нос рукавом рубашки.

– Тут есть ресторан?

– А как насчет угощения? – спрашивает она. – Что скажешь о сыре и крекерах на ужин? Или арахисе? А на десерт шоколадный батончик?

Хотя она и не может рассмотреть его лица, но знает, что он чем-то недоволен.

– Это не настоящая сытная еда, – возражает он.

– Да, – соглашается она. – Мы можем получить кое-что из автомата. Что ты захочешь.

– Еду на ужин из автомата?

Теперь он приободрился.

– Да, – говорит она.

Будь она одна, все было бы по-другому. Если бы, когда началась стрельба, она гуляла по зоопарку одна. Она бы, конечно, убежала. И спряталась бы. Но что потом? Она достаточно сильная и достаточно быстрая, и она умная, и будь она одна, то к этому моменту решила бы ни от кого не ждать помощи. В ограде зоопарка можно наверняка найти место, где она сумет перелезть, даже если при этом немного поранится о колючую проволоку. Она представляет себе, как крадучись выходит из вольера, выглядывая из-за углов, а потом убегает на открытое пространство среди деревьев и бесконечных извилистых тропинок. Она будет бесшумной и быстрой, и они не заметят ее.

Она думает, эти парни не особенно опытные. Если она будет внимательной, то сможет скрыться от них и выбраться отсюда. Она также разыщет других людей. Теперь она не будет эгоистичной и постарается спасти не одну себя. Она разыщет женщину с ребенком, и протянет руку любому, кого найдет в укрытии, и поможет им всем спастись. Она будет держаться тени и показывать дорогу. Она не станет спешить, и не издаст ни звука, и в тысячах футов ограды найдет в конце концов слабое место. Или поджидающего полицейского.

Она представляет себя тенью.

А если преступники обнаружат ее, она побежит. Она гораздо выносливей их в беге, поскольку пробегает по шесть миль четыре раза в неделю. В беге ей нравится одна вещь: при низкой влажности воздуха, когда мышцы расслаблены, человек через какое-то время делается невесомым, избавляется от тяготения. Боль в бедрах и легких высвобождает гелий, и человек не чувствует своего тела.

Иногда она перестает чувствовать ступни. Иногда все тело превращается в воздух. Когда она бежит.

– Мама? – спрашивает он.

– Ты готов? – шепчет она. – Тебе надо быть очень внимательным и делать в точности то, что я скажу. И вести себя очень тихо.

– Или они нас убьют, – добавляет он.

Она задумывается.

– Или они могут нас убить, – соглашается она.

Ей кажется, она видит, как он кивает.

Джоан встает, взяв его за руку. Потом поднимает его, и он обхватывает ее ногами, а она старается твердо стоять на земле. Вокруг крошечная тьма, и Джоан на ощупь делает первый шаг. Одной рукой она придерживает его

за попку, а другой опирается на каменистую стену, чтобы сохранить равновесие.

Он прижимается рукой к ее подбородку, и она чувствует, как он ерошит ей волосы. Первый шаг она делает настолько медленно, что ощущает движение каждого мускула ступни. Пятка давит вниз, растягиваются сухожилия лодыжки, изгибается свод стопы, а затем пальцы касаются земли, и еле слышно хрустит сухая трава.

Ей кажется, она делает два шага в минуту, скользя рукой по каменной гряде, дюйм за дюймом отмеряя перемещение вдоль ее задней стороны к наклонному краю. Она наступает на ветку, хрустнувшую слишком громко, но, может быть, не громче упавшей с дерева ветки? И вот она уже стоит перед каменной грядой, лицом к деревянному помосту, глядя прямо на прожекторы, освещающие два дверных проема: один, ведущий к центральному дорожкам, а другой – к закоулкам вольера орангутангов.

Двери освещены, как на игровом шоу. Она моргает от яркого света.

Свет прожекторов доходит до края ограды и чуть дальше. Она видит паутину, свисающую с деревянных досок до земли. Это наводит ее на мысль о сетке, которую натягивают пожарные для спасения прыгающих из горящего здания людей.

Вокруг прожекторов в экстазе кружатся мотыльки. С деревьев, которые ей не видны, за исключением самых высоких веток, освещенных луной, двигаясь зигзагообразно, опадают листья. В стеклянные двери с легким стуком бьются какие-то крылатые насекомые меньше мотыльков. Вокруг нее сплошная чернота, но в этом освещенном сферическом пространстве все неистовствует.

Еще несколько мгновений она остается в темноте, а потом подбегает к ограде и ставит Линкольна на внешний выступ.

– Держись за решетку, – говорит она, не снимая руки с его спины.

Ей придется отпустить его, чтобы перемахнуть через ограду, но он уцепился пальцами за решетку и молчит. Она перебрасывает ноги через ограду и встает на помост, потом перегибается через ограду и переносит Линкольна, и его теннисные туфли с глухим стуком ударяются о верх. И вот он снова прилепился к ней. Она шагает под карниз, в затемненный дальний угол от двери, и наконец-то переводит дух.

Приятно стоять, прислонившись спиной к кирпичам. Она ведь так долго сидела на одном месте. Потянувшись к сумке, она похлопывает по боковому карману, где обычно лежал ее телефон. Это происходит неосознанно.

Ее телефон.

Выпустив тогда его из руки, она испытала лишь облегчение, не осознавая до конца, что ненужный предмет, который она выбросила, предмет, который привел к ней преступников, в то же время позволял ей разговаривать с мужем и поддерживать связь с внешним миром.

Теперь, что бы ни происходило за оградой зоопарка, она будет в неведении.

Это не слишком беспокоит Джоан. Внешний мир ей чужд. Чувствуя, как ее рубашка цепляется за кирпичи, и ощущая боль в левом плече от тяжести Линкольна, она с особой ясностью понимает, что они с Линкольном одни, как было с самого начала. Телефон лишь создавал иллюзию, что они не одни.

Тем несчастным в Техасе, которые всплывают сейчас лицами вниз, разумеется, все уже безразлично, но, может быть, в те же мгновения, когда она слушала, как вооруженные бандиты гремят забором из сетки, они захлебывались, пытаясь удержаться на поверхности воды.

Никто не придет. Такой вещи, как полиция, не существует.

Теперь, когда она это осознала, ситуация представляется ей более сложной.

И еще, конечно, Пол. Он, вероятно, в ужасе. Но она ничего не может с этим поделать. Пол вышел из-под ее контроля, как почти всё, за исключением того, какую дверь она откроет, куда направит стопы и насколько быстро будет перемещаться. Она обдумывает дальнейшие шаги. Самой опасной частью их маршрута она считает здание. Если преступники прячутся там или наблюдают, ей с сыном будет некуда идти. Другого входа, помимо главной двери, в зону приматов нет. Это та самая дверь, через которую они пробегали по пути в свое укрытие – идеальное, надежное укрытие, – и она идиотка, что беспечно покинула его. Ей следовало бы сейчас повернуть назад, но сын едва не трясется от голода или чего-то другого. Она в нерешительности. Сколько она будет здесь стоять, теряя время? Но чтобы попасть к главному входу, им надо пройти по узкому коридору, с одной стороны которого стены, а с другой – экспонаты за стеклом. Ни дверей, ни отворотов. Они окажутся в ловушке.

Но выбора нет или, по крайней мере, лучшего выбора.

– Мамочка? – произносит он более тонким, чем обычно, голосом.

Будет ли он теперь разговаривать односложно? Неужели у него иссякли бесконечные вопросы, выдумки и истории?

– Все хорошо, – говорит она, прижимая его к себе и выходя на свет.

Над ее головой мелькают серебристые мотыльки. Она делает четыре быстрых длинных шага и, толкнув стеклянную дверь, проворно проскальзывает внутрь, не обращая внимания на скрип закрываемой двери.

Наконец дверь закрыта. Внутри тишина давит, как влажная атмосфера. Воздух набух безмолвием. С этого угла, прислонившись к шероховатой стене – оказывается, ей нравится иметь опору для спины, – Джоан видит только стены из искусственного камня, флуоресцентные лампы вдоль плинтусов и гладкую блестящую поверхность пола. Экспозиция начинается за первым поворотом коридора, и сейчас Джоан кажется, что она стоит посередине какой-то сказочной пещеры или в подземном бункере. Пещера как настоящая, но полностью создана руками человека. Джоан наслаждается теплом. Обычно в помещении кажется прохладно – проходя по нему, она всегда растирает себе руки, – но сейчас здесь на несколько градусов теплее, чем на улице.

Джоан прислушивается, но ничего не слышит. Ни шума отопительной системы, ни ветра, сотрясающего застекленную крышу, ни голосов животных. Она могла бы составить длинный список всех возможных звуков, которых сейчас нет.

Ее мальчик такой тихий.

Она подумывает, не дать ли ему походить – пусть разомнется. И она ничего не имеет против того, чтобы дать отдых рукам. Но держать его на руках кажется ей спокойней. Пусть он тянет ее вниз, но зато они вместе.

Она прислушивается – ничего.

– Ну вот, почти пришли, – шепчет она.

Он не отвечает, и она медленно и практически неслышно ступает по красно-коричневым плиткам. Через два-три шага она удаляется от стены и не может больше держаться за нее, чувствуя, что теряет равновесие, словно идет по палубе судна. Вокруг нее чересчур много пространства. Но через несколько шагов, когда она подходит к первому изгибу коридора, ее ладонь ложится на пористую поверхность другой стены. Тут есть изображения вымерших животных: и дронга, и странствующего голубя, и пиренейского горного козла, и бескрылой гагарки. Но ни одно из них не относится к приматам, поэтому Джоан не улавливает логику этой экспозиции. Прислонившись плечом к стене и крепко держа Линкольна, она вертит головой по сторонам, пытаясь все проанализировать.

На полу сидит обезьяна.

Джоан выходит из-за большого камня, повернув за угол, и по обе стороны от себя видит застекленные вольеры: справа крошечные беличьи обезьянки, слева должна быть экспозиция колобусов. Но сейчас на этом месте лишь прямоугольное отверстие в стене, канаты и бетон. Стеклой перегородки нет, а на плиточном полу осколки стекла. Внутри вольера свет не горит, но флуоресцентные лампы коридора подсвечивают каменистую почву и искусственный ручей. Джоан лишь мельком бросает взгляд на ландшафт, поскольку внимание ее сосредоточено на обезьяне, сидящей перед ней.

Это, конечно, колобус – черно-белый, со свисающей вперед головой, с руками-лапами, которые он волочит по засыпанному стеклом плиточному полу. Она не сразу различает второго колобуса, неподвижно лежащего на полу. Ей видны только его черные ступни и огузок.

Внимательно присматриваясь к ступням обезьяны, она не замечает ни малейшего подергивания. Голуби, которых подстреливал ее отец, несколько секунд дергались без голов. Без сомнения, обезьяна мертва. Другой колобус, живой, стоит так близко к мертвому, что его длинная белая шерсть соприкасается с шерстью мертвого, и Джоан не может понять, где кончается один и начинается другой.

Она крепче обнимает Линкольна, жалея, что мало знает о приматах.

Живой колобус не смотрит в ее сторону. Он сгорбился, шерсть на спине гладкая, шелковистая и какая-то осязаемая. Джоан спрашивает себя, делали ли когда-нибудь люди шубы из этого меха.

Двигаются только пальцы колобуса, сгибаясь и распрямляясь в нескольких миллиметрах от пола. Похоже, больших пальцев у него нет.

Ей вспоминается один случай в Миссисипи, когда на тротуар перед ней вылез опоссум и она решила перейти на другую сторону, потому что ей не понравился вид его зубов. А в Гондурасе, работая по одному нескончаемому контракту с кофейной корпорацией, она, однажды проснувшись, обнаружила в комнате корову, которая тыкалась огромной мордой в ее кровать, высовывая толстый язык. Когда она была маленькой, ее дядя ловил ей бельчат – это было уже после смерти отца, а отец наверняка стрелял бы по белкам, – но это были дядины любимцы, не ее. Он не разрешал ей держать их, потому что они кусались. У него самого большие пальцы были искусаны и покрыты коркой, несмотря даже на то что они любили его, и сидели у него на плече, и теребили за уши крошечными коготками.

Колобус чуть покачивает головой из стороны в сторону, и ей приходит на ум Стиви Уандер, отчего Джоан едва не разбирает смех, и она мысленно

ужасается. Ее губы сами собой растягиваются в улыбку, и приходится напрягать мышцы щек, чтобы сдержаться.

Интересно, неужели живой колобус притащил сюда мертвого? Совершает ли он похоронный ритуал? Скорбит ли он? Наверное, тот несчастный колобус прожил какое-то время после того, как его подстрелили, пытаясь выбраться отсюда, а невредимый колобус последовал за ним. Почему вообще все обезьяны не убежали подальше при первых же выстрелах и почему эта обезьяна все еще здесь? Наверное, не смогла выбраться из-за закрытой двери и в конечном итоге вернулась сюда или же осталась стоять в дозоре у тела.

Обе, Джоан и обезьяна, оцепенели, не желая примириться с присутствием каждого. Обезьяна в задумчивости поглаживает пальцем белую бороду, но головы не поднимает.

Все дело в стеклянных перегородках. Собака или кошка – одомашненное животное – это совсем другое. Перед тобой дикое животное – не домашний любимец, а настоящий зверь с непредсказуемым поведением. Тебе он кажется милым и очаровательным, и это может быть правдой, но он без сожаления покусает или оцарапает тебя. Покрытые коростой большие пальцы рук или соблазнительные мочки ушей. Невозможно разгадать дикое существо.

Ей нельзя больше пребывать здесь в оцепенении. Можно развернуться и пойти другой дорогой, но тогда придется долго кружить между вольерами с орангутангами, гигантскими выдрами и другими животными, которых она не помнит. Ей придется возвращаться по освещенному настилу, так что лучше уж идти вперед.

– Мамочка? – произносит Линкольн, по-прежнему склоняя к ней голову.

– Ммм?

– Что делает эта обезьяна?

– Наверное, просто думает.

– Обезьяны разве думают? – спрашивает он, и она заключает, что да – хорошо, что они сдвинулись с места, поскольку смена обстановки – притаившиеся в коридорах дикие звери – помогла ему выйти из оцепенения.

– Да, – отвечает она.

– А они кусаются?

Она вынуждена признать, что вопрос этот более уместен.

– Не думаю. – (Это неправда.) – Если их не пугать.

– Как шмелей?

– Что-то вроде того.

Пока она говорит, колобус поднимает лапу над головой, и это внезапное движение заставляет ее отпрянуть. Он, зевая, открывает рот. У него длинные и острые, как у вампира, клыки. Но он всего лишь теребит свою шерсть.

Она намерена, не угрожая животному, идти медленно и спокойно. Но сначала она, взглянув на осколки стекла на полу у себя под ногами, садится на корточки и осторожно берет в руку самый большой осколок почти треугольной формы. Она чувствует резкую боль в ладони и понимает, что порезалась, но с трудом встает с сыном на руках и перехватывает осколок стекла. Ее устраивает, что стекло такое острое.

Джоан смотрит на обезьяну, на ее закрытую пасть, полную зубов. Однажды, когда по телевизору шел какой-то ужасный выпуск новостей, ее дядя сказал, что, если бы он наткнулся на грабителя, наставляющего оружие на дорогого ему человека, и если бы у него самого был в руке пистолет, он не уверен, что мог бы заставить себя нажать на спусковой крючок. Он думал, что, наверное, он нехороший человек, раз может допустить, чтобы пострадало дорогое ему существо, поскольку ему невыносима мысль об убийстве другого человека.

Если бы кто-нибудь попытался причинить вред Линкольну, она разнесла бы ему голову.

Если к ним приблизится эта обезьяна, Джоан будет метить ей в глаз. Она пережевет зверю глотку.

Джоан поворачивает направо, прижимаясь к клетке с беличьими обезьянками. И все это время она наблюдает за колобусом. В какой-то момент он поворачивает к ней голову, но не смотрит прямо на нее, а лишь следит за ее движениями. Она медленно продвигается по дорожке – ладонь намочена от крови – и в конечном итоге оставляет обоих колобусов позади. Потом оглядывается назад и видит, что живая обезьяна сидит на том же месте рядом с мертвой.

Дорожка поворачивает. Джоан проходит мимо гиббонов и тамаринов, на полу мокрое пятно, как от пролитой содовой, а прямо впереди – клетка с лемурами. Все другие стеклянные витрины целы. Клетки тускло освещаются круглыми светильниками, укрепленными на потолке и напоминающими луну.

До входной двери Джоан добирается быстрее, чем ожидала, и, стоя у двери, внимательно изучает то, что снаружи. По обеим сторонам двери – уличный вольер для паукообразных обезьян, так что ей виден только узкий коридор прохода, небо, а также край игровой площадки и две пустующие

зеленые скамьи.

Наклонившись, она кладет на пол кусок стекла. Ей не хочется порезаться еще больше, к тому же стекло не спасет от вооруженных парней.

– Мы уже пришли к автомату с едой? – спрашивает Линкольн из-за ее плеча.

– Почти, – говорит она, толчком открывая дверь.

Воздух снаружи почему-то холоднее, чем казался за несколько минут до того. Но ей нравится, как он холодит кожу. Джоан предпочитает открытый воздух, пространство, отсутствие стен, хотя отдает себе отчет, что не так давно думала противоположное. Она смотрит на небо с его перистыми облаками, похожими на растрепанную вату: его высота и ширь даруют покой.

Дверь захлопывается, едва не ударив ее в бедро, но Джоан не спешит, потому что, пройдя вперед, они окажутся в свете прожектора – другого чертова прожектора. Подсадив Линкольна повыше, она ускоряет шаг, чтобы зайти в тень. Миновав клетки с паукообразными обезьянами, она замедляет ход и идет в спасительной тени. Хотя попадаются фонарные столбы и видны гирлянды висящих фонариков, сейчас они оказались в темной зоне на краю игровой площадки.

Сквозь облако неясным пятном просвечивает луна. *Луна, словно призрачный галеон, заброшенный в пучину облаков.* Строчки из стихотворения, которое читал ей дядя. А еще: *Доброй ночи, моя спальня, доброй ночи, луна, доброй ночи, никто.* Однажды, сразу после свадьбы, они с Полом стояли на крыльце и увидели огромную оранжевую, низко висящую луну, как будто нарисованную Дали. Они вышли из дома, не заперев дверь, и несколько миль шли за луной, взявшись за руки, приближаясь к ней все ближе и ближе, иногда переходя на бег. Вот они поворачивают за угол, и до луны рукой подать, а потом вдруг сразу она возвращается на небо, приобретая обычный размер и цвет, и они бредут домой, словно увидели общий сон.

Неподалеку от фонарей на столбах струится свет, на бетоне видны яркие конусы. Здесь мозаика света и тени. На краю игровой площадки, вокруг нее, тропический полумрак: пучки пампасной травы. Заборчики, сооруженные из деревянных реек и канатов. Кольшущиеся банановые листья.

Джоан рассматривает игровые конструкции, сделанные из стекловолокна и металла. Здесь есть горка, на которую любит забираться Линкольн. По очертаниям она напоминает гигантский кактус. Стоят в ряд

молчаливые африканские барабаны. На шестах висят деревянные маски – черные с золотом, с открытыми ртами и слегка демоническим выражением. У одной из них язык похож на пенис, хотя отсюда эта маска не видна. Всё это она видела бесчисленное число раз, хотя редко вечером и редко без толп народа. Здесь нет распростертых тел и луж крови. Если бы не горюющая обезьяна и не мелкие осколки стекла, забившиеся в подошвы ее сандалий и слегка поскрипывающие, она подумала бы, что вообразила себе эти несколько прошедших часов.

Она замирает, прислушиваясь, постоянно прислушиваясь. Ожидая, когда тени зашевеливаются и превратятся в мужчин. Поблизости звенят китайские колокольчики, и кажется, что в любой момент может появиться фея. Ветер подхватывает эхо, закручивая его так и сяк, и нежная мелодия несется к ней с разных сторон.

Она ловит себя на том, что чуть не раскачивается в такт колокольчикам. Хотя она и напряжена, но с того момента, как услышала поющих парней, страх отступил. Она поражается собственному спокойствию. Нет, это не совсем так, она не спокойна, но сосредоточенна и без придыханий думает о тех ранних моментах, когда ей казалось, она развалится на куски. Наверное, невозможно бесконечно пребывать в столь сильном испуге.

У ее ноги лежит камень, покрытый зеленым мхом, немного светящимся. Кровь у нее из ладони почти не идет.

Почувствовав какое-то движение слева, более заметное, чем при раскачивании ветки или хлопанье крыльев птицы, Джоан замирает. Но, обернувшись, она видит только пеструю африканскую собаку, расхаживающую в сумраке своего вольера. Собака очень тощая – кожа да кости. Она бродит взад-вперед вдоль ограждения клетки. Обычно их здесь две, но Джоан видит только одну. У собаки голодный и несчастный вид, словно она задумала сбежать.

Джоан представляет себе, как зверь находит на заборе задвижку.

Из-за облака выглядывает луна. Окружающий ландшафт светлеет, становясь призрачным. Джоан проходит мимо игровой площадки, держась края тропы, где тени гуще. Деревьев довольно много, и она идет под ветвями, ближе к стволам, часто останавливаясь. Они проходят высокую ограду, скрывающую носорога, и одинокая собака пропадает из поля зрения. Впереди вольер со слонами, а за ним появляется крытая соломой крыша кафе «Саванна», у дальней стены которого стоят торговые автоматы. Они почти пришли.

Джоан всматривается в дорожку перед собой. Детская чашка лежит на

бетоне, рядом лужица. Джоан обходит чашку, торопясь пересечь пятно освещенной земли и снова оказаться в темноте, рядом с бамбуковым ограждением слоновьего вольера.

Она не позволяет себе оглядываться на брошенную чашку.

Она не позволяет себе думать о женщине с ребенком. Она не позволяет себе думать о той женщине, которая сканировала сегодня их членский билет, говоря Линкольну, что ей нравятся его кудряшки, и о бабушке с маленькими девочками, которые шли перед ними всего минуту или две. Видела ли она фигуру женщины в темно-синем платье? И были ли на девочках розовые колготки? Она старается также не думать о мальчике в очках, который поднял Тора, когда Линкольн уронил его на тротуар.

Она не позволяет себе сомневаться.

Она как будто чувствует за спиной присутствие детской чашки.

19:06

Джоан оглядывает слоновий вольер, но животных не видно. Лишь посеребренная луной трава и земля. Ее взгляд прикован к чему-то находящемуся примерно в четверти мили от края вольера. Когда она наблюдала за тяжелой поступью слонов, их вольер казался ей бескрайним, но теперь его пространство не кажется таким уж большим. Иллюзия Африки сохраняется только до широкой полосы сосен, за которой виднеются освещенные луной рельсы детской железной дороги. За железной дорогой сквозь деревья видны уличные фонари, горящая вывеска аптеки «Уолгринс» и машины, медленно вписывающиеся в поворот.

Эти машины шокируют ее. Неспешно и ровно проезжают мимо с включенными фарами. Разве не должен хоть кто-нибудь остановить людей, едущих за туалетной бумагой или бутылкой мартини? Разве не должны быть здесь только оранжевые конусы, ленты ограждения, сирены, а возможно, и танки с бронеавтомобилями?

Эти машины, беспечно проезжающие мимо, просто невыносимы.

Взгляд Джоан вновь возвращается к твердым изгибам железной дороги. Рельсы отливают серебром, посверкивая то там, то здесь, когда на них падает лунный свет. Она сосредоточивается на этом сверкании. Ее дядя иногда брал Джоан с собой на пикник и рыбалку, и это было здорово, поскольку, будь на это воля матери, Джоан не бывала бы нигде, кроме дома, школы и торгового центра. В сельской местности были только коровы и

фермы, а земля была усеяна слюдой, которую Джоан умела разделять на толстые серебристые слои. Она думала, слюда имеет ценность, но дядя сказал: нет, она просто блестит, и Джоан вообразила себе, что кусочки слюды – это осколки метеора. Такая красивая эта слюда, настоящее открытие. Однажды Джоан набрала кусочки в сумку, как ученый собирает ценные образцы породы, и принесла домой показать маме, которая никогда не ездила на природу. Они с дядей Джоан, будучи совершенно разными существами, не признавали никаких аргументов в пользу генов, передающихся по наследству. Но в тот день ее мать выщипывала брови, вся стойка в ванной была усыпана крошечными черными запятыми. Когда Джоан показала матери слюду, та сказала: «Не приноси в дом камни». Джоан была еще маленькой и заупрямилась, пытаясь объяснить: «Надо отодрать верхний слой, и она засверкает, как сокровище, посмотри сюда», но мать сказала что-то вроде: «Она ничего не стоит, Джоан», и, конечно, Джоан это понимала. Но у нее не нашлось слов, чтобы убедить маму, какое это чудо, какая прелесть. Так или иначе, мама ее не слушала и не хотела даже заглянуть в сумку. Ни разочка. Она стояла перед зеркалом, одной рукой держа себя за бровь, а выщипанные волоски падали на стойку.

Джоан отводит взгляд от железной дороги и трется щекой о голову Линкольна. Он никогда не видел слюды. Ей хочется показать ему, как можно ногтем отдирать слои.

Потом она вдруг слышит треск и хруст, как от легкого удара, и моментально опускается на колени, обвившись вокруг Линкольна, но вскоре понимает, что это, вероятно, упавшая ветка или орех. Она внимательно оглядывается по сторонам, но ничего не замечает, кроме светлых и темных пятен, теней и растений.

Не поднимаясь, она молчит и наблюдает.

Наконец она встает. Невыносимо думать о том, что может случиться здесь, на этом кусочке бетона. На кусочке бетона длиной в десять футов. Или двадцать футов, в тени массивной соломенной крыши.

Джоан делает робкий шаг.

Снова бросает взгляд на рельсы. Бессчетное число раз поезд подвозил их с Линкольном так близко к внешнему ограждению, что они могли бы соскочить с поезда – он шел очень медленно – и прижаться ладонями к металлу или кирпичам ограждения, могли оказаться так близко к свободе.

Размышляя о железнодорожном пути, Джоан продолжает шагать. Они с Линкольном по-прежнему движутся параллельно слоновьему вольеру, приближаясь к павильону закуской. Из громкоговорителей несется песня «I Put a Spell on You», и голос певца поражает ее. Она пытается разглядеть

громкоговоритель, но они еще далеко от него.

– Можно я пойду сам? – шепчет Линкольн, и почему-то звук его голоса удивляет ее так же, как музыка.

– Хочешь пойти сам?

По пальцам одной руки может она сосчитать, сколько раз он просил пойти сам, когда она несла его.

– Да, – говорит он.

И она опускает его на землю, продолжая держать за руку. Облегчение, которое она испытывает, освободившись от его веса – эта внезапная легкость, – уравнивается пустотой. Она еще крепче сжимает его руку. Он шагает рядом с бамбуковой загородкой, увлекая ее за собой.

– Что это? – спрашивает он.

Она следует взглядом за его пальцем. Ночью слоновий вольтер выглядит необычно – в этом нет сомнения. Кажется, что приземистые деревья и низкорослый кустарник возносятся над выпуклыми холмиками, песок отсвечивает золотом, и этот ландшафт представляется ей каким-то внеземным, как Луна или Марс.

– То растение? – спрашивает она, заметив куст, ветви которого напоминают щупальца.

– Нет, – говорит он. – То, что лежит на земле.

Она всматривается вновь и через несколько мгновений начинает различать чернильно-черный силуэт на земле, не сразу поняв, что это такое.

Те люди убили слона.

Тело массивное, темное и неподвижное, по земле извивается хобот, и почему-то она воспринимает его отдельно от тела, как будто он еще жив в своем стремлении освободиться и уползти прочь. Но он недвижим.

– Что это, мамочка? – упорствует Линкольн.

– Слон, – шепчет она.

Небо расчищается от облаков, и ей кажется, она различает на грубой шкуре слона колеблемые ветром волоски.

– Лежит? – спрашивает Линкольн.

– Да.

– Почему он лежит?

Можно было бы сказать сыну, что слон спит. Вероятно, это более мягкий ответ, но ей не хочется так говорить. Как-то некрасиво лгать ему прямо в лицо, после того как он пережил эти часы вместе с ней, щека к щеке, рука в руке. Кроме того, она хочет поделиться с кем-то этими словами, а он здесь единственный собеседник.

– Он мертвый, – говорит она.

– О-о! Его убили те люди?

– Да.

Джоан не в силах оторвать взгляд от слона. У него такой жалкий хвост, напоминающий червяка.

– Как его зовут?

– Не знаю, – откликается она. – Какое, по-твоему, у него было имя?

Он хмыкает, словно раздумывая.

Пошатываясь, Джоан идет дальше, увлекая сына за собой, сердясь, что потратила энергию и время на слона, вместо того чтобы обращать внимание на углы, стены и укромные места вокруг. Он идет с ней, но голова его по-прежнему повернута в сторону слона. Ему нравится давать вещам имена: у него есть семья маленьких игрушечных кроликов в одежде. Одного зовут Софтбол, другого Бейсбол, есть также брат по имени Крошка-Кролик-Без-Ушей – Мадлз отгрыз ему уши – и сестра по имени Сьюзи-Кэт. Когда-то была малышка по имени Сьюзи-Ведьма, но Мадлз сгрыз ее целиком. У Линкольна тьма пластмассовых футболистов и складное поле, и он дает игрокам разные имена. Одного нападающего зовут Изжеванный Губан. Есть принимающий по имени Сюзан.

– Было? – переспрашивает Линкольн.

Она успела потерять нить разговора.

– Что?

– Разве у него больше нет имени? Разве, когда кто-то умирает, у него не остается имя?

– Я имела в виду «есть», – уточняет она. – Как, по-твоему, его зовут?

– Маршмэллоу, – говорит он.

Она крепче сжимает его руку.

Когда он играет со своими пластмассовыми футболистами, то заставляет квотербеков выкрикивать ободряющие возгласы: *Играем энергично! Играем быстро! Разве мы делаем плохие блокировки? Нет! Хорошие блокировки? Да!*

Исключительно милый ребенок. Его легко огорчить.

Линкольн снова останавливается и поворачивается, чтобы посмотреть на слона. А может, его внимание привлек мотылек или падающий лист.

– Линкольн, – наклонившись к его уху, шепчет она. – Нам надо идти. Нам нельзя смотреть на вещи, которые не имеют значения.

Вокруг так много пространства. Так много вероятных укрытий, которые невозможно обнаружить, пока кто-нибудь не выйдет оттуда с поднятым оружием. Она продолжает озираться по сторонам, понимая, что

не в состоянии увидеть всё.

Если начать думать об этом – о том, как многого ей не видно, – становится трудно дышать.

Иди быстрее. Будь внимательна, но иди быстрее.

Слон остался уже в нескольких ярдах позади. Они подходят к ресторану с его павильоном и громкоговорителями. Заглушая все остальные звуки, гремит музыка, и Джоан догадывается, что на заборе висит еще один громкоговоритель. Все же она продолжает прижиматься к бамбуковой ограде и темной полоске травы, куда не доходит свет фонаря. Она тянет Линкольна за руку. Невмоготу оставаться здесь дольше. Мало того что ничего не видно, но из-за ревушей музыки – «Werewolves of London» – ничего не слышно.

Ресторан справа от нее, а павильон с соломенной крышей – прямо по ходу. Но между ней и этим зданием лежит освещенная площадка, где дети обычно бегают, падают и пьют сок из пакетиков. Здесь сходятся дорожки, ведущие к разным вольерам, и место это ужасно открытое. Если они вступят на эту площадку, то окажутся незащищенными и слышны будут лишь вой волков да грохот клавишных.

Из-за музыки у нее начинает стучать в голове.

Она решает, что они дойдут до вольера с черепахами, где над бетонной дорожкой раскинулось огромное дерево, и пересекут бетонную площадку под тенью этого дерева. Приняв это решение, она сосредоточивается на нем. Пригнувшись к забору, они медленно продвигаются вперед, и ее отвлекает только то, что вой в громкоговорителях на несколько секунд затихает, а потом начинается следующая песня.

В этот момент тишины она слышит крик младенца. Сначала она думает, что это обезьяна, но потом дыхание как будто захлебывается, и она понимает: это не животное. Плач яростный, клопочущий, и он близко. Настолько близко, что она вспоминает, как лежит в постели, в доме предрассветная тишина, кровать Линкольна в соседней комнате, в десяти футах от нее; вспоминает, как просыпалась в долю секунды, стоило ему пискнуть, опускала ноги на пол, толком не успев разлепить глаза.

Джоан резко поворачивает голову к скамейке, стоящей в десяти футах от них – с нее удобно наблюдать за слонами, – ожидая увидеть длинноволосую маму, успокаивающую ребенка, но скамейка пуста.

Затем музыка возобновляется, ритмы диско заглушают все остальное, и она почти убеждает себя, что придумала все это, что воображение сыграло с ней злую шутку. Но она уже знает. И ей не надо принимать какие-то новые решения. Подходя к скамейке, установленной в нише у

забора, она всего лишь придерживается выбранного маршрута, и рядом нет ничего, кроме металлического мусорного бака.

Джоан медлит, ссутулившись и не выходя из тени. Никого нет. Здесь явно никого нет – ни ребенка, ни матери. Линкольн дергает ее за руку, но не потому, что хочет вырваться, а потому что испытывает нетерпение. Она чувствует, он наклоняется вперед, как бы поторапливая ее.

Здесь явно никого нет.

Но она притягивает Линкольна к себе, ставит его перед собой, и они двигаются вперед. Дойдя до мусорного бака, она кладет руки на прохладный, немного липкий металл крышки и рывком поднимает ее. Она знает, что именно там найдет, однако убеждает себя в том, что этого не случится. Да, подняв крышку, она видит кричащего ребенка.

Она едва слышит его из-за музыки, хотя видит, как двигаются его губы. Свет от луны тусклый, но его достаточно. Ребенок лежит на одеяльце, закрывающем почти весь мусор, примерно в футах от верха бака. Крошечный, мягкий, дрыгающий ножками младенец. Моисей в корзине.

Положив крышку бака на бетон, она наклоняется и пытается успокоить его, сама не слыша своего голоса. Протягивает руку к маленьким пальчикам. На голове пушок из темных волос. Значит, он не новорожденный, ему несколько месяцев. Малыш неплотно завернут во второе одеяло пастельных оттенков – зеленых, желтых или белых? – и сумел высвободиться. Джоан видит его боди, тоже пастельных оттенков, и толстенькие ляжки. Но больше всего она загипнотизирована его гневом – эти зажмуренные глаза, наморщенный лоб и широко разинутый рот, который при всем желании не может соперничать с громкоговорителями.

Та женщина – или какая-то другая – оставила ребенка в помойке. В помойке!

Это уму непостижимо!

Линкольн тянет ее за руку и что-то говорит. Она не имеет понятия, что именно, а потому наклоняется ближе к нему:

– Скажи мне на ухо.

– Что это, мама? – кричит он, но она по-прежнему едва слышит его.

До нее доходит, что ему не видно. Ему не дотянуться до края мусорного бака, и он не слышит ничего, кроме музыки. Она стоит оцепенев.

– Ничего, – отвечает она, сама не понимая, зачем лжет ему.

– Тогда на что ты смотришь?

Она выпрямляется, глядя на ребенка. Потом замечает, что руки ее сами тянутся к баку. Она отступает назад.

– Мне показалось, я что-то услышала, – говорит она.

Должно быть, мать ребенка запаниковала. Может быть, она увидела приближающихся преступников, или просто ослабла, или смалодушничала. Не сумела успокоить ребенка и сдалась. Спасла себя. Вероятно, спряталась в каком-то укромном месте, оставив ребенка среди пустых банок из-под содовой и оберток от гамбургеров. Джоан ненавидит ее всеми силами души. Ее руки вновь нависают над мусорным баком, но почему она не дотрагивается до ребенка?

Линкольн тянет ее за юбку.

Джоан не в силах оторвать взгляд от ребенка. Если побороть в себе первую реакцию на мусорный бак, то не такое уж это ужасное укрытие. Если примириться с фактом, что женщина буквально выбросила ребенка, это замечательное место. Рядом с громкоговорителями ребенок – интересно, это девочка или мальчик? – может кричать, сколько ему вздумается, и никто не услышит. А кричать он, разумеется, будет, потому что он один, ему страшно, и, наверное, он голоден, и рядом нет теплого маминого тела. Младенцы чувствительны к запахам, а здесь незнакомый мерзкий запах гниения. Однако звук плача заглушается, к тому же мусорный бак – некое грубое подобие колыбели, обнесенной стенами, из которой ребенок не может выбраться.

Но здесь попадают крысы и тараканы, которые могут заползти в глаза и рот. Тараканы. Тут небезопасно. Это мусорный бак. Линкольн может идти сам, а ребенок почти ничего не весит. Иногда она может нести их обоих.

Эта музыка диско звенит у нее в мозгу.

Она протягивает руку к лицу ребенка, багрово-красному даже при лунном свете. Кожа мягкая, как она и ожидала. Плач не утихает. Ребенок хватается губами ее большой палец, и она дает ему немного пососать. Рядом с его личиком конфетная обертка, и Джоан отбрасывает ее. Ребенок дрыгает ножкой, и она замечает что-то под его бледной мягкой ляжкой. Просунув руку, она находит соску-пустышку.

Она вытирает соску о рукав и дает ее ребенку. И тут вспоминается еще одна вещь: идеальная буква «О» маленького ротика и довольное причмокивание, когда соска во рту.

Немного пососав, ребенок выплевывает соску и принимается кричать. Она представляет себе, как держит его на руках.

Линкольн продолжает дергать ее за юбку. Она смотрит на сына, и он дергает все сильнее.

– Кажется, ты говорила, – кричит он ей в ухо, – что нам нельзя

смотреть на всякие пустяки.

Джоан быстро выпрямляется. До нее доходит, что она освещена – то же пятно света, которое падает на ребенка, освещает и ее руки. К тому же она отпустила руку Линкольна. Она впервые отпустила его с того момента, как они вылезли из вольера дикобраза. И она не следила за ним. Если бы он отошел в сторону, она не заметила бы. Будь рядом преступники с поднятым оружием, она не увидела бы.

Она не смотрела.

Ребенок по-прежнему кричит.

Она опускается на корточки, в тень, обхватив сына рукой:

– Да, ты прав.

Надо поторопиться. Другого выхода нет. Она встает, чуть пригнувшись, и снова дотрагивается до головки ребенка. Потом разрешает ему ухватить губами свой палец – зубов еще нет – и вновь засовывает ему в рот соску. И быстро отворачивается, питая надежду, что на этот раз ребенок не выпустит соску. Потом поднимает с земли крышку мусорного бака.

Она ставит крышку на место. Это не так быстро, как хотелось бы – приходится точно совмещать края, – и все время она всматривается в какую-то точку в темноте. Какой-то миг она видит смутные трепещущие очертания, потом они исчезают, и остается лишь темный купол мусорного бака.

– Пойдем, – говорит она Линкольну.

Она снова пригибается к земле и делает несколько шагов. Музыка звучит немного тише, не стучит в голове. Еще один шаг, и еще, ей просто надо идти, стараясь ни о чем не думать.

Ей просто надо оберегать сына от опасности.

– Что там было? – прижимаясь лицом к ее волосам, спрашивает Линкольн.

– Ничего, – отвечает она.

Он продолжает что-то выпрашивать, но она ускоряет шаг, оставляя мусорный бак позади. Музыка звучит громче. Исступленные аккорды электрогитары уносятся ввысь, и порывы ветра образуют маленькие вихри листьев, желтых даже в полумраке. Дойдя до внушительного дерева, растущего у вольера с черепахами, они, взявшись за руки, бегут через затененную бетонную площадку и потом опускаются на колени у низкого заборчика. Передышка и оценка ситуации. Они всего в нескольких шагах от торговых автоматов, которые по большей части скрыты бамбуковыми зарослями, но между тонкими стволами просвечивают лампочки, горящие красно-белыми полосками.

Еще несколько шагов. Открыв сумку, она шарит в боковом кармане и достает кредитную карту.

– Какие у них есть крекеры? – спрашивает Линкольн.

– С сыром, конечно, – отвечает она, неразумно сердясь на него за то, что он опять вспомнил о крекерах. – Говори шепотом.

– Я хочу с сыром.

Она чувствует, что он замедлил шаг, и его сопротивление усиливается, как это бывает с леской, которую тянет пойманная рыба. Бокон Джоан задевает бамбуковую загородку, охраняющую закуски.

Еще десять или двенадцать шагов, и она сможет накормить его.

– Не хочу арахисового масла, – громко произносит он. – Хочу с сыром. Если только там есть печенье с арахисовым маслом, какое любит папа.

– Тише! – шикает она.

Нет, это уму непостижимо! Ведь пока они говорят об арахисовом масле, их в любую минуту могут убить! Неужели он не понимает, что она для него сделала? Слава богу, конечно же, не понимает! Но она не станет спорить с ним о крекерах.

Она старается говорить спокойно:

– Наверное, с сыром есть.

– Обещай мне, – говорит он.

К глазам подступают слезы – она ошибалась: не гнев она подавляла в себе. Привлекая сына к себе, она чувствует, как ее рука слегка прилипает к его ладонке. Она не станет думать о липкой крышке мусорного бака. Приблизившись к матери, Линкольн издает рычащий звук, как будто сердится, что она пытается разбудить его рано утром. Вот они уже миновали забор.

Она вдруг замирает.

Потом неловко пятится назад и прячется за ограду, прижимая Линкольна к ногам. Она вновь напугана, и это хорошо, ибо страх сжигает все другие эмоции.

Пространство между бамбуковой оградой, где они стоят, и кирпичной стеной кафе «Саванна» освещено почти как днем. У стены выстроились светящиеся автоматы: кока-кола, пепси и минеральная вода, а в дальнем конце – металлический ящик с маленькими пакетиками. Она никогда не видела их вечером. Веселые огоньки излучают механическую агрессию. Автоматы находятся в полном неведении об их затруднительной ситуации, и она ненавидит эти автоматы за сверкание.

Ей приходится прикрыть глаза от света.

Слева от автоматов бамбуковый забор изгибается, в конечном итоге

упираясь в стену кафе. Вдоль дуги забора плотно растут банановые пальмы, так что, по крайней мере, с этой стороны есть что-то вроде барьера.

Но с той стороны автоматов, где у них прорези для карточек – Боже, прошу Тебя, пусть считывающее устройство для карт работает, ведь иногда оно не работает, а у нее обычно не бывает монет, – с той стороны нет никакого укрытия. Ничего, кроме бетона. Мало того что автоматы освещаются изнутри, так еще и по карнизу здания развешаны горящие фонари.

Джоан изучает заросли бананов по ту сторону от автоматов. Листья раскинуты, как зонтики, а под ними толстые стволы наклонно уходят в мульчу клумб. В угол забора втиснуты три мусорных бака, а угол рядом со зданием темный и пустой. Банановые пальмы могут служить укрытием, и она считает, что они с Линкольном могут залезть глубоко в эти заросли, ближе к забору.

Нет смысла долго здесь стоять. Это небезопасно.

Она изучает все предметы в поле ее зрения. Затем вновь поднимает Линкольна, который обхватывает ее руками и ногами.

– Сюда, – говорит она ему, устремляясь через освещенный участок – на бетоне появляется ее массивная бесформенная тень, – мимо автоматов с напитками и едой, прямо к краю банановых зарослей.

Рядом с собой она видит декоративные камни, вкопанные в землю, прямоугольные плитки черного и белого цвета. Она опускает сына на листья, прижимаясь к кирпичной стене кафе. Автомат с закусками совсем близко, только руку протяни. Он загоразживает их от некоторых точек обзора. Она осторожно отнимает свою руку и подталкивает сына назад, шаг за шагом, к клумбе.

– Стой на этом камне, – шепчет она. – Побудь здесь, а я достану еды.

Она довольна его укрытием. Даже находясь близко, она почти не видит его.

Подходя к автомату с этой стороны, она стоит в тени, освещена лишь ее рука с картой. Неловкими пальцами – кончики пальцев такие сухие – она вставляет карту, и машина принимает ее. Джоан выбирает крекеры с сыром и злаками и, не дожидаясь, пока крекеры упадут на дно, просовывает руку в прорезь внизу автомата и хватает крекеры. Вытащив их, она прислушивается. Потом покупает вторую пачку – но, право, насколько опаснее лишние пять секунд, – только она нажимает не ту кнопку, и выскакивает шоколадный батончик «Зеро», но она хватает и его.

Потом она отступает в тень, ощущая на шее влажные листья бананов.

Когда он устраивается у нее на коленях, его рубашка задирается, и она думает о том, какой он худенький. Он родился очень крупным – больше десяти фунтов – и какое-то время был весьма пухлым. Эта прелестная младенческая пухлость заставляла незнакомых женщин останавливаться на улице, чтобы потискать его за ляжки. Он довольно долго был упитанным, но каким-то образом превратился в высокого и худого мальчика.

Она разворачивает крекеры и протягивает ему один. Обертка хрустит громче, чем ей хотелось бы, но она разрывает ее пополам, и крекеры высыпаются на обертку. Джоан устраивается на камне. На голову и плечи ей опустились широкие и плоские прохладные листья. Теперь из динамиков несется мелодия, которая всегда ассоциируется у нее со Злой Волшебницей из «Волшебника страны Оз». Неистовствуют деревянные духовые инструменты. Звуки резкие, но она не хочет, чтобы мелодия прекратилась. Она не хочет слушать ничего другого.

Не успела она и глазом моргнуть, как Линкольн съел два крекера. Джоан выуживает из сумки его бутылку с водой, и, к счастью, она наполовину полная. Джоан снимает крышку и ставит бутылку между его коленями, которые зажаты ее ногами.

– Спасибо, – говорит он.

Он слегка подпрыгивает на месте, отрывая попу от земли. Крекеры произвели на него едва ли не магическое действие.

– Ты купила шоколадный батончик? – спрашивает он. – А какой? Можно попробовать?

Отломив кусочек, она протягивает ему. Помолчав, она говорит:

– Он называется «Зеро». Белый шоколад с карамелью.

– Ты не любишь белый шоколад. Тебя от него тошнит.

Вообще-то, это правда. Напоминание о жизни в Таиланде. Сначала она работала с монахинями в Ирландии, а потом отправилась в Бангкок. Был Великий пост, и она отказалась от шоколада, поскольку, находясь рядом с монахинями, поневоле впитываешь идеи самоограничения. Потом в Таиланде наступила Пасха, и Джоан купила кролика из белого шоколада – зачем в Таиланде вообще нужны пасхальные сладости? – и съела его целиком, а потом ее вырвало, и на этом ее знакомство с белым шоколадом завершилось.

– Когда-то давно мне нравился белый шоколад, – говорит она.

Край острого камня впивается ей в бедро, и она пытается усесться

поудобней, но при этом оцарапывает руку о камень. Ей больно, и по ладони начинается что-то течь – вновь вскрылся порез.

– До моего рождения? – спрашивает Линкольн.

– Да, – отвечает она, сжимая и разжимая кулак и ощущая липкость крови. – Задолго до твоего рождения.

– Когда ты ездила в разные страны?

– Да, тогда.

Он осторожно пробует шоколадный батончик, потом с довольным видом хмыкает, и весь кусок исчезает у него во рту.

– Ты постоянно ела его до моего рождения. Когда тебе нравился белый шоколад. Но до моего рождения не было белого шоколада, так что это неправда.

– Неправда? – повторяет она.

В автомате с кока-колой какая-то неисправность – видимо, короткое замыкание. Постоянно мигает кнопка спрайта.

– До моего рождения шоколада не было вовсе. Не было домов. Только замки. Не было мебели. Ни тарелок, ни шляп, ни одежды. Были динозавры. Не было мира. Ничего не было. Но была одна больница, где я родился.

Она смотрит на него.

Однажды он принялся плакать, испугавшись голоса в динамике бакалейного магазина. Он считает монстров из «Скуби-Ду» очень страшными. И похоже, в данный момент он не вспоминает о прошедшем часе. Он вернулся в обычное состояние.

– Я этого не знала, – шепчет она.

– Знаю, что ты не знала.

Скоро им придется уйти отсюда. Они сейчас около здания, в стороне от главной аллеи. Джоан прижимается к кирпичной стене, стараясь, чтобы они были в тени, но сквозь листья просачивается немного света, и Джоан смотрит, как он ест.

– Вкусно, детка? – шепчет она.

– Ням-ням, – говорит он с полным ртом. Он снова взялся за крекеры. – Ням-ням. Так вкусно, пальчики оближешь.

– Ш-ш-ш! – говорит она. – Потихе! Не торопись проглотить все сразу. Ешь с удовольствием.

– Я ем с удовольствием, – шепчет он, доказывая это тем, что откусывает от крекера крошечный кусочек.

Она часто просит его посмаковать еду, но сейчас в особенности хочет, чтобы он ел медленно. Ей нравится наблюдать, как он с удовольствием поглощает плавленый сыр. Он громко жует, и, хотя рот у него закрыт,

челюсти двигаются чересчур энергично. Он облизывает руку, и Джоан заключает, что на ней были крошки.

Она хочет, чтобы он думал только о крекерах.

Он еще плотнее прижимается к ней, и она вспоминает о своем дяде, когда тот, сидя в старом кресле с откидной спинкой, отодвигался, чтобы дать маленькой племяннице место, говоря: «Один из нас, похоже, растолстел». От дяди всегда пахло скошенной травой и духмяным потом, а когда она втискивалась в кресло рядом с ним, он, бывало, прислонялся щекой к ее голове, и она ощущала, как у виска бьется его сердце – так она чувствовала себя под надежной защитой.

Из собственного опыта – обедов с подругами, из фильмов и книг – она знает, что люди не бывают довольными. Им нужна другая работа, другой спутник жизни. В ее же возрасте она должна переживать некий экзистенциальный кризис, когда ей надлежит оценить новые альтернативы и стремиться начать все сначала. Все осложняется тем, что она женщина, и у нее ребенок, и она работает. Считается, что ей надо желать этого, но при каждом повороте судьбы она будет терзаться, раздираемая между желанием выгородить для себя место в этом мире и материнскими чаяниями.

Но она не испытывает подобных чувств.

Однажды в детстве, увлекаясь всем тем, что связано с самопроизвольным возгоранием человека или с вуду, она прочитала рассказ, вероятно, из одной из своих толстых книг о привидениях. Там рассказывалось о человеке, которому дьявол подарил часы, и эти часы могли останавливать время. Человеку надо было только нажать на часах кнопку, и его жизнь навсегда осталась бы неизменной. Он никогда не умер бы. Никогда не состарился бы. Каждый день он проживал бы в точности так, как сегодняшней. Ему надо было лишь выбрать время и нажать кнопку. Но он всякий раз не был готов нажать ее – раздумывал о том, что ему хочется встретить подходящую женщину, потом, думая, что встретил ее, решал, что хочет стать отцом, а когда рождался ребенок, он начинал сомневаться: та ли это женщина, а затем он желал заработать много денег и в конце концов превращался в старика и за его душой приходил дьявол. Дьявол говорил ему, что издавна наловчился на этом трюке, и весь фокус в том, что никто никогда не нажимает кнопку. Ни один человек не осмеливается сказать, что именно *этот* момент его жизни идеален.

Она остановила бы часы. В любой день. В любой момент.

Не исключено, что удовлетворение жизнью – одно из ее больших достоинств. Она ценит то, что имеет. К ней прижимается теплое тело сына, и этого почти достаточно, чтобы перечеркнуть все остальное.

Только вот ладонь у нее опять мокрая, и по пальцам стекает кровь.

Она поднимает руку, чтобы перевязать чем-нибудь пораненную ладонь, но замечает еще одну кровоточащую ранку над запястьем. Не сразу до нее доходит, что она поранилась об острый край камня.

Не найдя, чем перевязать ранку, она прижимает руку к юбке.

Ей хотелось бы остановить те часы. Скоро она увидит свое отражение в зеркале, когда на ней будет кружевная ночная сорочка, может быть, та, с прозрачным лифом и разрезами до бедра, которую иногда ее просит надеть Пол, и она подумает: «Однажды я не смогу это надеть. Однажды у меня будет отвислая кожа со складками жира, и я стану старухой, которой не пристало носить сексуальное белье, и однажды Пол умрет, и, так или иначе, носить это белье будет не для кого». Или она будет делать колесо для Линкольна, считая – восемнадцать, девятнадцать, двадцать – и какой-то частью своего существа гордясь и радуясь, а другой частью думая: «Когда-нибудь я не смогу делать колесо, но надеюсь, он запомнит те дни, когда я могла. А если завтра я погибну в автомобильной аварии, будет ли он вспоминать меня прежнюю, вспоминать, как мы произносили волшебные слова, чтобы сигнал светофора переключился на зеленый, и как мы превращали обеденный стол в крепость?»

Она не помнит, когда начала представлять себе конец всего. Возможно, толчком послужило то, что ей недавно исполнилось сорок. А возможно, с того момента, как Линкольн стал превращаться из ребенка в мальчика, он начал подталкивать ее к этому. Она осознавала, что скоро он начнет от нее отдаляться, пока наконец не вырастет и не исчезнет совсем. Наверное, эти черные мысли посещают ее, поскольку больше всего она хочет, чтобы жизнь оставалась в точности такой, как сейчас, ни в чем не изменяясь, и, может быть, она любит эту жизнь еще больше, потому что знает: она не вечна. Неужели у всех людей возникают подобные мысли об автомобильных авариях и мертвых мужьях или она просто ненормальная? – недоумевает Джоан.

– Что случилось с моим «Поворотом на Трансильванию»? – спрашивает бас из динамика.

У Линкольна в пачке остался один крекер. Пора двигаться. Им надо найти какое-то более удаленное место.

Нет. Она должна решить, что будет делать дальше. Нет необходимости выходить на освещенное место, пока она точно не решит, куда они пойдут. А Линкольн такой тихий, такой спокойный. Когда он такой тихий, они почти невидимы. Но как только они тронутся с места, она должна выбрать направление, решив, пройдут они мимо мусорного бака или обойдут его.

Пораненная рука пульсирует, и, чтобы унять боль, ей хочется почесать ладонь о камень.

Подобное желание пугает ее. Она не из тех, кому часто приходят в голову такие мысли.

– Хочешь доесть шоколадный батончик? – спрашивает она Линкольна.

Одной рукой он вытаскивает последний крекер, а другую протягивает за шоколадкой.

– Да, пожалуйста, – шепчет он.

Она вручает ему батончик. Что-то мохнатое быстро проползает по ее ноге, и Джоан старается не смотреть вниз. Она научилась этому в доме матери: если не смотреть, можно сделать вид, что ничего не было.

И все же воображение разыгралось. Она думает о блестящем черном панцире и шевелящихся усиках.

В фильме «Пугало и миссис Кинг» есть эпизод, где Ли с Амандой, прячась в болоте, жмутся друг к другу в зарослях растений, как они сейчас. Аманда дрожит, и Ли обнимает ее. Это секрет Джоан. Она никому не может признаться, сколько раз пересматривала эпизоды из этого фильма. Иногда ей кажется, что ее увлечение этим фильмом сродни пристрастию к алкоголю или порно. Время от времени она сбегает из своего домашнего офиса и в обеденное время пробирается в кино. А случается, что ночью вылезает из кровати, целует Пола в плечо и до трех часов смотрит телевизор.

Ей не следует сейчас думать о телевизоре. Или, может быть, следует. Есть вещи и похуже.

Она привыкла считать Брюса Бокслейтнера красавцем и по-прежнему думает, что в 1980-е годы он таким и был. Стоит ей захотеть, и перед ней возникает тот его облик, потому что эти люди – нет, это не люди, они персонажи – совсем не изменились. Она привыкла считать, что Ли и Аманда – взрослые, а теперь она старше их. Они великолепно сохранились.

Когда она была маленькой, то частенько сидела на сверкающем полу гостиной рядом с кофейным столиком, скользким от полировки, на которую ее мать не скупилась. Но еще хуже был гладкий пол, по которому, как по льду, бесшумно скользили тараканы. Тараканы были всегда, поскольку мать опасалась, что от яда может погибнуть их собака. Едва вернувшись из школы, Джоан включала телевизор. Неужели она одна не хотела уходить из школы? Одна медленно выходила за дверь, когда звучал последний звонок? Одна заглядывала в классы – нет ли учителя, которого можно хитростью вовлечь в разговор, и, может быть, даже присесть на краешек его стола, чтобы завладеть его вниманием? Учителя любили ее. В шестом классе для

танца вокруг майского дерева учителя выбрали всего двенадцать девочек, в том числе и ее. Долгие часы репетиций после школы. Господи, домой она приходила уже в темноте!

Но в школе нельзя было оставаться вечно. Итак, она включала телевизор и смотрела свои передачи, пока мама не вернется домой, и тогда телевизором завладевала она – у нее были свои передачи. Джоан дожидалась позднего вечера, когда мать ложилась спать, а потом возвращалась в гостиную и садилась так близко к телевизору, что приходилось задирать голову. Пульт они потеряли уже давно, но не только это заставляло ее сидеть близко: создавалось ощущение, будто она как бы залезает в телевизор. И она была счастлива. Но иногда, когда она сидела босая в темноте со скрещенными ногами на гладком-гладком полу, на лодыжку или кончик пальца заползал таракан, и она, сдерживая крик, устремлялась к дивану. Но она всегда возвращалась к телику, даже если не знала, куда уполз таракан, и ей приходилось заглядывать под стулья. Самый ужас наступал в первый момент, когда она краем глаза замечала ползущий темный силуэт. Ей никогда не удавалось подобраться к ним близко и убить. Единственное, что она могла, – это швырять в них тапками, а иногда она брызгала на них лаком для волос, пока не утонут. Ей нравилось наблюдать за тем, как они погибают. Но, несмотря на тараканов, она возвращалась к телевизору. Она не могла без него.

Лампочка спрайта на автомате мигает, как азбука Морзе. Линкольн продолжает жевать. Из динамиков несется: «На кладбище грохот стоял...»

Она, бывало, посмотрит эпизод из «Пугало и миссис Кинг», а потом перемотает назад и вновь пересмотрит лучшие куски. Перемотка, пауза, повтор. Перемотка, пауза, повтор. Она помнит эпизод, в котором Ли с Амандой входят в гостиницу и, взявшись за руки, заходят в лифт, а потом он отпускает ее, чтобы нажать на кнопку, и Аманда протягивает к нему руку, и, когда он понимает, что она тянется к нему, на лице его появляется такое чудесное выражение. Джоан сотни раз пересматривала этот эпизод. Это было в те времена, когда Ли и Аманда были влюблены друг в друга, но не признавались в этом, и каждый взгляд был таким важным. Джоан спрашивала себя, будет ли кто-нибудь когда-нибудь вот так смотреть на нее.

Этот уголок комнаты перед телевизором – единственное место в доме, которое она ясно помнит с детства. Стена, занятая выкрашенными в бежевый цвет книжными полками, сверкающий лаком кофейный столик справа от нее, а на нем стоит латунная ваза с искусственными цветами и разбросаны журналы. Телевизор и видеомагнитофон, серебряные и черные клавиши, успокаивающее жужжание перематываемой пленки.

Другие комнаты ей не нравились. Кухня больше всего привлекала тараканов. Однажды она полезла в пакет картофельных чипсов и почувствовала, как под пальцами движется твердый скользкий панцирь. Она стремглав бросилась по длинному коридору, пол которого был покрыт старым ковром, чувствуя, как горят подошвы ног. Ее комната находилась в конце коридора, и она с разбегу прыгнула на голубое покрывало кровати, надеясь, что там ничего не будет шевелиться.

Ни одной ночи не проходило без того, чтобы ей не попадалось пять-шесть или десять тараканов. Иногда она лежала без сна, прислушиваясь к шуршанию их лапок. По временам она вообще не могла уснуть.

Ее мать никогда их не замечала. Джоан могла бы поставить памятник тем вещам, которые ее мать никогда не замечала, например внуку. Она лишь дважды навестила его с момента рождения. Однако Джоан по-прежнему охватывает дрожь негодования, стоит ей вспомнить о тараканах, которых в упор не видела ее мать.

Снова и снова Джоан просила мать потравить тараканов. «Не принимай это так близко к сердцу, – скажет мать. – Ты ведь знаешь, Дейзи может добраться до приманки. И не так уж их много».

Джоан помнит, что любила разыгрывать на ковре в гостиной свои маленькие пьесы и просила маму посмотреть ее представления. «Займись этим, пока я дам отдых глазам», – говорила мать, лежа на диване с закрытыми глазами.

Она вспоминает, как мать настаивала на том, чтобы отвести ее на маникюр. «Тебе понравится», – говорила мать. «Нет, – отвечала уже повзрослевшая, более строптивая Джоан. – Не хочу. Терпеть не могу, когда с моими ногтями что-то делают. Ненавижу этот запах, и мне бывает больно. Я всегда это ненавидела. А вот тебе нравится».

Мать шмякнула щетку для волос о столик так, что задребезжало зеркало, но на следующий день они пошли в салон «Красивые ногти», и наверняка мать по сей день считает, что Джоан нравится маникюр.

Ее мать никогда ничего не видела.

Она даже не удосуживалась посмотреть.

Предполагается, что человек, обзаведясь собственными детьми, более снисходительно относится к своим родителям. Когда он понимает, что такое быть родителем. У нее же все вышло наоборот. В двадцать лет у Джоан установились с родителями довольно миролюбивые отношения, но после рождения Линкольна раздражение вернулось. Лучшее, что можно сделать, – не поворачивать головы, чтобы не увидеть темный крадущийся силуэт.

Ли Стетсон произносил фразы вроде: «За это бордо можно умереть», и он ездил на серебристой спортивной машине, и целовал Аманде руку, и все это казалось Джоан взрослой жизнью. Все красивы и остроумны, вечеринки с коктейлями, экзотические места, калейдоскоп интересных событий. А у нее мать спала с собакой породы лхаса апсо, не брезгуя простынями с пятнами от собачьих какашек, но насмехаясь над блестящими, как сокровище, камушками. Отец же мог целыми днями охотиться на крошечных зверушек, но так и не сумел найти общий язык с повзрослевшей дочерью.

Лампочка спрайта мигает с бешеной скоростью.

До Джоан доходит, что Линкольн не шевелится, возможно, уснул. На его согнутых пальчиках следы белого шоколада. Голова склонилась к ней на плечо. Она смотрит на мягкий изгиб его щек, длинные опущенные ресницы и нос со скругленным кончиком. Вчера в разговоре он произнес слово «арсенал». У него в голове целый собственный мир.

Она видит его.

Пальцами здоровой руки она, как браслетом, осторожно охватывает его запястье.

И чувствует под кожей его косточки.

Она видит его.

Только его.

Весь фокус в том, чтобы сконцентрироваться.

– Жаль, здесь нет Сарджа, – бормочет он.

Она удивлена как тем, что он не спит, так и тем, что вспомнил о Сардже, ведь Сардж у него на втором месте после любимой мягкой игрушки, гибкого жирафа. Сардж был когда-то ее плюшевой собакой, и ему уже больше тридцати лет, в левом ухе у него огромная дыра, а нос частично протерся. Дядюшка любил изображать, как Сардж заползает на стол и умоляет дать попробовать яйцо всмятку, и сейчас ей вдруг тоже захотелось подержать в руках свою игрушку – потрепанную немецкую овчарку. Линкольн знает все, что она когда-то любила.

– Зачем тебе нужен Сардж? – спрашивает она.

– Потому что он полицейская собака. – Линкольн слегка приподнимает голову. – Он всех защищает.

Она уже готова сказать ему, что сама защитит его, но со стороны круга яркого света доносится какой-то звук и что-то мелькает.

В следующее мгновение она понимает, что открывается дверь – дверь по другую сторону от автомата с кока-колой. Слышится голос, и появляется лицо, озаренное розоватым светом от красных и белых лампочек автомата.

Лицо. Длинные пышные волосы. На них в упор смотрят темные глаза.

Проходит секунда-другая – время едва ползет и липнет, как лапки таракана в лаке для волос, – и Джоан наконец осознает, что голос принадлежит девушке, и с трудом сдерживает крик.

Девушка протягивает руку, и на миг показывается вся ее фигурка, потом она снова прячется за автомат. Это молодая темнокожая девушка, подросток, с волосами, мелированными ярко-рыжими прядями. Лицо под пышными волосами кажется совсем маленьким.

– Идите сюда, – говорит девушка. – Быстро!

19:23

Джоан остается на месте, изучая лицо девушки. А не подружка ли она преступников, которую послали поиграть с жертвами? Но эта молодая девушка сильно встревожена. Трудно в чем-то ее подозревать.

– Если хотите, – неуверенно и в то же время раздраженно говорит девушка, повернувшись к ним затылком и вглядываясь в темноту.

Джоан убеждает именно ее раздражение. Одной рукой она обхватывает Линкольна и ставит его на ноги, а затем толчком поднимается на колени, отводя от лица листья бананов. Потом, подталкивая сына перед собой, она поспешно проходит мимо автомата с кока-колой. Он цепляется за ее юбку, они спотыкаются и наконец входят в ресторан. За ними с громким шумом захлопывается стеклянная дверь.

Пригнувшись к полу, Джоан держит Линкольна за пояс. Она замечает на двери продолговатую царапину, серебристую линию в форме куриной лапы, прочерчивающую стекло.

Девушка впереди нее застыла на месте, тоже пригнувшись к полу. Они рядом с буфетной стойкой, слева кассовый аппарат. Справа от них застекленная стена. Потолочные светильники выключены, но витрины ресторана освещаются изнутри, поэтому по залу разлито флуоресцентное свечение, и белые пластмассовые столы и стулья – Джоан считает их белыми – теперь кажутся бледно-зелеными, какими бывают глубоководные существа.

Девушка повернулась к ним, протягивая руку над их головами и едва не касаясь их подмышкой. От нее приятно пахнет пудрой и хлебом.

– Дверь, – говорит девушка, задвигая засов.

Потом девушка, снова сгибаясь, проходит вперед, мимо буфетной

стойки, и они идут следом. Над некоторыми столами стулья аккуратно перевернуты ножками вверх, однако другие стулья и даже столы в беспорядке лежат на боку. Между двумя столбиками натянута красная бечевка, чтобы отгородить место для очереди. Сейчас столбики перевернуты, и их круглые основания оказались наверху.

– Теперь сюда. – Девушка делает знак рукой, как будто они не идут следом за ней, едва не наступая ей на ноги.

– Кто это? – спрашивает Линкольн, обдавая щеку Джоан влажным дыханием. Он по-прежнему держится за подол ее юбки.

– Не знаю, – отвечает она, понимая, что не знает многого, например, того, зачем решила укрыться в этом здании с незнакомым человеком.

Открылась дверь – и появилось человеческое существо, словно посланное свыше, – хотя если Бог кого-то послал, то почему подростка? – и, может быть, это ужасная ошибка. И все же она и подумать не может о том, чтобы вернуться. Она чувствует, что обязана идти вперед. Но зачем?

В голове путаница из мыслей, однако Джоан продолжает плестись вперед. Пригнувшись, они проходят мимо пустых стеклянных витрин, где была еда. Кексы, думает она, и яблочный пирог. Они стараются держаться ниже окон, идущих вдоль стены. Сквозь окна Джоан видит край соломенной крыши и темноту там, куда не достает свет прожекторов. Тьма кажется крошечной, а ведь снаружи она такой не казалась. Не видно ни вольера со слонами, ни сосен в отдалении, ни освещенных улиц. Соломенная крыша тянется бесконечно, а мир вокруг вполне может оказаться настоящей Африкой.

Джоан задумывается о том, хорошо ли они видны снаружи. Стоит ли снаружи человек, полагающий, что у нее бледно-зеленая кожа, как у морского животного?

Теперь она смотрит вперед. При этом освещении крашенные волосы девушки кажутся темно-рыжими. Пряди черного и ржавого цвета.

Музыка на улице напоминает монотонное жужжание.

На полу валяется мертвая божья коровка. Линкольн не замечает ее, и под его ногой хрустит панцирь.

Девушка прибавляет шаг. Джоан не отстает, к ней прилип Линкольн, который идет сам. От такой ходьбы на полусогнутых у нее страшно гудят ноги.

Они обходят стойку и поворачивают в сторону кухни, проходя мимо прилавков из нержавеющей стали, массивной плиты и разнообразных кнопок. Плиточный пол немного скользкий, и она, крепко держа Линкольна за руку, старается идти осторожно.

– Почти пришли, – шепчет девушка.

Помещение кухни заканчивается – нет больше кухонных приспособлений. Они переходят в короткий коридор, в конце которого дверь из нержавеющей стали. Девушка толкает дверь, и они заходят в комнату со стальными прилавками по обеим сторонам. Под прилавками сложены картонные коробки. Электричество, конечно, выключено, но через квадратное окно, расположенное под потолком, в помещение попадает некая смесь лунного света и сияния наружных фонарей.

На полу сидит женщина. Немолодая женщина с седыми волосами и бледной кожей прислонилась к штабелю коробок. На ней джинсы и толстовка. Она с сумрачным видом кивает.

– Входите, – говорит женщина.

– Сюда, Линкольн. – Джоан подталкивает сына в комнату и кивает женщине.

Картонные коробки занимают почти все пространство пола, не считая узкой дорожки посередине комнаты. В одной коробке Джоан замечает пластмассовые вилки и ложки, в другой – фильтры для кофе, но большинство коробок закрыты. Над прилавками на магнитном держателе висит по крайней мере десять половников. Стоит подставка с ножами. Посмотрев чуть дальше, Джоан вздрагивает, увидев сверкающую красную лужицу, но потом замечает бутылки с кетчупом – семь-восемь стеклянных бутылок, стоящих в ряд. Крышки сняты, и в одном месте кетчуп пролился на прилавок, а затем на пол.

– Я смешивала их, – объясняет девушка, задвигая засов на стальной двери.

Джоан оглядывается и видит, что дверь так отполирована, что даже при скудном освещении в ней отражается девушка, и ее двойник повторяет движения рук девушки. Двойник плавно опускается на пол, как и реальная девушка, и, поджав под себя ноги, садится по-турецки.

На девушке берет того же цвета, что и пряди ее волос, джинсы болтаются на бедрах. Тонкие косточки.

– Я имею в виду разный кетчуп, – говорит девушка. Она облакачивается на картонную коробку с ярлыком «СУХОЕ МОЛОКО». – Я смешивала кетчуп, когда услышала, как они входят, и немного пролила. Понимаете, глупо было бы после этого прибираться.

– Кетчуп? – переспрашивает Линкольн, пододвинувшись ближе и запутавшись в ногах Джоан, которая отпихивает в сторону коробку, чтобы освободить место.

Усевшись, Джоан осматривает комнату. Только одна дверь. А

единственное окно, безусловно, расположено так высоко, что никто не сможет заглянуть сюда с улицы. Ей проще сосредоточиться на окружающем помещении – его достоинствах и недостатках, – чем пытаться уразуметь то, что девушка рассказывает о приправах.

В комнате раздается лишь голос девушки. Джоан больше не слышит музыку Хеллоуина. И она не уверена, что тишина ей нравится.

Она замечает, что почти касается ногами пожилой женщины – молчаливой и настороженной. Джоан подбирает ноги и усаживает Линкольна себе на бедро. Его ноги оказываются у нее между коленями.

– Значит, когда преступники вошли в ресторан, вы были здесь? – шепотом спрашивает она женщину.

– Не я, – тихо отвечает женщина. – Я была рядом со слонами. У меня были наушники, так что поначалу я даже не услышала выстрелов. Но она разыскала меня. Так же как и вас.

– Они не знали, – говорит девушка в полный голос, как будто сидит дома на диване, болтая перед телевизором, где показывают «Танцы со звездами», и лакомясь пиццей. – Те парни. Они не знали, что я здесь. Они даже хорошенько не искали. Это странно. Вам не кажется, что они должны были искать лучше? Ну если бы у них были серьезные намерения? Разве такие вещи не планируются заранее?

В разъяснениях девушки слишком много слов.

– А не стоит ли нам говорить потише? – шепчет Джоан.

– Зачем? – Девушка слегка пожимает плечами. – Из-за двери ничего не слышно. Уж поверьте мне. Когда управляющая хочет помучить кого-то новенького, она приходит сюда и закрывает дверь. Была одна девчонка, которая постоянно ела кофейные кексы, словно была помешана на этих кексах, и все мы думали, то есть... Так или иначе, я говорила, что прибежала сюда, когда те парни ворвались в ресторан. Хорошо, что не было посетителей... После того как парни вышли, я открыла дверь, чтобы посмотреть, как они уходят, и в окно я увидела мужчину и женщину, которые шли по дорожке, и услышала выстрелы, а потом они упали. Но может быть, позже они встали.

Джоан приходится сосредоточиваться на каждом слове, произнесенном девушкой. Это похоже на то, как она приезжала в страну, на языке которой вроде бы говорит, но потом какой-нибудь шофер такси или консьерж начинал тараторить, и она понимала, что все занятия и прослушивание компакт-дисков не подготовили ее к общению. Пусть у нее хороший словарный запас, но понимает она одно из трех-четырех слов.

– Может быть, – говорит Джоан, поймав взгляд седой женщины.

Мгновение они изучают друг друга. Джоан замечает, что, хотя на женщине толстовка, в ушах у нее серебряные серьги, на шее красивая подвеска и волосы аккуратно уложены. На ногтях маникюр. Ничего вульгарного – пастельный оттенок. Со вкусом. Сдержанно.

Джоан предполагает, что эта женщина никогда не выходит из дому без макияжа.

Она уже жалеет, что пошла за девушкой. И не хочет оставаться здесь.

Девушка откидывает назад голову с пышной гривой и слегка раскачивается, отчего волосы рассыпаются по плечам.

– А вы знаете, что если кто-нибудь наставляет на вас пушку и принуждает сесть в машину, – говорит девушка, – то лучше попытаться убежать, потому что шанс, что вас убьют даже с расстояния, скажем, шесть футов, всего лишь около шестидесяти процентов? А если вы отбежите на десять футов, то это тридцать процентов? Так что вас могут подстрелить, но, возможно, не убьют. А если вы от них на расстоянии сорок или пятьдесят футов, то это совсем маловероятно.

Джоан опускает глаза на Линкольна, который заерзал у нее на руках. Похоже, он поглощен изучением толкушки для картофеля – ей не понятно, как толкушка оказалась у него в руке, – но он часто прислушивается к разговорам взрослых более внимательно, чем ей кажется. Ей не хочется обсуждать детали огнестрельных ранений.

– Сколько тебе лет? – спрашивает она у девушки.

– Шестнадцать.

Девушка говорит с гордостью. Джоан почти позабыла это ощущение – быть довольной своим возрастом.

– Так что же случилось? – снова спрашивает Джоан, поскольку стремится больше узнать о вооруженных бандитах. – Когда эти люди вошли сюда?

Девушка, облокотившись на картонную коробку, откидывается еще дальше назад. Ее челюсть еле заметно движется, словно она сосет леденец от кашля или жует жвачку.

– Вначале? Вначале я услышала с улицы крики. Понимаете, всегда кто-то кричит. Вокруг бегают дети. Вы знаете ту скульптуру слона, которая брызгает водой? Люди кормят жирафов, и иногда дети начинают беситься при виде их языков. Громко играет музыка, а я занята ведомостью. Потом крики прекратились, и на время стало довольно тихо. Вы слышали выстрелы?

Голос девушки по-прежнему такой громкий. Джоан борется с желанием встряхнуть ее. *Мы погибнем, если ты не будешь говорить тихо!*

Умом Джоан понимает, что дверь звуконепроницаемая, но логика не убеждает.

– Мы слышали их издали, – спокойно произносит Джоан. – Мы с ним были в лесу в детской зоне. Я не поняла, что это стрельба.

Линкольн роняет толкушку для картофеля и встает, чтобы поднять ее. Пожилая женщина подает ему толкушку. Он осторожно берет.

Девушка живо кивает:

– Я тоже. Сначала они были далеко. Мы уже закрылись – заперли дверь и все такое. Я была здесь, когда услышала, что кто-то стоит у входа.

– Тише, – не в силах сдержаться, просит Джоан. – Чуть потише.

– Они нас не услышат, – повторяет девушка.

Седая женщина дотрагивается до плеча девушки. И не просто дотрагивается, а сжимает ее плечо наманикюренными пальцами.

– Ш-ш-ш! – с властным видом шикает женщина. – Она права. Говори тише. – Девушка с удивленным видом кивает, и женщина похлопывает ее по руке. – Ну вот и хорошо.

Джоан смотрит на женщину по-новому.

– Так вот, значит, – наконец-таки шепотом произносит девушка, – я смешивала кетчуп, и, как ни старайся, все равно забрызгаешь руки, и замечаешь, только когда все высохнет. И вот я услышала стук в дверь и сначала подумала: может, кому-то понадобился туалет.

Девушка вытягивает тонкие ноги, потом закидывает одну ногу на другую, словно складывает оригами. Она постоянно в движении.

Теперь Линкольн во все глаза смотрит на девушку. Толкушка для картофеля забыта.

– Нет, – говорит девушка, снова жуя, – знаете, о чем я на самом деле подумала? Я рассказывала, как работала в «Хэвайэн айс»? Леди, которая заведует им, ходит в мою церковь. Ну вот, там была старушка, которая приходила туда каждую субботу... – Девушка умолкает, но не потому, что ждет реакции. Паузы – всего лишь составляющая ее ритма. – Ей всегда хотелось потрогать мои волосы, – продолжает она. – Леди иногда так поступают, белые леди – без обид, – но она просто не хотела уходить, пока не потрогает мои волосы, а иногда она приходила поздно, и я уже опускала жалюзи, потому что было время закрытия, и она стучала до тех пор, пока я не открою.

Этой паузой надо воспользоваться. Джоан не уверена, что девушка в состоянии остановиться сама.

– Но ты рассказывала мне о бандитах, – подсказывает она.

– Угу. И вот я приоткрыла эту дверь, – девушка кивает на дверь у себя

за спиной, – и увидела, что эти люди распахнули боковую дверь, и заметила у них оружие. Винтовка или что-то еще? Они вошли и начали расшвыривать вещи, и это было глупо, разве нет? Ведь если бы они не шумели, я не узнала бы, что они здесь. Но когда эти двое вошли и принялись все крушить, я просто заперла эту дверь. Замок запирается изнутри. Думаю, кто-то мог здесь однажды застрять. Можно отпереть дверь и снаружи, но нужен ключ, и есть он только у меня. Так что здесь безопасно.

Девушка проглатывает то, что жевала.

– На ней шапка, – объявляет Линкольн.

– Ты любишь шапки? – дотрагиваясь до берета, спрашивает девушка.

Он кивает. Года два назад он, рассматривая пешеходов и велосипедистов на тротуаре, бывало, тыкал пальчиком в головные уборы. *Шапка. Шлем. Шапка. Шапка. Шлем.*

– Я сама так и не видела этих людей, – говорит немолодая женщина, с гримасой сгибая ногу. – Если бы меня не перехватила Кайлин, я напоролась бы прямо на них. А как было у вас?

– Я увидела их, когда мы подходили к выходу, – говорит Джоан. – Потом я побежала к заброшенному вольеру дикобраза.

Пожилая женщина улыбается Линкольну хорошей улыбкой, совершенно отстраненной от происходящего вокруг.

– Ты притворился дикобразом? С острыми иглами? – Женщина дотрагивается пальцем до головы Линкольна и отдергивает руку. – Ай!

Линкольн смеется. Неожиданный, журчащий звук. На лицо женщины падает свет из окна. Выражение лица у нее бодрое, но вдумчивое, и у Джоан возникает догадка.

– Вы учительница? – спрашивает она.

Опустив голову, женщина слегка кривит губы:

– Третий класс. Тридцать шесть лет. В прошлом году вышла на пенсию.

– Какая школа?

– Начальная «Гамильтон».

На вечеринке с коктейлями или на ланче Джоан сказала бы: «О, у меня есть подруга, которая отправила в „Гамильтон“ двух детей», и они продолжали бы вести обычную светскую беседу, но в данной ситуации это кажется неуместным. Она не станет делать вид, что все нормально. И она не хочет больше узнавать об этих людях. В пустой болтовне нет необходимости.

Кайлин, сказала женщина. Девушку зовут Кайлин.

– Когда ты увидела этих людей, – обращается Джоан к Кайлин, – не было ли там заложников?

– Заложников? – переспрашивает девушка. – Зачем они стали бы стрелять в людей, если им нужны заложники?

Джоан качает головой. Это бессмысленно. Наверное, она зря тратит время и энергию, пытаясь решить эту головоломку.

– Хочешь примерить мою шапку? – предлагает Кайлин Линкольну.

– Нет, спасибо, – отвечает он.

Девушка поворачивается и берет коробку слева от себя. Шурша целлофаном, она вытаскивает небольшой пакетик.

– Знаешь, что у меня есть? – спрашивает Кайлин. – Крекеры в виде зверушек.

Даже в полумраке Джоан видит сверкнувшие зубы Линкольна.

19:32

Линкольн почти разделался с крекерами. Джоан рада, что у него есть аппетит. Ведь ее начинает мутить при одной мысли о еде.

Она в этом смысле не одна. Учительница наконец уступила назойливым предложениям Кайлин, но даже не пытается съесть крекер, вынутый из пакета. Она держит его между двумя пальцами, постукивая по нему накрашенным ногтем.

У Кайлин, похоже, проблем с аппетитом нет. Она только что вскрыла вторую пачку. И раскачивается, мотая копной волос, из стороны в сторону.

Эта девушка медленно сводит Джоан с ума.

– Знаете, чего мне действительно хочется? – с набитым ртом спрашивает Кайлин. – Жареной курицы. И может быть, пюре из батата и початок кукурузы. У вас есть латка для жарки? – (Джоан качает головой, учительница тоже.) – Я упрашивала родителей, упрашивала купить мне такую, потому что обед обычно готовлю я, и, когда готовишь курицу, надо пробовать, как получается, да? На сковородке по-другому. Знаете, мама, наверное, будет так напугана этим массовым убийством, что купит мне латку.

Никто не отвечает ей.

Кайлин вытирает руки о джинсы и опускает взгляд на Линкольна:

– Так как тебя зовут?

– Линкольн, – все еще жуя, отвечает он.

– Как Авраама Линкольна?

– Да.

Джоан не удивляется, почему девушка не спрашивает ее имя. Больше никому нет дела до ее имени.

– Ты знаешь, кто такой Авраам Линкольн? – интересуется Кайлин.

– Да, – отвечает Линкольн. – Президент. Он был вероломно убит.

Джоан не в силах сдержать улыбку, понимая, как это странно, что ее пленяют слова «вероломно убит», но все же: много ли четырехлетних детей знают об этом? Это отголосок того периода, когда он увлекался президентами – еще один пройденный этап. Линкольну нравилось, что Рейган любит конфетки «Джелли бинс», Никсон – боулинг, а Обама – баскетбол. Ему нравился парик Джорджа Вашингтона. Ему нравилось инвалидное кресло Франклина Рузвельта. Когда они играли в доктора, она осматривала его, говоря, что у него отит или боль в животе. А он говорил ей, что у нее полиомиелит.

Они играли в футбол на переднем крыльце, и он был Джеральдом Фордом, а она – Рональдом Рейганом. Поддавая ногой мяч, Линкольн всегда вопил: *У Джеральда Форда все под контролем! Джеральд Форд бьет по мячу и... Джеральд Форд забивает гол! Рональд Рейган пытается отобрать мяч у Джеральда Форда! Рональд Рейган выбивает мяч за пределы поля!*

– Он держал бумаги в шляпе, – говорит Линкольн.

– Кайлин, как ты узнала, что мы на улице? – спрашивает Джоан.

Она в недоумении, как могли их заметить, ведь они буквально ползли во мраке, и она старалась осматривать каждый дюйм вокруг, чтобы не наступить на какой-нибудь сухой лист. Она помнит также неосвещенное кафе «Коала», мимо которого они проходили на пути из леса, и детскую зону с перевернутыми стульями, без признаков жизни, но, разумеется, там тоже могли находиться работники зоопарка. Они могли забиться в кухню или спрятаться за кассовыми аппаратами, всего в нескольких шагах от того места, где она дотронулась рукой до двери. Может быть, она прошла мимо десятка людей, спрятавшихся в безопасных местах и наблюдавших за ними сквозь темные окна, и, может быть, все они без единого звука позволили им пройти мимо.

К ней тянутся крошечные пальчики, ребенок машет ручками.

Она могла бы им сказать. Ее мучает эта мысль. Она могла бы рассказать им о ребенке, могла бы даже принести его сюда, освободить себя от греха. Но она говорит себе, что не сделает этого, ведь если ее убьют, что станет с Линкольном? А вдруг эта комната не такая уж звуконепроницаемая

и кричащий ребенок навлечет смерть на них всех? Но не эти причины заставляют ее молчать.

Она не может представить себе, как скажет им. Не может представить, как скажет кому бы то ни было.

Ей отвечает Кайлин:

– Я слышала торговый автомат. Через стену доходит вибрация. Иногда я хожу туда в перерыв и покупаю что-нибудь, а потому знаю звук работающего автомата. Вот я и выглянула и увидела, как вы заходите в заросли. Я немного выждала, собираясь перехватить вас, когда вы будете проходить мимо двери, но вы все не выходили. Тогда я открыла дверь и привела вас сюда. Там небезопасно.

Джоан никак не может понять девушку. С этими кркерами и непрерывной беспечной болтовней она не тянет на героиню. Но чтобы привести их в безопасное место, она рисковала своей жизнью. Это не подлежит сомнению.

Кайлин сметает с джинсов крошки:

– Обещаю, они не проберутся сюда. Не надо беспокоиться.

Может быть, девушка и не героиня, но и не глупышка. Наверное, она просто самоуверенна, как многие шестнадцатилетние подростки. Она вновь трясет своими волосами, перебрасывая их с одного плеча на другое. Вперед-назад, вперед-назад.

Джоан отводит взгляд. Ей лучше не смотреть на девушку. Учительница ведет себя правильно: сидит, прикрыв глаза. Молчаливая и отстраненная. Она по-прежнему держит в руке нетронутый кркер, теребя его, как талисман.

Потом, словно чувствуя взгляд Джоан, учительница открывает глаза.

– Все будет хорошо, – произносит она спокойным и слегка снисходительным тоном, и Джоан недоумевает, почему она заговорила именно сейчас и зачем выбрала эти слова.

– Будет ли? – пожалуй, более резко, чем следует, откликается Джоан.

– Господь не подверг бы нас этим испытаниям, только чтобы дать умереть, – произносит учительница.

Джоан принужденно улыбается. Она не собирается говорить этой женщине, что не верит, будто сюда их привел Господь. Что все это означает? Не он ли привел сюда и вооруженных бандитов? Те мертвые тела на асфальте – это Господь направлял их, что ли?

– До сих пор нам везет. – Учительница потирает колено. – Кто-то нас оберегает.

– Замечательная мысль, – говорит Джоан, и теперь снисходительный

тон уже у нее.

А суть в том, что Джоан не нравится чересчур аккуратная прическа этой женщины и ее наивные слова, но не вина учительницы, что она верит во всякие глупости.

Джоан делает вторую попытку.

– Хорошо, что вы так думаете, – произносит она на этот раз более дружелюбно.

Она признательна женщине за то, что та, к ее чести, лишь кивает и снова прикрывает глаза.

Линкольн бросает на пол пустой пакет и вскакивает на ноги. Похоже, он вполне освоился и скачками перемещается к дальней стене, где, скорее всего, споткнется о крышку открытой коробки одноразовых тарелок. Но приятно видеть, что он оторвался от нее.

– Ты сейчас споткнешься о ту коробку, – предупреждает его Джоан.

– Нет, не споткнусь.

Она наблюдает за ним, а рядом с ней девушка трясет волосами.

– Знаете, что всегда делал мой папа? – говорит Кайлин. – Мы, бывало, играем в прятки...

– Ты можешь помолчать?! – прерывает ее Джоан. – Ради бога! Хоть немного помолчи, пожалуйста!

Едва эти слова срываются с ее языка, как она начинает жалеть о том, что сказала, но потом замечает выражение на лице Линкольна, и все становится еще хуже.

– Мама... – произносит он, глядя на нее огромными глазами.

Джоан переводит дух. Ей кажется, она никогда не видела, чтобы он был в ней разочарован. Учительница тоже неодобрительно смотрит на нее. А на лице Кайлин написана обида.

– Я знаю, что много болтаю. Извините меня.

– Нет, это ты меня извини. Не надо было мне этого говорить. Давай расскажи о своем папе.

Джоан не ожидает, что девушка продолжит рассказ. И какая-то часть ее существа надеется, что Кайлин, будучи чувствительным и злопамятным подростком, надуется и замолчит. Но нет, девушка, очевидно, отходчива.

– Ну вот, – осторожно произносит ободренная Кайлин, словно Джоан может передумать, – мы, бывало, играем в прятки. С папой. Мы с сестрой всегда прятались, а папа всегда искал нас и ходил большими жуткими шагами, тяжело дыша, и мы тряслись от страха, когда он приближался. А потом наступает тишина, и ты знаешь, что он близко. И вот его рука вытаскивает тебя из-под кровати или разбрасывает простыни из корзины с

бельем, а ты визжишь от страха. Он обожал нас пугать. И всегда смеялся. – (Джоан думает, что отец девушки, вероятно, тот еще придурок, но это не важно.) – Один раз я спряталась в кладовке, и он рывком открыл дверь, а я так испугалась, что упала назад на полку и порезала руку. Кровь шла очень сильно, и я все плакала и плакала.

– Он смеялся? – спросила Джоан без всякой задней мысли.

– Нет. Он взял меня на руки, и я видела, как ему плохо. Он все повторял, что сожалеет, потом обмотал мою ранку бумажным полотенцем и усадил себе на колени. Я все плакала, и он сказал, что надо быть храброй, а я сказала, что не могу, потому что у меня идет кровь. Тогда он взял со стола нож и порезал себе руку прямо у меня на глазах. И у него пошла кровь, и он показал мне руку и сказал: «Дыши вместе со мной, детка, вдох-выдох. Ты и я вместе». Я так и сделала. А потом мы забинтовали наши руки.

Джоан видит все это воочию. Видит более ясно, чем хотелось бы. Видит слезы, стекающие по лицу Кайлин. Наверняка у нее, маленькой, были косички и, может быть, заколки в волосах. Джоан представляет себе маленькую окровавленную руку и отца, порезавшего руку себе.

Она улыбается девушке. Девушке, которая видела бандитов, размахивающих оружием, и падающих замертво людей. Девушке, оставившей надежное укрытие, чтобы прийти на помощь незнакомым людям.

– Дыхание иногда помогает, – замечает Джоан.

Кайлин наклоняет голову вперед, качая волосами из стороны в сторону, и теперь это движение не действует Джоан на нервы. Это детская привычка, думает она. Может быть, девушку успокаивает шорох волос.

– Хочу, чтобы он был здесь, – тихо произносит Кайлин.

Джоан наклоняется к ней ближе. Впервые за то время, что они сидят в этой комнате, девушка по-настоящему осознает эту жуткую реальность.

– Угу, – откликается Джоан.

– Вы бы хотели, чтобы здесь был ваш папа?

Джоан пытается найти подходящий ответ на этот вопрос.

– Ну, – начинает она, – у моего папы было много больших пушек.

Кайлин застенчиво хихикает. Джоан чувствует, как ее слегка отпустило, но не может понять, нужна ли ей эта расслабленность.

– Почему ты сама готовишь дома обеды? – спрашивает Джоан.

– Мама и папа допоздна работают, – отвечает девушка. – И я люблю готовить.

– Моя дочь пекла торты, – не открывая глаз, говорит учительница. – Из пяти или шести слоев. Когда еще была маленькой. Такие, как продаются в

булочной.

Джоан рассматривает женщину, которая, похоже, готова заснуть в любой момент. Волосы у нее по-прежнему аккуратно причесаны, а подвеска элегантного кулона располагается точно по центру. Она так невозмутима. Возможно, она молится. И Джоан признается себе: как это трогательно – верить в то, что их охраняют. Что Бог с ними. Ей хотелось бы в это поверить. Эта мысль вертится у нее в голове, когда Линкольн, прыгая вверх-вниз, из стороны в сторону – неловкий бесенок, – падает назад, столкнувшись с коробкой, о которой она его предупреждала.

Вдруг комната наполняется светом. Джоан смущена и на миг ослеплена, но, взглянув на сына, она замечает прямо над его спутанными кудряшками выключатель. Она бросается к нему, отпихивает его от стены и, шмякнув ладонью по выключателю, вырубает верхний свет.

Они тихо сидят в темноте.

Она слышит собственное дыхание. Потом закрывает рот, но, когда дышит носом, получается еще хуже. Она находит руку Линкольна, и он вцепляется в нее пальцами.

Он не сходит с ее коленей. Все сидят в ожидании чего-то.

– Это было всего на секунду, – говорит Кейлин.

Вероятно, с того момента, как они вошли в комнату, она впервые молчала так долго. Джоан рада слышать ее голос.

– Не важно, – говорит учительница. – У нас все хорошо.

Джоан признательна за их попытки.

– Мамочка? – робко произносит Линкольн.

Она постаралась не бранить его. И все же он что-то уловил – то ли от нее, то ли от остальных. Она раньше слышала, что дети, как собаки, чуют страх.

– Все в порядке, – говорит она. – В порядке. У нас все нормально.

Ярко освещенная комната, свет гаснет, зажигается и гаснет. Как чертов маяк, приманивающий путешественников.

– Все нормально, – сжимая его руку, повторяет она.

Эти маленькие пальчики.

Он такой маленький.

На ощупь костяшки его пальцев мягкие – в нем еще ничего не загорело, ни пятки, ни локти. Иногда после ванны она проводит по ним кончиками пальцев, просто чтобы проверить, не загорела ли у него кожа, в надежде, что пока нет, хотя, разумеется, должна загореть. От прикосновения костяшек его пальцев и твердых, гладких, как морские раковины, ногтей к ее ладони в ней прорывается нечто такое, что было

уничтожено несколько часов назад, но ведь она изо всех сил старалась держаться.

Она не позволяла себе думать, что он может умереть.

Джоан не в состоянии думать о подобных вещах и продолжать действовать, а ей надо было действовать. Она не стремится быть одной из тех женщин, которые не позволят своим детям попробовать сырого теста или пройти квартал по улице без сопровождающего, ведь приходится управлять своими страхами, а иначе не выпустишь ребенка за порог. И вот они оказались лицом к лицу с кровавой маской смерти, но она не верила в это до конца, ибо у нее возникала смутная мысль о том, какая зияющая пропасть развернется перед ними, если она поверит. Вот что ты делаешь, когда у тебя есть ребенок, – готовишься принять невероятную боль, притворяясь, что все хорошо.

Она концентрируется на руке сына, на мыслях о его злодейском смехе, когда он играет, на его улыбке, когда он просыпается, и видит, как склоняется над ним, – и ужас отступает.

Пока все они, вероятно, пытаются найти слова, какими можно заполнить тишину, в отдалении, как от фейерверка, начинают раздаваться хлопки и потрескивание.

Слышна разноголосица небольших взрывов. Раздается громкий невнятный голос, и Джоан предполагает, что это говорят в мегафон. Пытаясь разобраться во всем этом, она слышит какой-то непонятный шум. Как будто на пол упала стопка металлических противней для выпечки. Многоголосая какофония набирает силу. Она знает, что это может означать – весь этот ружейный огонь, грохот и крики.

Наконец-то что-то происходит. Кто-то приехал за ними. Она явно должна испытывать облегчение или волнение, но почти ничего не чувствует.

– Видите? – Кайлин вскидывает голову к окну. – Полиция.

– Да, – откликается Джоан.

– Скоро они будут здесь, – говорит девушка.

– Ага, – соглашается Джоан.

Ей хочется встать, подвигаться.

Ее рука попадает во что-то липкое на полу. Она поднимает руку, ища глазами бумажное полотенце, и Кайлин хватает ее за локоть.

– Вы поранили руку, – говорит девушка.

Ей видна лишь ранка на запястье Джоан, а не порез на ладони.

– Ничего страшного, – отвечает Джоан.

– Нельзя, чтобы туда попала инфекция, – замечает Кайлин. – У нас

здесь нет аптечки. Но можно, по крайней мере, чем-то замотать руку.

Не дожидаясь возражений Джоан, девушка бросается к стойке и выдвигает ящик. Потом опускается на пол с тонким белым кухонным полотенцем и принимается обматывать им запястье Джоан.

– Оно чистое, – объясняет Кайлин.

Ее движения удивительно ловкие, поэтому Джоан и не думает возражать. Она лишь смотрит, как девушка туго обматывает полотенцем ее руку и затягивает концы.

– Вот видите? – спрашивает Кайлин и откидывается, опираясь на локти. Ее волосы слегка касаются плиток пола. – Так лучше?

– Да, – отвечает Джоан.

Действительно, от перевязки стало легче.

Джоан продолжает рассматривать свое запястье, когда комната вдруг заполняется оглушительными звуками стрельбы. Джоан резко откидывается назад и ударяется головой о край прилавка. В тот же миг она плотно обхватывает руками Линкольна, который пытается вырваться. Свист пуль раздается повсюду, в голове у нее как будто звучат тарелки из оркестра.

Она слышит визг Кайлин, а Линкольн кричит что-то ей в ухо, но она не в состоянии различить его слова.

Этот шум доставляет физическую боль, и ей приходится бороться с желанием заткнуть себе уши ладонями. Заткнуть уши Линкольну. Она повернулась спиной к двери, закрыв Линкольна своим телом.

Напрашивается одна мысль: кто-то проник в ресторан. Кто-то находится за стальной дверью, ведущей в их комнату. От пронзительного шума у нее начинают ныть зубы. Каждый раз, когда раздается выстрел, она ждет, что пуля пробьет дверь.

Стрельба прекращается. Выстрелов было примерно с десятков. Почти сразу же стрельба раздается вновь.

Кайлин в полусогнутом состоянии протискивается в дальний угол комнаты. Вокруг нее опрокинутые коробки, на полу валяются фильтры для кофе и бумажные стаканчики. Учительница стоит, облокотившись на прилавок.

Пули вновь умолкают, и тишина пугает больше шума.

– Они не могут пробраться внутрь. – Кайлин плачет, хотя лишь мокрое лицо выдает ее. Голос у нее твердый. – Не могут.

Джоан не так уж в этом уверена. Дверь всего-навсего стальная, а не волшебная. Существует предел ее прочности. Джоан дотрагивается до своего лица. Может быть, она тоже плачет? Но нет, не плачет. Плакать

бессмысленно. За этот вечер она научилась разжимать зубы. Заставлять себя вдыхать и выдыхать.

Дыхание действительно помогает.

У нее в ушах по-прежнему звучат отголоски стрельбы.

– Окно, – шепчет она, встает и поднимает Линкольна на столешницу.

Джоан тоже забирается на столешницу, толкает окно, и оно открывается, слава богу, почти без усилий. Всего одно движение руки – и рукоятка поворачивается. Окно открывается наружу, но лишь на несколько дюймов. В него вполне мог бы пролезть Линкольн, но не она. Стрельба не возобновляется. Может быть, парни разрабатывают стратегию? И почему они ничего не говорят? Разве не должны они декламировать рифмованные куплеты? Стоят ли они за дверью, или один из них поджидает под окном? Затем возникает новый звук – тяжелые удары в дверь, – и Джоан велит Линкольну оставаться на столешнице, а сама лезет вверх.

За окном свет яркий. Определенно больше света от уличного фонаря, чем от луны. Джоан смотрит вверх и видит божьих коровок – крошечные черные точки, усеивающие потолок.

– Давайте, – обращаясь к женщинам, говорит она одними губами, поскольку не намерена перекрикивать этот шум.

Кайлин приближается к ней и мигом вскакивает на столешницу.

Глухие удары в дверь – у них там таран? – отдаются в мозгу. Учительница качает головой.

Одной рукой Джоан держит Линкольна, а другой истоиво подзывает учительницу, но та лишь качает головой.

– Не могу... – начинает учительница, но остальные слова тонут в шуме.

Потом шум меняется: еще один удар, но звучит он по-другому. Звяканье и треск.

На миг все смолкает – блаженство, – но потом дверь подается. Чуть приоткрывается, всего на дюйм. Такое незначительное перемещение, и поначалу Джоан говорит себе, что ничего не замечает. Но дверь продолжает медленно открываться. Джоан бросает взгляд на сына и видит у него на щеке крошку. К ее спине прижимается теплая, дрожащая Кайлин. Учительница, стоящая ближе всех к двери, пятится назад. На ее волосы падает свет, и они сияют. Миг растягивается, замедляясь, замедляясь и замедляясь, и затем дверь распаивается, с размаху ударившись о полки.

Там стоит мужчина.

Джоан поневоле признается себе, что была права: мужчиной его можно назвать лишь с натяжкой. Наверное, он еще не бреется. На нем не

сапоги, как она воображала, а теннисные туфли.

Проходит одна секунда.

Две секунды.

Она быстро садится перед Линкольном, свесив ноги со столешницы. Она думает, что полностью заслоняет его и, может быть, есть шанс, что бандит не заметит ее мальчика. А что, если попробовать протолкнуть его в окно? Пока его не видят? У нее за спиной, в футе или двух от нее, подставка с ножами, хотя она не хочет смотреть в ту сторону.

Она смотрит на человека. Очень трудно отвести взгляд от длинной винтовки, которую он наставил на них – и на учительницу, – но ей это удается.

В другой руке у парня топор, но, пока она наблюдает за ним, он отбрасывает топор назад. Куртка ему великовата, а джинсы тесны, из них слегка выпирает живот. На вид он туповат, но в нем чувствуется какая-то мягкость. Джоан шарит по столешнице у себя за спиной, обдумывая, как – даже если ей удастся незаметно взять нож – как она сможет подобраться к нему, чтобы он не успел выстрелить, а если он все же выстрелит, сможет ли она, умирая, ударить его ножом? Она размышляет: пока тело умирает, пройдет несколько секунд, и какое усилие ей понадобится, чтобы вонзить нож ему в сердце? Или, может быть, ударить в шею проще, там мягче, не будут мешать ребра? Думая об этом и царапая пальцами у себя за спиной, она пытается увидеть его лицо.

Три секунды.

Четыре секунды.

Ей никак не удается разглядеть его. Он слегка наклонил голову, и она видит только его широкие темные брови. Тени мешают ей рассмотреть детали. Она хочет, чтобы он посмотрел на нее. Его винтовка нацелена учительнице в грудь, но он по-прежнему смотрит в пол.

Джоан хочет увидеть его лицо.

Нащупывая рукой подставку с ножами, она дотрагивается кончиками пальцев до рукоятки. Следует ли ей вынуть нож или попытаться засунуть Линкольна в окно? Но если она это сделает, если только пошевелится, оружие будет направлено в их сторону. Теперь уже, пожалуй, слишком поздно, потому что парень наконец поднимает глаза.

Он в упор смотрит на учительницу. Не оборачиваясь, он шарит рукой по стене у себя за спиной и, нащупав выключатель, щелкает им. Комната вновь ярко освещена, и Джоан щурит глаза.

Парень не отводит взгляда от учительницы. Моргая от яркого света, учительница тоже смотрит на него. Грудь у нее поднимается и опускается.

Пять секунд.

Шесть секунд.

Винтовка опускается.

– Миссис Пауэлл? – спрашивает парень.

Учительница не шевелится и ничего не говорит, а лишь смотрит на него. Одна штанина ее эластичных брюк задралась на колене, и видна бледная икра. Женщина чуть выгнулась назад, опираясь на столешницу, и из-под толстовки выглядывает полоска живота.

Линкольн ерзает и толкает Джоан в бок ногой.

«Скажи что-нибудь, – мысленно обращается она к учительнице. – Сделай что-нибудь. Кем бы ты ни была, скажи ему, что ты миссис Пауэлл».

Учительница выпрямляется.

– Да, – наконец произносит она так спокойно, словно кто-то делает переключку, и одергивает свою толстовку.

Из всех них только учительница и пошевелилась. Джоан держится за рукоятку ножа, но пока не вытащила его из подставки. Она скашивает глаза в сторону Кайлин и видит влажный блеск на ее щеках. Она замечает, что ноги девушки дрожат – то ли от страха, то ли от напряжения.

С потолка на пол падает божья коровка.

– Да, – так же спокойно, как раньше, повторяет учительница. – Я Маргарет Пауэлл.

Парень снимает с винтовки левую руку и начинает сжимать и разжимать пальцы. Снова и снова. Хватая пустоту.

– Я Роб, – говорит он довольно громко, и Джоан узнает его: он убийца коlobуса. – Робби... – Нахмурившись, он умолкает, наверное ругая себя за то, что выдает свое имя.

Джоан думает, что, возможно, он, желая исправить эту ошибку, перестреляет их всех, но он, глядя в пол, опускает винтовку еще ниже и начинает снова:

– Я учился у вас в третьем классе. Робби Монтгомери.

Учительница по-прежнему молчит. Она могла бы попытаться отвлечь его разговором, но она пока явно не выработала никакой стратегии. Возможно, она оцепенела от ужаса или просто не хочет признать, что не может его вспомнить. Она только смотрит на него, на длинные вьющиеся волосы, свободную куртку и оружие – винтовку в руке, какой-то пистолет под курткой и еще что-то большое, висящее на ремне у него за спиной.

Руки учительницы все так же сжимают толстовку.

– Робби, – повторяет миссис Пауэлл, и он кивает. – Робби Монтгомери.

Он окидывает взглядом их всех. Смотрит на Кайлин, скорчившуюся на

столешнице, на Джоан. А когда он наклоняет голову, Джоан понимает, что он видит Линкольна у нее над плечом.

Потом он отступает назад, прижимаясь спиной к дверной раме.

– Сюда, – громко говорит он. – Выходите!

Он снова смотрит на учительницу, миссис Пауэлл, и не ясно, относится ли его приказ ко всем остальным. Возможно, он отпустит учительницу, а потом вернется за ними. Или, может быть, выведет ее и застрелит первой, а потом вернется за ними.

Но когда миссис Пауэлл подходит к двери, Робби Монтгомери машет рукой остальным. Двигаясь не спеша и раздумывая, не прихватить ли с собой нож, Джоан соскальзывает на пол и берет Линкольна на руки. Потом оборачивается – все еще в сомнении, – но момент уже упущен. Она слышит, как Кайлин спрыгивает на пол, и сажает Линкольна себе на бедро.

Джоан, глядя в пол, ступает по бумажным стаканчикам. Вновь подняв глаза, она видит, как Робби Монтгомери дотрагивается до учительницы. Когда она проходит через дверной проем, он кладет ладонь ей на руку.

– Разве вы не помните меня? – спрашивает он.

Миссис Пауэлл бросает взгляд на его руку, и он поспешно отдергивает ее. Учительница, как обычно, несловоохотлива. Но как только он убирает свою руку, она дотрагивается двумя пальцами до его запястья:

– Ты сидел рядом с тем парнишкой, который засовывал клей себе в ухо. Гаррисон... Гаррисон, как его там. И ты с удовольствием помогал мне скреплять степлером листы бумаги. Скреплять все, что угодно. Тебе нравилась машинка для удаления скрепок. Ты говорил, она похожа на...

– Зубы вампира, – с улыбкой произносит он.

– Мамочка? – шепчет Линкольн, дыша на нее теплым сырным духом.

Она понимает, что его заинтересовало упоминание о вампирах. Очень странно видеть улыбку этого преступника, и она думает, что, наверное, не слишком отличается от Линкольна, поскольку тоже считает, что злодеи не должны радоваться.

Потом Робби Монтгомери кивает им, и они идут. Джоан проходит в дверь следом за миссис Пауэлл, стараясь не задеть Робби или его винтовку. За ней, ухватившись за ее руку чуть выше повязки, идет Кайлин.

Они вновь оказываются в коридоре, видя впереди сумрачный стальной блеск кухни.

– Послушайте, – начинает Робби, – вам надо пойти в какое-нибудь другое место. Не сюда. На входе сейчас полиция, но вы туда не ходите. Они по-прежнему стреляют.

– Кто «они»? – спрашивает миссис Пауэлл.

– Полиция, – беспечно произносит он. – И Дестин. Если только его не убили, но, если бы его уже убили, полицейские не стреляли бы. Он, наверное, жутко устал.

– Кто такой Дестин? – интересуется миссис Пауэлл.

В ее тоне чувствуется строгость, словно она сомневается, одобрить ли выбор мальчиком спутницы для выпускного бала, и это почти забавно.

– Дестин – звезда шоу, – говорит Робби Монтгомери каким-то не своим голосом.

Это излишне выразительный голос диктора телевидения.

Джоан отступает от него на шаг. Ей не нравятся его притворные голоса.

Миссис Пауэлл хмурится. Похоже, Робби Монтгомери замечает это и заговаривает своим обычным голосом:

– Когда увидите шагающий танк, это и будет Дестин. У него отличная индивидуальная защита: бронезилет четвертого класса, шлем «Блэкхок» и все такое. До него не добраться. И потом со мной был Марк, но он снова меня бросил. Повезло вам. Пошли. Надо спешить.

– Мамочка? – снова шепчет Линкольн.

– Еще нет, – шепчет в ответ Джоан – так тихо, что сама едва себя слышит.

Он отпускает их.

Он отпускает их.

Мысль эта настолько непомерна, что с ней невозможно сразу свыкнуться. Очень сложно уразуметь то, что он говорит. Во всем этом участвуют три человека, в том числе этот мальчик, и он разбрасывается именами, словно это не имеет значения. Разумеется, ему не следовало выбалтывать такие подробности. Она сомневается, что он отдает себе отчет в происходящем. В том, что произошло и что произойдет. Или, может быть, он знает, что произойдет, и поэтому не имеет значения, назовет ли он их имена.

Эта последняя пугающая мысль заставляет ее оглянуться. Она оглядывается на бумажные стаканчики, перевернутые наподобие башенок песчаного замка. На ножи, которые теперь чересчур далеко. Третий преступник, Дестин, судя по описанию, не похож на человека. Она представляет себе какого-то монстра из фильма с участием Арнольда Шварценеггера. Монстры не поддаются влиянию старых учительниц.

– Полиция... – начинает она, но, очевидно, Робби Монтгомери не хочет говорить ни с кем, кроме миссис Пауэлл, потому что, едва взглянув на нее, делает знак замолчать.

– Сюда! – Он указывает винтовкой на боковую дверь ресторана. – Выйдете отсюда и пойдете в сторону морских львов. Вы знаете морских львов?

Итак, все они плетутся к боковой двери: первая Кайлин, в середине Джоан с Линкольном и в конце миссис Пауэлл с Робби Монтгомери. Теперь дверь едва держится на сломанных петлях. Вероятно, он взломал ее, и Джоан удивлена, что они не слышали шума.

После сумрака ресторана лампочки автомата с кока-колой, стоящего снаружи, кажутся особенно яркими. Из-за деревьев по-прежнему раздаются звуки выстрелов и крики. Хлопают листья бананов, и Джоан идет по дорожке.

– Быстрее! – выкрикивает Робби, и она ускоряет шаг.

* * *

Маргарет Пауэлл вполне осознает, что в ближайшие несколько минут ей может выстрелить в спину один из учеников. Она даже не слишком этому удивляется.

Кайлин и другая женщина идут гораздо быстрее ее, уходя все дальше и дальше, а Робби идет следом за ней всего в нескольких футах. Обернувшись, она бросает на него незаметный взгляд. Похоже, он хочет выглядеть солдатом во Вьетнаме, пристально всматривающимся в лесную чащу, и в другой ситуации это было бы даже смешно. Она до сих пор не уяснила себе, защищает он ее или ведет на казнь. Возможно, он этого и не знает. Он явный психопат. Или почти психопат, так что разницы никакой. Но и Гитлер любил щенят, не так ли?

У нее ноет колено. Иногда сидеть хуже, чем стоять.

Они уже давно вышли из тени от соломенной крыши. От входа в зоопарк по-прежнему доносятся звуки стрельбы. А Робби все так же идет за ней. Она не ожидала, что он пойдет рядом. Она замедляет шаг, снова оглядываясь и на этот раз не пытаясь скрыть то, что заметила его.

– Ты идешь с нами? – спрашивает она.

Покачивая головой, он подходит к ней. Он высокий, хотя в нем сохранилась детская округлость. Он опустил винтовку, которая слегка раскачивается, как металлодетектор или другое приспособление, не убивающее людей.

Она склонна думать, что чем больше она с ним разговаривает, тем

лучше. Чем чаще он будет слышать ее голос, тем скорее привыкнет к ней как к реальному человеку. Человеком, который учил его писать и помогал завязывать шнурки. Она не помнит, что делала для него эти вещи, но знает, что в то или иное время делала это для всех своих учеников.

– Вы идете слишком медленно, – говорит он. – Надо быстрее.

Она останавливается и поворачивается к нему:

– Мне шестьдесят восемь лет. У меня больное колено. Быстрее я не могу.

Впереди них остановилась мать со своим мальчуганом на бедре. Она смотрит поверх плеча. Маргарет не хочет, чтобы мать ждала ее.

– Пойдем со мной, Робби, – говорит она своим учительским голосом, действующим на каждого ребенка, которого она когда-либо учила.

Она старается донести до него, что ей нравится его общество. Это обычно хорошо срабатывает с трудными, беспокойными детьми – теми, на которых учителя кричат или отправляют в кабинет директора. Эти дети требуют особого внимания, и в этом секрет того, как можно завоевать их расположение.

Разумеется, ей не нужно его общество. Суть в том, что ей не нравится, когда он у нее за спиной. Ей нужно иметь его перед глазами. Еще один секрет: нарушителей спокойствия всегда сажают ближе к учительскому столу.

Она не удивляется, что учила его. Она бесчисленное число раз фантазировала на эту тему. Какой-нибудь бандит наставляет на нее пистолет, требуя отдать кошелек, со словами: «Привет, это вы, миссис Пауэлл?» Она учила очень многих детей – тысячи за все эти годы – и учила их в одном и том же городке, поэтому она постоянно натывается на бывших учеников в торговых центрах, ресторанах и на парковках. Все те восьмилетние дети превратились в мужчин в костюмах и женщин в туфлях на высоком каблуке.

«Миссис Пауэлл!» – всегда говорят они и всегда улыбаются.

Она обычно понятия не имеет, кто они такие, ведь они, разумеется, выросли, но по тому, как они произносят ее имя, она понимает, что они были ее учениками.

Иногда она узнает их. Иногда она даже помнит, где они сидели и что дарили ей на Рождество. Они обнимают ее, говоря, что они юристы, или врачи, или продавцы машин, или у них три дочери или сын в колледже. Они хотят, чтобы она узнала, какими они стали.

Но есть и другие. Те, которые никогда не представляются, но она знает, какими они стали. Деметриус Джонсон был первым, кто оказался в камере

смертников. Он убил парня в драке, а когда учился у нее в классе, сильно, до крови, ударил по ноге маленькую девочку. Но он умел очень хорошо составлять пазлы, у него был настоящий талант, и это могло бы пригодиться ему в жизни. Потом был Джейк Гарриман – чудесный мальчуган, не доставлявший ей никаких хлопот, но семья была неблагополучная, и он ходил с синяками на теле. Она рассказала об этом директору, их посетила социальная служба, но ничего не изменилось, а потом, лет двадцать спустя, она увидела его лицо в новостях: он убил на парковке у супермаркета женщину и угнал ее машину. Камера смертников. Хорас Ли Блок был очень шумным и не мог усидеть на месте. Уже тогда у него проявлялись дурные наклонности, и, когда он обнимал ее, ей приходилось с силой отдирать его руки. Камера смертников.

Она читает их имена в газетах и смотрит на их неузнаваемые лица в новостях. По ее подсчетам, она обучала четырех убийц, шестерых насильников и девяти вооруженных грабителей. Она не собирается проводить мониторинг, но, как бы то ни было, их становится больше. Трое из ее мальчиков и девочек убиты, включая одну девчушку, которую муж сжег живьем. Она помнит ее длинную косичку, завязанную пластмассовыми шариками. Все это ужасно, и не раз, видя на доске с полицейскими сводками фотографию монстра с пустыми глазами и вспоминая худого мальчугана с шершавыми локтями, она испытывала жгучее желание уйти из школы, ибо самое неприятное как раз то, что она ничего не может с этим поделать. Каждый идет по своему жизненному пути, и она ничего не знает об этом. Если они приходят к ней сердитые и удрученные, ругаясь бранными словами, то их родители обычно такие же. Если они доведены до отчаяния, чувствуют себя опустошенными, то наверняка и родители несчастны. Обычно она понимает, в каком направлении они двигаются, но ничего не может с этим поделать. Иногда она пыталась, но это все равно что дуть на кирпичный дом.

Они выходят из ее класса, никогда не оглядываясь назад. Они исчезают.

Но Робби... Для нее это лишено смысла, хотя она все же пытается представить, каким он был в школе. Он без конца болтал. Она это помнит. Бедняга, у него был такой громкий голос, он просто не умел говорить тихо, и, когда другие дети шептались, она всякий раз ловила его. Он был стеснительным, но не доставлял ей проблем с дисциплиной. Она размышляет о коренастом мальчишке, который чересчур громко смеялся над шутками других детей, и каждый раз, когда она просила его замолчать, говорил: «Да, мэм». Пожалуй, он был дисциплинированным. Нет, не то.

Просто старался угодить. Результат один и тот же, но побуждения разные.

Она чувствует тот момент, когда он нагоняет ее, – от него веет теплом и немного пахнет луком.

– Зачем нам надо спешить? – тихо спрашивает она, вспоминая, как он предлагал свою помощь с доской объявлений.

Но ей не вспомнить ни одного разговора с ним.

– Марк, – отвечает он. – Он придет.

– Он твой друг?

– Да.

– Если он твой друг, – осторожно говорит она, – почему ты не скажешь ему, чтобы он не стрелял в нас?

Она смотрит вперед, а не на него, и он отвечает не сразу. Они проходят под раскидистым дубом, рядом с которым указатель со стрелками, надписи на которых невозможно прочитать в темноте, но она знает, что они идут по указателю «ВЫХОД ИЗ ЗООПАРКА».

– У него собственные идеи, – наконец говорит он, а потом поднимает винтовку.

Она готова закричать, чтобы предупредить попутчиков, но он высоко поднимает оружие и палит по верхушкам деревьев. Ей кажется, у нее сейчас лопнут барабанные перепонки. Она трогает уши – нет ли там крови.

При этом он вопит, но она почти не слышит его голоса.

– Идите так, чтобы я вас видел! – выкрикивает он, и она понимает, что Кайлин и женщина с мальчиком пропали за поворотом дорожки.

Теперь они замерли как статуи.

– Не останавливайтесь! – кричит рассерженный Робби. – Нельзя останавливаться. Но будьте поблизости.

Его винтовка вновь опущена к земле. Кайлин и женщина с мальчиком трогаются с места, но при это часто оглядываются. Она по-прежнему чувствует пульсацию в больном колене.

– Ты же велел им идти быстро, – говорит она.

Он не отвечает. Она пугается, увидев, что он протягивает к ней руку, но он лишь достаточно бережно подталкивает ее вперед за локоть. Робби не сделает ей больно.

– Мы все пойдем быстро, – говорит он.

Очевидно, он хочет, чтобы она замолчала, но она обнаруживает, что ее не очень волнует, чего он хочет. Теперь она не так уж боится того, что он может с ней сделать: смерть не так сильно страшит ее, как раньше. Вполне логично было бы, если бы она сейчас представляла себе небеса с золотыми лицами или грезилась о трогательном воссоединении с родителями, которых

она с радостью увидит вновь в любом обличье – телесном, духовном или ангельском. Но она не думает ни о чем подобном.

Всю жизнь ей внушали, что на свете есть Бог. Это, конечно, правда. Она старалась напомнить себе об этом. Она разговаривала с Ним. Но она не думала о Боге в тот момент, когда ей в спину врезался край столешницы и она глядела в черную дыру винтовочного ствола. Она думала о том, что ее взрослая дочь очень ясно дала ей понять, что особо не нуждается в Маргарет, что ее родители умерли, а бывший муж женился на более молодой и полной женщине и у нее не осталось никаких обязанностей. Она не стремится умереть, но мысль об этом не пугает ее.

Прихрамывая, она идет дальше.

– Ты убил сегодня кого-нибудь? – спрашивает она.

Он пожимает плечами. Более ребяческий ответ трудно себе представить.

– Хочешь сказать, не знаешь?

Он вновь пожимает плечами. Чем дольше она с ним общается, тем яснее узнает третьеклассника.

– Сожалеешь об этом?

Он подныривает под ветку дерева.

– Нет, мэм.

«Тогда почему, – хочется ей спросить, – ты не убил меня? Если для тебя это так легко?»

Они почти спустились с холма и проходят под резной деревянной аркой с надписью «АФРИКАНСКИЕ ТРОПЫ». Теперь они окончательно расстались с Африкой. Он по-прежнему придерживает ее за локоть. Для человека, которого она помнит болтливым, он говорит не так уж много. Может быть, его изменил порок. Может быть, третьеклассника уже не существует.

Кайлин с женщиной снова исчезают за поворотом дорожки, но на этот раз он на них не кричит. Они с Робби остались вдвоем, и она уже не надеется его разговорить, но тут он начинает.

– Знаете, как вскрывают волдырь? – Робби слегка сдавливает ее локоть. – Вот на что это похоже. Разве не приятно бывает выдавливать всякие штуки? Вроде прыщей, и волдырей, и всяких штук, которые набухают, а их быть не должно. В тебе сидит что-то такое, и оно хочет вскрыть их. Может, тогда ты что-то поймешь. Потому что воображаешь, что ты такой крепкий, но малейшая царапина – и мы превращаемся в гной и инфекцию. Наверное, мы это понимаем. Мы все выдумываем. Знаете, о чем я? Все вещи, которые мы считаем такими важными, ничего не значат.

Нет ничего реального. И может быть, лучше просто вскрыть волдырь. Вы когда-нибудь думали об этом? Что, может, лучше позволить себе исчезнуть? Потому что иначе мы просто разбухшие волдыри, из которых капает гной и кровь, а мы считаем себя чертовыми единорогами – извините меня, – единорогами, феями или чем-то в этом роде, словно мы прекрасные и волшебные существа, а мы просто мешки с дерьмом.

Он шумно дышит то ли от того, что он смущен своим монологом, то ли от недостатка кислорода. Маргарет спотыкается о неровность асфальта, едва не подвернув лодыжку.

Она думает и думает, но подходящий ответ не приходит ей в голову. Маргарет не хочется поддерживать разговор о людях, как о мешках, наполненных гноем. Она крутит на запястье браслет от Кейт Спейд, который купила на распродаже за двадцать долларов.

– Ты считаешь, нет ничего реального? – спрашивает Маргарет.

– Я считаю, мы проживаем свои жизни, совершая глупости и веря в глупости, – более спокойно произносит он.

Она понимает, что он пытается убедить ее. Приводит свои аргументы.

– Значит, ты убивал людей, потому что считаешь, что так им будет лучше?

– Не знаю, убил ли я кого-нибудь. Дело не в том, что так им будет лучше. Не то, что я считаю себя Иисусом, спасающим души, или типа того. Но хуже им не будет. Хуже быть не может.

Маргарет сглатывает, ощущая во рту кислый вкус. Она была права с самого начала: он психопат, и он заставляет ее идти быстро, отчего она спотыкается на каждом шагу. У нее больше нет сил слушать его, но тут становятся громче звуки, доносящиеся от входа в зоопарк: много мужских голосов и звяканье чего-то металлического.

– Вы по-прежнему едите на обед апельсины? – спрашивает он.

– Иногда, – с удивлением отвечает она.

– И вы срезаете кожуру со всего апельсина, а не разрезаете его на дольки.

Она не может взять в толк, как он это запомнил.

– Да, – говорит она.

Остановившись, он соскабливает что-то со своей подошвы. Маргарет не хочется думать о том, что именно могло прилипнуть к его подошве.

– Вы научились пользоваться топором?

Она пытается вспомнить. Значит, он учился у нее в тот год, когда у нее во дворе с промежутком в полгода упали два дерева, а рабочие запросили за рубку непомерные деньги. После падения второго дерева она купила топор,

вознамерившись научиться рубить деревья. Все мальчишки из ее класса были захвачены этой идеей.

– Нет, – отвечает она. – Я сильно натерла руки. Пришлось кого-то нанимать.

– Помню, я воображал вас в комбинезоне во дворе, – говорит он. – С топором. А потом вы садились в кресло-качалку на крыльце и пили лимонад. У вас есть переднее крыльцо?

– Нет. Позади дома есть терраса.

– Вы живете за городом? – спрашивает он.

– Нет.

– Я всегда хотел.

– Жить за городом?

– Ага. Где можно гулять по лесу.

Яркий свет заставляет ее поднять глаза от выбоины в бетоне у нее под ногами. Она видит сквозь ветви деревьев освещенное озеро. В нескольких шагах перед ней асфальт прорезан рельсами. Там стоят Кайлин и женщина с мальчиком.

Робби отпускает ее и машет в сторону озера:

– Я иду назад. А вы идите поближе к морским львам и птицам. Найдите какое-нибудь укрытие и спрячьтесь. Дождитесь, пока все не закончится.

Только когда он поворачивается, Маргарет понимает, что он уходит. И почему-то она вспоминает один эпизод. Бог его знает, сколько лет прошло с тех пор! Тогда Робби учился точно не у нее в классе. Она проводила урок естествознания о корнях и рассказывала детям о мхах. Она заранее собрала в парке куски зеленого мха и передавала их по классу, чтобы дети увидели, что у мха нет настоящих корней, но дети не хотели заниматься корнями. Они прикладывали мох к голове наподобие волос и прижимались к нему щекой, чтобы понять, каково это – спать в лесу на подушке из мха. И она, махнув рукой на естествознание, просто наблюдала за ними.

– Пойдем с нами, – говорит она Робби.

Он останавливается и поворачивается к ней, приоткрыв рот:

– Зачем?

Если быть честной, можно было бы сказать ему, что из-за его оружия. Если они наткнутся на его друзей, то винтовка может пригодиться. Но, кроме того, если быть честной, она сказала бы ему, что может спасти его, это точно. Она ощущает этот порыв почти физически. Она представляет себе, как все произойдет: он сдастся полиции, а она будет навещать его в тюрьме и приносить ему пироги, если это разрешено, и будет писать

письма, спрашивая, что он хочет – шоколад или кокос. Она может спасти его, а также их всех. Не удержавшись, она представляет себе заголовки газет, говорящие о том, как она убедила его сложить оружие, как она одна сумела достучаться до него.

Он, глядя на нее, все еще ждет ответа. Ей надо сложить воедино все эти мысли о втором шансе, пирогах и мхе.

– Мы можем рассказать им – полиции, – как ты помог нам, – говорит она. – Мы можем им сказать...

Он улыбается, она видит в полумраке его зубы.

– Все в порядке, миссис Пауэлл, – прерывает он ее.

– Что в порядке?

Он вновь поворачивается, чтобы уйти.

– Не надо ничего им говорить, – произносит он своим обычным громким голосом, и она отчетливо слышит каждое слово.

Ни разу не оглянувшись, он поднимается вверх по холму и пропадает из виду.

19:49

Облака вновь сгущаются, скрывая луну. Перед ними лежит пруд, и Джоан видны украшения, развешанные на заборе и даже плавающие на воде. На середине пруда мигает разноцветное морское чудовище, а на берегу видны другие светящиеся фигуры. Над водой раздается шум, доносящийся от входа в зоопарк.

Повернув голову, она видит идущих рядом учительницу и Робби Монтгомери. Ей никак не устоять на месте. Некогда стоять на месте. Необходимо двигаться. Она должна увести Линкольна от Робби Монтгомери с его винтовкой. К тому же во время ходьбы не приходится много размышлять, и все становится проще, когда она просто идет вперед, напрягая все мышцы.

Ей надо двигаться еще и для того, чтобы не смотреть на нечто, лежащее на бетоне в нескольких ярдах впереди, за рельсами железной дороги.

Все же, несмотря на жгучее желание идти вперед, она в нерешительности останавливается у рельсов. Робби велел им быть на виду. Он угрожал им. Но если она свернет направо, то небольшая роща загородит вид на дорожку к фламинго и морским львам. Тень искушает. Она

размышляет о рискованном побеге, но недолго, потому что ей тяжело идти с Линкольном на руках. К тому же она знает, что сам Робби или его пули мигом настигнут их.

И еще ее тревожит мысль о закованном в броню Дестине – кто бы он ни был, – который бродит здесь и у которого есть свои планы.

– Что она там делает? – шепчет Кайлин, стоящая так близко, что ее волосы касаются плеча Джоан.

Рукой она держится за локоть Джоан.

– Попусту тратит время, – отвечает Джоан, чувствуя укол совести, ведь она рассчитывала, что учительница сумеет подольститься к убийце и заставит его помочь им, но, увидев их рядом, она испытывает отвращение.

Она делает шаг влево, в сторону от воды. Кайлин по-прежнему держится за нее, и, вместо того чтобы освободиться от девушки, она обнимает ее рукой за плечи и подталкивает вперед – отчасти для того, чтобы успокоить, а отчасти для того, чтобы не дать девушке и Линкольну заметить то, что распростерто на земле за рельсами.

Наконец миссис Пауэлл проходит остаток пути вниз по холму. У нее явно что-то не в порядке с ногой – она прихрамывает. Даже звук ее шагов неловкий и нетвердый.

– Он ушел, – подойдя к ним, говорит учительница. – Сказал, чтобы мы спрятались.

Джоан оглядывается:

– Он действительно ушел?

– Не захотел идти с нами, – отвечает учительница.

Джоан предпочитает не высказываться на этот счет. Нельзя позволить себе тратить время и слова на что-то, отвлекающее внимание.

– Вы уверены, что он не спрятался? – спрашивает Джоан. – Вы видели, как он поднимался в горку?

– Видела, – отвечает учительница.

– Тогда пойдем, – говорит Джоан, ставя ногу на рельсы.

Шпалы уложены через равные промежутки друг от друга. Их ритм завораживает. Ничего неожиданного. Она могла бы бесконечно идти по ним.

Миссис Пауэлл опускает руку ей на плечо и на миг сжимает его:

– Он сказал, чтобы мы шли к морским львам. – Учительница слегка тянет Джоан назад.

И Джоан вдруг выплескивает на учительницу все свое отвращение, весь гнев, даже раздражение из-за того, что у женщины больная нога.

– Не собираюсь идти туда, куда он сказал! – резко произносит Джоан,

стараясь приглушить голос. – Не глупите! Мы пойдем в противоположном направлении и постараемся как можно быстрее отдалиться от него и прочих, насколько это возможно.

– Но почему бы не пойти к морским львам? – спрашивает миссис Пауэлл. – Возможно, он что-то знает. Он уже убил бы нас, если такова была его цель. Я знаю этого мальчика. Думаю, он...

– Вы его не знаете, – возражает Джоан.

– Я помню...

– Вы не слышали, как он разговаривал со своим приятелем, – прерывает ее Джоан. – Не слышали, о чем он говорил. Ему *скучно*. Это просто игра. Может, он хотел отпустить нас, а потом снова найти, чтобы было интересней. Уверяю вас, его не беспокоит наша безопасность.

Джоан прижимает к себе Линкольна и вновь сосредоточивается на путях, на гладких металлических рельсах, заставляющих ее подумать о кузницах, инструментах и обо всем крепком и негибком. Под ногами перекатываются серебристые камни – их не назовешь гравием, такие они большие. Они похожи на камешки, которые Гензель разбрасывал в лесу.

Но тут в разговор вступает Кайлин. Другие люди постоянно создают проблемы. Кто-то всегда разговаривает. Кто-то всегда все усложняет. Джоан вновь вынуждена остановиться. Она прошла три шпалы по колее, сделав всего пару шагов.

– Почему бы нам не попытаться найти полицию? – спрашивает Кайлин, продолжая идти за Джоан и держась за ее рубашку.

Звуки стрельбы объясняют, почему они не будут разыскивать полицию, но Джоан тем не менее поворачивается ко входу в зоопарк, хотя и поклялась себе, что не станет смотреть в ту сторону. Она бросает взгляд на пруд, и бегущие огоньки заставляют морское чудовище мерцать в оранжевых и красных волнах.

Глаза Джоан опускает. Это было неизбежно. И она поневоле смотрит на очертания фигур на асфальте. Теперь это не просто очертания, и она не в силах отвести взор. Одной рукой она придерживает голову Линкольна, и он лбом упирается ей в щеку. Нельзя позволить ему это увидеть. Но она видит все: каждый изгиб двух тел, распростертых на земле. В том, чтобы запомнить их, есть нечто важное. Она обязана сделать это ради них, а может быть, во имя Бога.

Ей видны подошвы девчачьих босоножек на высоком каблуке. Девочка лежит на животе, бедра туго обтянуты короткой юбкой, ярко-оранжевой, с черным кружевом. Мальчик, раскинув руки, лежит сверху, закрывая почти все ее тело. Наверняка он думал, что может спасти ее, наверняка это была

его последняя мысль. Джоан не предполагала, что может быть так много крови. Весь асфальт вокруг них забрызган и залит кровью. Джоан знает, что это кровь, потому что у нее темный влажный блеск, как и у воды в пруду.

Однажды брат рассказал ей, что во время обучения на медицинских курсах инструкторы отрезали козам ноги и его задача заключалась в том, чтобы доставить безногую козу с воображаемого поля сражения на воображаемый медицинский пункт, при этом коза не должна была по дороге погибнуть от кровопотери. Его задача заключалась не в том, чтобы спасти коз от смерти – они все равно погибли бы, – а в том, чтобы замедлить кровотечение. Он рассказывал, что, пока работал со жгутами, у ног скапливались лужицы крови.

Рука мальчика лежит на голове девочки, на ее волосах. Рот у него открыт.

Наконец Джоан заставляет себя отвести глаза, хотя никогда уже не сможет забыть их. И это справедливо. Затем она переводит взгляд на лежащий перед ними сверкающий пруд, и на том берегу должно быть длинное, обшитоое деревом здание входа в зоопарк, а рядом с ним – устаревшие билетные стойки, но ничего из этого она не узнает.

Хотя фонари хорошо освещают вход в зоопарк, все кажется размытым не только из-за расстояния, но и из-за дыма. Сквозь дым просвечивают красные и синие мигающие огни, вероятно полицейских машин. Из пелены туманной дымки, как на абстрактной картине, проступают жердочки насестов для попугаев. Все здесь какое-то абстрактное. Около двойных металлических ворот – распахнутых? – она замечает группу темных фигур – наверняка полицейских, потому что их так много. Там, наверное, разные подразделения полиции, которые посылают на происшествия такого рода.

Она замечает какое-то движение вокруг здания, возможно, открывают двери. Полицейские зашевелились и темной массой движутся вперед.

Повсюду дым, шум, размытые силуэты людей. Прислушиваясь к звукам стрельбы, она вновь смотрит на тела.

– Идите куда хотите, – говорит она Кайлин и учительнице.

И Джоан пускается бегом, стараясь наступать на деревянные шпалы. Она привыкла к этому – всегда это делала. Она подсаживает Линкольна выше на бедра, чтобы он крепче обхватил ее ногами. Он тоже к этому привык, потому что без слов подчиняется ее командам. У нее болит плечо. Когда она двигает рукой назад, а не вперед, ее пронизывает острая боль. Но в остальном она держится.

Похоже, она довольно резко оттолкнула от себя Кайлин, но теперь

слышит, как одна из них или обе спешат вслед за ней, слышится хруст гравия. Она удерживает сандалии пальцами ног, чтобы не свалились. Шлепанье подошв кажется ей громче, чем было. Только бы сандалии не развалились!

Вот что она не объяснила попутчицам, потому что не хотела понапрасну тратить время, к тому же ей все равно, что они подумают: рельсы приведут их к внешней стене зоопарка, и, если даже Робби только играет с ними и собирается снова начать охоту, даже если за ними явится одетый в броню Дестин, они, подойдя к внешней ограде, возможно, сумеют перебраться через нее. Может быть, там тоже есть полиция. Полицейские, не участвующие в побоище. Или, на худой конец, там простираются акры леса, и, если она сможет найти в темноте укрытие, они с Линкольном отсидаются в безопасности, пока полиция ловит преступников.

От фонарных столбов, стоящих вдоль рельсов, протянулась цепочка белых огней. Темные участки чередуются с освещенными. Несколько безопасных шагов, а затем яркий свет. Пока света ей не миновать: с правой стороны от колеи тянется берег пруда с грубым забором, а с левой – течет ручей с журчащей водой.

– Мы идем по рельсам, – объявляет Линкольн, перегибаясь через ее руку и пытаясь посмотреть на землю, отчего она теряет равновесие. – На нас наедет поезд.

Звук его голоса заставляет ее напрячься. Еще один источник шума, еще один след, по которому их можно найти, и у нее в голове постоянно звучат два вопроса: *Видят ли они нас? Слышат ли?*

Она никому не позволит снова обнаружить их.

– Обними меня руками за шею, – шепчет она, переводя дыхание после каждой пары слов. – Вечером поезда здесь не ходят.

Он слушается и обнимает ее руками за шею, и его голова слегка ударяется о ее плечо.

Она слышит свои шаги и шаги позади себя и не сразу понимает, что других звуков нет. Пальба прекратилась. Наступила тишина, но эта тишина ее не успокаивает.

* * *

Тишина – это хорошо. Робби ее ждал.

Он представляет себе Дестина, и даже в воображении Дестин

огромный, не уместяющийся в кадр. Руки у него, как у Моряка Попая, совсем без запястий. Он представляет себе Дестина на лошади – его лошади! – и вспоминает тот раз, когда Дестин возил его верхом по холмам, но Робби только притворился, что ему понравилось. Мысль об этом была лучше реальной вещи. И он думает о татуировке монстра Джилы на бицепсе Дестина, такой классной, и как однажды Дестин назвал Робби игроком команды. Дестин никогда никак не называл Марка.

В изгородях стрекочут сверчки или кто-то еще, а когда мимо проходит Робби, они замолкают. Хорошо.

Есть такая игра на телевидении: актер взбирается на гору, как Робби сейчас поднимается на холм, и, если тупой участник шоу не ответит на вопрос, актер падает и исчезает. А участник карабкается все выше и выше, не зная, когда его сшибут.

Слева, слева, слева, справа, слева.

Он слышит, как где-то впереди по тротуару топает Марк, проходя, пожалуй, мимо указателя «АФРИКА». Он почти не сомневается, что это Марк. Полицейские должны появиться со стороны входа в зоопарк. Робби оглядывается, и ему кажется, он видит, как они движутся к озеру через пелену дыма.

Робби снова идет вперед. Он старается идти быстро, но не может, потому что он не Робби, а вымышленный игрок.

А потом перед ним появляется бегущий с раскинутыми руками Марк. У него какой-то нелепый вид. Увидев Робби, он чуть замедляется. Они сталкиваются, и Марк отскакивает от него, как шарик в пинболе.

– Думаю, они убили Дестина, – сообщает Марк, продолжая спускаться с холма. – Я так думаю. Должно быть.

– Угу, – мычит Робби, глядя на удаляющегося Марка.

У его ноги пробегает таракан. Вот он, в отличие от них, очень ловкий.

– Знаешь, они идут сюда, – говорит Марк.

Убедившись, что Робби не следует за ним, Марк останавливается.

– Знаю, что идут, – отвечает Робби, гордясь, что впервые в жизни Марк говорит громче его.

Теперь надо шикать на Марка, а не на него.

– Что ты делаешь? – спрашивает Марк.

Робби не знает. Он вообще ничего не знает, и не такое уж это плохое ощущение. Все кажется более расплывчатым, чем прежде. Его завернули в тонкую оберточную бумагу, как пралине, которые посылала ему мама, когда он один семестр учился в университете. Или он похож на мертвых сквобов, которых Хардинг, перед тем как похоронить, заворачивает в

красновато-коричневый мох. Миссис Пауэлл частично вернула его себе самому, и теперь он застрял где-то посередине. Он увидел ее в той кладовке и сразу узнал, потому что за четырнадцать лет она почти не изменилась, только, может быть, волосы посветлели. Он так удивился, что она не выкрикнула его имя, как делала это, когда он выбегал из очереди в столовую, но потом сообразил, что она не знает, кто он такой, но он все же не сдержался и назвал ее по имени.

– Робби! – вопит Марк. – Пошли!

Через секунду он заставит себя сдвинуться с места. Он знает, что Марк психует. Но сначала ему надо перестать думать о миссис Пауэлл. Пусть она оставит его в покое. Напрасно он надеялся, что она его поймет, что разглядит в нем человека, который задумывается о разных вещах и готов совершить что-то хорошее. Но она не разглядела. А может, разглядела. Может, именно поэтому она просила его остаться с ней. Может, он все же достучался до нее и она потом будет думать о нем. Будет его вспоминать.

Она угощала его апельсином. Тогда. Угощала апельсином.

Неужели тогда это тоже был он?

Долгие годы он даже не вспоминал об этом, но, увидев ее, как будто почувствовал вкус апельсина. Он сидел в классе недалеко от ее стола, и они выполняли какое-то письменное задание, когда он учуял в воздухе запах апельсина. В те годы он всегда был голодным, сколько бы ни кормила его мама, и он встал, пытаясь придумать повод подойти к ее столу. Не успел он еще придумать, о чем ее спросить, как ноги понесли его к столу миссис Пауэлл. Он смотрел, как та разрезает апельсин на дольки, а она, подняв глаза, сказала ему, что не успела утром позавтракать. «Я люблю апельсины, – сказал он. – Мне нравится, как они пахнут».

Она не отослала его на место, а только посмеялась и протянула ему дольку, и он одним махом проглотил ее, отодрав от кожуры. Никто больше не получил апельсиновую дольку, только он.

Он не мог убить ее. Это, может быть, и ничего, но у нее на глазах он не мог убить и других. Даже после этого жуткого трюка с топором, повешенным на стену как будто специально для взламывания двери. Эта сценка была прямо как из кино. Но он не мог убить их, и вот он сошел с рельсов, как всегда с ним случается. Но как он мог быть настолько уверенным в своих желаниях, четко все спланировать, а потом сделать все не так, даже не осознавая этого?

Только не очень-то его это волнует, думает он. Он погружен в свои мысли.

– Я ухожу, – говорит Марк и пускается своей дурацкой трусцой

вперевалку. – Не собираюсь стоять здесь и ждать, когда меня найдут.

– Дестин мертв, – с полувопросительной интонацией произносит Робби.

– Ты ведь знаешь, что это так! – выкрикивает Марк.

Робби заставляет себя тронуться с места. Суть в том, что на самом деле он не хочет оказаться в одиночестве, когда это случится. Не важно, где они будут. Полиция найдет их.

У него такое ощущение, словно он бесконечно бегаёт вверх-вниз по этому холму. Панцирь ещё одного таракана – не такого уж проворного – хрустит у него под ногами.

Дестин, бывало, топтал тараканов босыми ногами.

Дестин говорил, что лучшее средство от ядовитого плюща – срезать бритвой верхний слой кожи и налить на рану отбеливатель. Робби однажды видел, как тот делает это. Наливая отбеливатель, Дестин улыбался.

А вдруг после жизни все-таки что-то есть, потому что невозможно себе представить, что человек вроде Дестина исчезнет в небытии.

Будь у него больше времени в запасе, он узнал бы от Дестина ещё много интересного. Они познакомились с ним около десяти месяцев назад, если знакомство по Интернету считается. Робби спорил с Марком по поводу того, какое оружие больше подходит для джунглей. Он думал, М-14, если есть хорошие снайперы, или, может быть, «Стоунер-63», полу- или полностью автоматический, а Марк считал, это АК-103, и они стали гуглить, чтобы решить этот вопрос. Они кликали по разным форумам и обнаружили, что люди обсуждают все, начиная от изготовления ручных гранат и кончая консервированием оленины. Немного погодя они прочитали сообщение о семье, спасённой помощником шерифа после трёхдневного пребывания в диких местах Вайоминга. Какой-то парень написал в комментариях, что никогда нельзя выезжать на машине без длинной цепи и домкрата, а они ни черта не поняли.

Итак, они спросили того парня, а парень оказался Дестином, и он все им объяснил. Дестин знал все обо всем, например, что бандану можно использовать как фильтр, наручники и жгут, а запасное оружие надо носить за плечами на тот случай, если кто-нибудь заставит вас заложить руки за голову. Всё. Робби всегда восхищался людьми, которые всё знают. Оказалось, Дестин живёт за городом – в тридцати милях или около того. И после обширной электронной переписки они однажды встретились за пивом.

Они говорили о всякой всячине и позже опять встретились за пивом. Они были так счастливы, так счастливы, что такой парень захотел с ними

тусоваться. Однажды Дестин спросил: «Хотите жить вечно?»

Марк ответил: «Угу».

И Дестин сказал: «Я знаю, как мы можем это сделать».

Он рассказал им о том, как случай в школе «Колумбайн» в корне изменил подход полиции к таким вещам. До того как те два парня расстреляли школу, полиция, получив сигнал о появлении вооруженного человека в общественном здании, считала, что это ситуация с заложниками, и дожидалась группы специального назначения для проведения переговоров. Но события в «Колумбайне» изменили правила: копы поняли, что может быть преступник, стреляющий во всех и каждого, быстро убивающий людей. Поэтому копы больше не ждали у входа, у них появились новые методы. Был ли это один полицейский или двадцать, они сразу бросались внутрь здания и охотились за преступником, стремясь как можно скорее убить его. Возможно, вы стали бы восхищаться копами, не подозревая, какие они придурки. Копы много упражнялись в этих новых условиях, потому что после убийств в «Колумбайне» такие вещи происходили вновь и вновь. У экстремистов тоже появился новый шаблон поведения.

Дестину нравилось слово «шаблон».

Он говорил: «Шаблоны опасны. Шаблоны приучают не думать. История не повторяется, Роб. Каждую секунду происходит что-то новое».

Дестин говорил: «Если ты человек, понимающий истину, пытайся учить людей. Покажи людям, насколько они ограничены, тогда они, может быть, постараются преодолеть эти границы».

Робби нравилась эта мысль. Он хотел показать людям, насколько они ограничены.

Они все продумали. Робби с Марком спокойно войдут в зоопарк, спрятав оружие и не привлекая к себе внимания. Дестин войдет отдельно с оружием наперевес, играя роль чокнутого. Он был хорошим актером. Захватив сразу же несколько человек, он устроит спектакль по захвату заложников, которых отведет в один из офисов при входе. Робби с Марком должны находиться вдали от ворот, чтобы их никто не увидел, даже если кто-нибудь догадается, что Дестин не один. Дестин уверит полицию, что они следовали определенному сценарию, но на самом деле сценарий будет совершенно другим.

Робби с Марком отвечали за эту часть. Пока Дестин разыгрывает ситуацию с заложниками, держа полицейских на расстоянии, Робби с Марком начнут охоту. Весь зоопарк будет для них игровой площадкой. Они могут убивать кого угодно и как угодно. Никаких правил. Никаких границ.

А в конце полицейские поймут, как их одурачили. Поймут, что сидели сложа руки, пока шла бойня. Все, кто следил за происходящим по телевизору или Интернету, увидят, что копы – настоящие бараны. Все люди поймут, какие они бараны. Поймут, что прожили свои жизни, как тупые животные, не думая своим умом, и что Дестин, Робби и Марк подарили им путь к спасению. Шанс на просветление. Правильное слово для человека с совершенно новым взглядом на жизнь.

Дестин был прав, говоря, что в каждую секунду происходит что-то новое, потому что Робби сейчас здесь, и он знал, что это случится, но все еще не может в это поверить. Он по-прежнему здесь, а Дестина нет. Таков был их план, но в это мгновение все представляется другим.

Дым стелется по воздуху, как туман. Робби чувствует его запах.

Конечно, бронезилет не смог спасти Дестина. Он лишь позволил всему продлиться. Дестин говорил, что все стоящее требует жертв. Посмотрите на Иисуса. Посмотрите на Галилео и Линкольна. Да, думал Робби. Да. Дальше все было замечательно, и Дестин говорил о видимости и реальности, о единственном входе в зоопарк, о выходе и периметре ограды, но Робби не особенно вникал в детали. Какая честь быть выбранным, и Дестин все знает, а Марк – его лучший друг. Но вот концовка их подвела.

Он покончит с этим, и это будет единственная правильная вещь, которую он совершит. Даже если он не был идеальным, он покончит с этим.

Как это будет, думает он, и каково сейчас Дестину. Он слышал, как люди толкуют об ангелах и золотых улицах, а его мать говорила, ей хочется, чтобы смерть была похожа на сон, когда спишь в теплой постели с родными людьми, – в младенчестве он спал в ее кровати. Интересно, думает ли она о его отце, этом болване, или не хочет пускать его в свой рай. А вот Робби не хочется, чтобы рядом с ним кто-то был, не хочется ощущать тепло или любовь или быть наполненным светом – не нужна ему вся эта чепуха. Он не хочет ничего чувствовать. Пусть это будет как в ванне, когда из воды торчит только нос: ты ничего не слышишь и не видишь, не понимаешь даже, есть ли у тебя тело.

Он надеется, что дальше наступит небытие. Это самая прекрасная вещь.

Есть люди, которые будут по нему скучать. Старик, который всегда называет его по имени, когда подходит к его стойке «Си-Ви-Эс», но Робби больше его не увидит из-за босса-придурка. Робби всегда улыбается кассирша из винного магазина. У его бабушки нет других внуков, так что это кое-что значит. Марк... Но Марк не сможет по нему скучать, потому

что его тоже не будет. Его мать, которая когда-то ходила с ним в субботу утром в магазин покупать донатсы, пока отец спит, а после магазина они шли сюда, в зоопарк. Она всегда хотела посмотреть на птиц, хотя птицы – самое скучное, и она никак не могла запомнить разницу между морскими львами и тюленями.

Тюлени, скажет она.

Морские львы, каждый раз поправляет он.

Лучше о ней не думать.

Марк что-то говорит. Они идут по железнодорожному пути, и Марк уже давно талдычит о том, что им надо пройти вдоль этих дурацких рельсов и выйти к какой-то там улице – Черри? Догвуд?

Все это не имеет значения. Какое облегчение в том, что это не имеет значения. Потому что, вопреки бредовому плану Марка по спасению, прекрасный конец уже близок, и он найдет их – не важно, куда они пойдут. Все, что Робби надо делать, – это держать винтовку в руках. Все, что ему надо делать, – играть свою роль.

19:53

В сандалию Джоан попадает острый камешек, и она на миг сбивается с ритма. Пруд остался у них за спиной, а по берегу узкого ручья, что протекает слева от нее, стоит плотная стена бамбука, так что воду она больше не видит.

Кайлин в нескольких футах позади нее, а миссис Пауэлл в добрых десяти футах за девушкой. Ясно, что учительница выбилась из сил. Она кричит:

– Идите без меня!

Джоан замедляет шаг. С Линкольном на руках она ненамного опережает учительницу.

– У вас хорошо получается, – откликается она.

Она не знает, зачем говорит это: то ли хочет подбодрить учительницу, то ли избежать бесконечных разговоров.

Но учительница идет все медленнее, и Кайлин резко притормаживает. Джоан не остается ничего другого, как тоже остановиться.

– Не могу, – говорит учительница. – Колено не желает слушаться. Найду здесь какой-нибудь укромный уголок и пережду.

Джоан кивает и поворачивается.

– Мы не можем оставить вас просто так. – Кайлин не двигается с места.

В этом вся проблема. У них нет времени на обсуждение и необходимость, у них нет времени на разговоры. Это их всех убьет. Разве они этого не поняли?

Джоан усвоила это, и усвоила хорошо. Она оставит их. Довольно ей взвешивать разные варианты. Она успевает пройти несколько ярдов по рельсам, не оглядываясь назад, чтобы посмотреть, идут ли за ней женщины, когда слышит звук выстрела. После долгих секунд – минут? – тишины она вздрагивает. У нее над головой взрывается один из белых светильников, и ей приходит в голову нелепая мысль, что это лопнула лампочка. Но потом она сопоставляет звук выстрела с разбитым стеклом и с другим звуком расколотого дерева, когда ветка мирта у нее над головой повисает вниз.

Робби Монтгомери всего лишь играет с ними.

Или Дестин, машина для убийств, загоняет их в ловушку.

Детали сейчас не имеют особого значения.

Опять раздается звук расколотой древесины, и на них сыплются листья. Она оглядывается. По крайней мере, слава богу, никто не хочет говорить. Всем им теперь знаком звук свистящих пуль. Они снова бегут, даже миссис Пауэлл, которая прикусила нижнюю губу. Лицо учительницы искажено болью, и ничего с этим не поделаешь. Джоан пытается разглядеть, что находится за спиной Кайлин и учительницы, но колея петляет вправо и влево, и вдали ничего не видно.

Выстрелов больше не слышно. Правда, ей кажется, она слышит шаги.

Через двадцать или тридцать шагов они подходят к игровой площадке, с ее массивными камнями и висячим мостиком. Там есть фигуры лягушки и черепахи, примостившиеся за Медузой. «Я черепаха, я черепаха», – иногда говорит Линкольн, сидя на унитазах и представляя, что стульчак – его панцирь. Или же ерзает под диваном, или кладет себе на спину подушку – «я черепаха».

Джоан бежит быстрее. Она дышит с трудом, легкие вот-вот разорвутся. Учительница едва поспевает за ними. Они миновали игровую площадку и подошли к шутихе с фонтанчиками, бьющими вверх.

Карусель с застывшими зверями.

Сквозь собственные хрипы до Джоан доносятся охи и вздохи учительницы, сопровождающие каждый ее шаг. Джоан оборачивается, однако тех, кто стрелял, не видно. Но все же она различает отдаленный скрип гравия. Она уверена: ей это не померещилось.

– Сойдите с рельсов! – через плечо бросает она учительнице. – Спрячьтесь за каруселью. Нагнитесь.

– Что? – спрашивает учительница.

– Давайте, миссис Пауэлл! – шипит Джоан, не в силах вспомнить имя женщины. – Просто сидите за каруселью, и они не увидят вас.

На объяснения нет времени. Джоан никого не видит, поэтому надеется, что Робби Монтгомери, или его друг, или машина для убийства тоже их не видят. Но она слышит их шаги, и эти люди тоже, вероятно, ориентируются по звуку и пойдут дальше по рельсам. Ведь она чем-то обязана этой учительнице, не так ли? К тому же все упростится: ее будут задерживать не два человека, а один. Миссис Пауэлл, прихрамывая, сошла с рельсов и исчезла за шеренгой деревянных коней, жирафов и антилоп.

Учительница пропала.

Кайлин по-прежнему идет за ней следом. Джоан поворачивает вместе с колеей, и карусель скрывается из виду. Потом рельсы поворачивают вновь, и она попадает в незнакомый мир зоопарка, который можно увидеть только из поезда. Она почти уверена, что не слышит никого за спиной.

«Если побрить тигра, – сказал как-то кондуктор поезда, – вы увидите, что кожа у него тоже полосатая».

Кругом благословенная темнота. Не та крошечная тьма сельской местности, когда в детстве она ходила в походы, а городская темнота. Сейчас здесь почти полная темнота. Они находятся по другую сторону от вольеров. Густые заросли бамбука скрывают зебр и страусов. Вокруг нее настоящий лес, с деревьев там и сям свисают светящиеся праздничные украшения: мерцающее привидение, гирлянда мигающих черных летучих мышей, смеющийся скелет.

Больше нет смысла держаться колеи. Лес пестрит тенями и отблесками лунного света. Они могут укрыться под деревьями.

– Вы думаете, они?.. – слышит она начало фразы Кайлин, остальное теряется в шуме ветра.

Джоан спрыгивает с рельсов, тяжело приземлившись на гравий и едва не подвернув ногу, но удерживает равновесие и устремляется в лес прямо по траве, сосновым шишкам и древесным щепкам. Ее ноги утопают по щиколотку в сухих листьях. Она продвигается почти на ощупь.

Впереди, ближе, чем она ожидала, внешнее ограждение зоопарка, почти невидимое и непрочное на вид. Всего-навсего забор из сетки. В высоту он около шести футов, и она без труда перелезет через него, если снимет обувь. Услышав, как у нее за спиной останавливается Кайлин, Джоан пододвигается к забору и дотрагивается до него пальцем, желая

убедиться, что через него не пропущен ток. Конечно, следовало опустить Линкольна на землю, но нет времени, и она снова слегка касается забора – риск оправдан. Тока нет.

Они смогут это сделать.

Она подсадит Линкольна на забор и поможет ему упереться ногами в сетку и покрепче ухватиться за нее пальцами, а сама будет подниматься за ним. Она может держаться одной рукой, помогая ему забираться выше, возможно, медленно, но они справятся.

Потом она замечает это. Снаружи, у основания забора, прорыта канава глубиной по меньшей мере пять футов. Дна она различить не может. И она никак не сможет преодолеть канаву с Линкольном, пусть даже они успешно перелезут через забор. Перелезть с ним через забор – чистое безумие, даже с помощью Кайлин. Их, беспомощно распростертых на сетке, так легко будет подстрелить.

Развернувшись, она бежит в другом направлении – через рельсы, к вольерам с животными.

Охнув, она перепрыгивает через поваленное дерево. Больше она не станет пытаться этого делать, по крайней мере не с сорока фунтами на бедре. В земле там и сям попадаются ямки, и Линкольн вскрикивает, ударяясь подбородком о ее плечо. Повсюду гниющие поваленные деревья, толстая подстилка из прошлогодних листьев, еще больше свисающих с ветвей светящихся летучих мышей. Слева, за забором высотой не менее восьми футов, видны силуэты жирафов.

Джоан чувствует, что за ее рубашку сзади опять ухватилась Кайлин. Девушка тяжело дышит. Выстрелов больше не слышно, и это хороший знак для миссис Пауэлл. Но появились другие звуки. Утопая в сухих листьях, они с Кайлин ступают с шелестом и хрустом, но Джоан различает и скрип по камням чужой обуви. Если она слышит мужчин, то они, вероятно, слышат ее.

Если она пойдет медленней, ее шаги будут не так слышны. Но тогда ее быстрее догонят.

– Они позади нас, – повернув голову и задыхаясь, говорит она Кайлин.

Девушка отпускает ее рубашку, а затем, не говоря ни слова, устремляется влево, под углом к вольеру с жирафами. Кайлин хорошо придумала, что изменила направление, потому что вместе они более заметная мишень. Чем меньше их, тем безопасней. По сути дела, она ведь хотела избавиться от Кайлин, разве нет? От учительницы и девушки толку мало, одно беспокойство.

Проще, когда они с Линкольном вдвоем. Безопасней.

А потому, когда расстояние между ними увеличивается, Джоан не произносит ни слова. Она все еще видит мечущийся силуэт девушки, и в этот момент зацепляется ногой за что-то. Возможно, наконец порвалась ее сандалия. Джоан споткнулась – и наступает долгое мгновение падения и паники. Она чувствует, как Линкольн выскользывает у нее из рук, и слышит собственный пронзительный вопль. Крепко держа его одной рукой, она пытается повернуться так, чтобы не упасть на него. *Не урони его, не урони его, не урони его...* Каким-то образом ей это удается, и в момент удара о землю Линкольн оказывается наполовину на ее спине, но она сильно ударяется локтем, и от удара ее руки взлетают вверх, и он тоже взлетает вверх, и она смотрит, как он падает, мягко ткнувшись головой в листья.

Она приземлилась всем весом на левое плечо и локоть, а кисть загнула за спину. От боли зубы впиваются в нижнюю губу. Джоан слизывает кровь. Потом пытается дотянуться до сына – рука у нее работает, а кисть – нет.

Он не плачет. Это пугает ее. В темноте она видит лишь очертания его лица. Но вот он задвигался и приподнялся, на миг по-черепаши замерев на спине.

– Линкольн, – шепчет она.

– Мы упали, – говорит он.

– Ты в порядке? – спрашивает она, подползая к нему и обнимая здоровой рукой.

– В порядке, – отвечает он, дотрагиваясь до нее. – У тебя мокрое лицо.

Она вытирает кровоточащие губы и прислушивается.

Голоса.

Не совсем рядом, но достаточно близко.

Правая сандалия исчезла, как исчезла и девушка. Колено у Джоан кровоточит, а рука безжизненно висит, хотя болит не сильно. Неужели она вывихнула запястье?

Она не сможет нести его с такой рукой.

В деревьях у них за спиной она слышит какие-то звуки. Шевелится ветка. Хрустят сосновые иглы или листья. Еле заметные движения, может быть всего лишь ветер, только ветра сейчас нет. Возможно, белка.

Джоан встает на колени, подавляя стон, когда всем весом давит на поврежденное колено, а потом поднимается. Земля холодная и не такая уж твердая. Пошевелив пальцами ног, она собирается скинуть левую сандалию, но на земле много острых предметов – пусть хотя бы одна нога будет защищена. Собравшись с духом, она делает шаг к Линкольну, но колено у нее подгибается, и она едва не падает снова.

Звуки у нее за спиной меняются. Хруста больше нет. Раздаются медленные и осторожные шаги.

Эти люди приближаются, и она понятия не имеет, откуда они придут, а полиции по-прежнему нет. Колено у нее сильно болит, запястье не работает, и она не может быстро идти. В подошву босой ступни впиваются острые камни и ветки.

Они скоро умрут, думает она, ненавидя себя за эту мысль.

Нет. Она не животное. В ней есть нечто большее, чем умение драться или летать. Взяв Линкольна за руку, она шепчет ему, что приближаются люди с оружием, и он бежит вместе с ней, только он, топая по сучьям и листьям, очень шумит, а она идет слишком медленно. Они не смогут этого сделать.

Не смогут убежать от убийц.

Шаги, шаги.

Снова где-то неподалеку слышится журчание ручья по камням. Линкольн оступается, едва не упав, и она поддерживает его одной рукой, подталкивая вперед, и они продолжают идти.

Она поднимает глаза и рассматривает деревья. Они могли бы взобраться на дерево. Раскидистые ветви дубов устремляются прямо в темное небо. Но если она ошибается и их все же выследили, им не спастись. К тому же она сомневается, что сумеет поднять сына, и у нее нет времени подумать о чем-то другом, о том, как спрятать его в какое-то безопасное место.

Нет, не дерево. Она сворачивает чуть в сторону, сохраняя инерцию, но изучая ландшафт – тени, лунный свет и попадающиеся кое-где висячие украшения. Впереди куст с густой листвой, высотой ей по плечо. Она подводит к нему Линкольна и сначала просовывает сквозь ветки руку – нет ли колючек, – а потом приподнимает нижние ветки, освобождая место.

– Останься здесь, – говорит она, чуть подталкивая его рукой в спину. – Ляг на живот и заползи внутрь. Веди себя тихо. Не зови меня. Не говори ни слова, а я скоро вернусь. Но если будешь шуметь, они тебя убьют.

Он хнычет, но все же заползает внутрь. Нельзя дать ему шанс спорить с ней, а себе нельзя дать шанс подумать о том, что она делает.

– Постарайся исчезнуть, – говорит она, уже вставая и успев лишь положить руку ему на голову – драгоценная округлость, – а потом отпускает ветки.

Его не видно, торчат только ступни, и она, просунув руку под ветки, чуть сгибает ему ноги.

Потом, пошатываясь и петляя, она пускается бегом, чувствуя себя

жалкой героиней ужасика. Превозмогая боль и стараясь забыть о своем колене, она выравнивает шаг. С дерева свисает какой-то фантастический паук размером с волейбольный мяч, с лампочкой внутри и болтающимися лапами. Он улыбается, и с клыков капает что-то красное.

Она считает, Линкольн останется там, во-первых, потому, что она велела ему это сделать, и, во-вторых, потому, что повсюду темно и он не понимает, где находится. Он не любит бродить, особенно когда нервничает. Он останется. Но шум – это другое дело. Она сомневается, что он будет сидеть тихо.

И она принимается с силой топтать ногами. Листья разлетаются веером, превращаясь в прах. Схватив поправшую ветку, она ломает ее пополам. Ей кажется, столько шума мог бы наделать слон, а не женщина. Отойдя от Линкольна довольно далеко, она издает отрывистый вопль, который, как ей кажется, разнесется в разные стороны. Потом она протяжно и громко выдыхает. Больную руку она крепко прижимает к животу, продолжая топтать ногами, но двигаясь как можно быстрее. И хотя она хочет привлечь к себе их внимание, умирать она не собирается.

Она слышит, как мужчины неуклонно идут за ней следом, производя много шума. Она чувствует удовлетворение. Ее обуревают жажда крови и страх.

Она проходит мимо вольера слонов, и слева от нее вырастает ничем не примечательное многоэтажное здание с вывеской, написанной крупными буквами: «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ». В лунном свете сияют серебристые водосточные желоба и железная крыша. Джоан продолжает решительно продвигаться вперед, натываясь на листья и ветки. Проходит мимо низко висящей гирлянды фонарей в виде тыков. Колено у нее пульсирует, и она думает об учительнице, ее скованных движениях, представляя себе, что женщина спряталась за каруселью. Она вспоминает, как ее теребила Кайлин. Ей не хватает тепла девушки, и ее даже не раздражала бы глупая болтовня. А какие у девушки чудесные волосы, как рыжие развевающиеся ленточки.

Если Линкольн заметит светящийся огонек – а он такой любопытный, – пошевелится ли он? А если к нему подползет какой-то жук и он отпрянет? Или он вообразит, что услышал ее голос? Она слабеет, ее одолевает страх, и она ускоряет шаг. Она вспоминает о мусорном баке, прочном и надежном. Вспоминает, каким удобным ребенком был ее сын: хорошо ел, быстро засыпал. Однако время от времени он начинал без умолку плакать, и она не могла успокоить его. Она вспоминает, как на нее накатывало дикое раздражение и она на миг воображала: что, если я закрою

его в кладовке и оставлю там? Что, если мать того младенца испытывала это в тысячу раз острее – ужас, изнеможение и злость – и в минуту слабости оставила ребенка и убежала? Разве Джоан не в состоянии это понять?

Нет. Не в состоянии.

Но что, если тогда бандиты подошли к ней близко, как и сейчас? Что, если та, другая мать спрятала ребенка и попыталась увести убийцу от него? Что, если так? Джоан представляет себе бегущую женщину с пустыми руками и развевающимися волосами.

Она была несправедлива к той женщине.

Под ногами на земле что-то мягкое. Листья, труха и сосновые иглы, но потом она наступает ногой в сандалии на что-то другое, что-то такое, от чего у нее перехватывает дыхание. Что-то мягкое и материальное – безошибочное ощущение плоти и мышц. Она отскакивает назад, но потом догадывается: что бы это ни было, оно слишком мало для человека. Вглядываясь в землю, она видит в полумраке треугольник крыла и круглую головку.

Птица. Мертвая птица.

Как-то они взяли в библиотеке книгу о древних греках и их спорте. Линкольн рассказал ей, что в те времена в хоккее играли мертвой птицей, и, когда команда забивала гол, птица оживала и улетала.

Линкольн. Она заставляет себя двигаться дальше.

Она слышит китайские колокольчики.

Однажды, когда дядя вез ее на машине за город, она обнаружила, что поворотник выпевает мелодию, в точности подходящую к скороговорке, которую она только что выучила, – *ехал Грека через реку, ехал Грека через реку*, и было настолько ясно, что поворотник выпевает именно эти слова. И вот теперь китайские колокольчики вызывают имя Линкольна, как и шуршащие у нее под ногами листья, – *Лин-кольн, Лин-кольн, Лин-кольн*.

У нее получилось. Теперь бандиты далеко от Линкольна. Однако она не подумала вот о чем: как она сможет избавиться от них? Нельзя приводить их обратно к Линкольну. И она даже не уверена, что они по-прежнему преследуют ее. По сути дела, она их больше не слышит, возможно, из-за шума собственных шагов и тяжелого дыхания. Она останавливается.

Ничего. Ничего, кроме шелеста листьев и звона китайских колокольчиков.

Она останавливается ненадолго. Возможно, мужчины отстали, а возможно, по-прежнему выслеживают ее. Как бы то ни было, она уже

слишком долго вдали от сына. Ей надо пробираться к нему. Если она заметит следы их присутствия, то может изменить маршрут.

Трудно строить планы, пробираясь между деревьями и сквозь заросли ежевики. Трудно ориентироваться. Какую тропинку выбрать? Все деревья одинаковые. Но вот, касаясь плечом чешуйчатой коры огромной сосны, она слышит журчание ручья. Она заблудилась и не знает, какая тропа ведет к внешнему забору, а какая назад, к Линкольну, но уверена, что ручей направит ее в нужную сторону. Шум воды поможет замаскировать ее шаги, а увидев того висящего паука, она поймет, что сын где-то рядом.

В этой части леса темнота более полная. Джоан больше не различает землю и замедляет шаг, потому что боится подвернуть ногу.

До нее доходит, что она не чувствует руку от плеча до кисти. Может быть, это должно ее беспокоить, но в данный момент это настоящее благословение. Она все так же следует за шумом воды, и в темноте едва не попадает ногой в ручей. Скользя по листьям, она скашивает глаза на воду – углубление в лесной почве. Будь у нее обе ноги в порядке, она легко могла бы перепрыгнуть через этот ручей.

Хотя ручей узкий, у него крутой берег в несколько футов высотой. К тому же она не знает, какая у него глубина. Это мерцающая чернота. Ей показалось, она видит маленький мостик чуть дальше ниже или выше по течению. Она не представляет, кому мог бы здесь понадобиться мостик, но это путь к Линкольну. И опять же, надо ли ей перебираться через ручей? Линкольн на этом берегу ручья или на противоположном? Злясь на себя, она трет лоб, ведь ей нужно сосредоточиться, проявить смекалку...

Она вновь слышит в лесу шаги, хотя была уверена, что они потеряли ее след. Она слышит, как они подходят, и вновь вспоминает отца, вспоминает, как он огромными ручищами откручивал голубям головы.

Линкольн, Линкольн, Линкольн. Их ноги, шурша листьями, тоже выпевают его имя.

И тогда она видит две шагающие тени. Они ближе, чем она предполагала. Ей некогда высматривать Робби Монтгомери. И она припадает к земле.

Скоро их сапоги раздавят ее, как ту птичку. Положив ладони плашмя на землю, она отталкивается от земли и катится по берегу ручья, стараясь, чтобы сначала в воду вошли ноги.

Потом без звука уходит под воду.

От холода у нее перехватывает дыхание, и она зажмуривает глаза, чтобы не потерять контактные линзы, а иначе она ничего не увидит. Потом проводит рукой по глазам, моргает и открывает их. Упираясь ногами в дно,

она наконец может сориентироваться. Если бы она стояла в полный рост, вода доходила бы ей до колен, но она распростерта почти горизонтально, почти полностью погрузилась в воду. Ей не видно того, что находится за откосом берега ручья. Ее скрывают темные тени. Она погружает руки в воду и, касаясь мягкого дна ручья, начинает перебирать руками, как тюлень, двигаясь вперед.

Она думает: если бы ее заметили, то уже были бы выстрелы.

Холодная вода обострила все ее ощущения. Она чувствует каждый отпечаток, который оставляет на дне ручья, каждый камешек, придавленный коленом, каждый фонтанчик воды на щеке, чувствует, что с каждым движением приближается к мосту. И еще она думает: если не умрет, то будет считать себя очень умной. Она сможет вот так добраться до Линкольна – вплавь, не издавая ни звука. Надо лишь, чтобы бандиты прошли мимо, и тогда она сможет пойти вниз по течению на поиски Линкольна.

Она добирается до моста за несколько секунд, затем переворачивается на спину и забивается в нишу под мостом. Головой она касается деревянных досок. Ей все так же холодно, и она обнимает руками колени. Руку ее задевают мягкие плети – речные водоросли? Ей не нравится, что она не видит того, что под водой, но это означает, что те люди тоже ничего не видят.

Кроме журчания воды, других звуков не слышно. Она пригибается ниже. В воде теплее, чем на воздухе. Мостик имеет арочный свод, и она выглядывает в полукруглый зазор между деревянным настилом и водой.

Вот они идут. На берегу ручья показались две пары ног. Выше их коленей она не видит ничего, все заслоняет мостик. Одна пара ног перепрыгивает через ручей – длинный, легкий прыжок, сначала приземляется одна нога, потом другая. Она рада, что человек либо не заметил мост, либо решил, что ему мост ни к чему. Она ждет, когда прыгнет вторая пара ног, но эти ноги не двигаются.

Давай, думает она. Давай.

Но второй человек не пересекает ручей. А первый делает обратный прыжок через воду – его позвали? – и встает рядом со вторым мужчиной. Наверное, хотят переговорить.

Вряд ли они стояли бы здесь, если бы заметили ее. Если только это опять не игра. Пытаются выманить ее из укрытия. Она соскальзывает ниже, повернув голову и опустив щеку в воду, отчего мужчины становятся видны ей целиком. Они стоят к ней спиной, у одного плотная комплекция и мешковатая куртка. Робби Монтгомери. Вторым меньше ростом, с узкими

плечами. Вероятно, друг Робби.

Значит, вот они. Их двое.

А где-то там учительница, и девушка, и Линкольн, и безликий монстр в броне, и, как она надеется, полиция. Где-то там кричащий младенец в мусорном баке и пропавшая мать. Джоан размышляет о своем сыне и его многочисленных пластмассовых человечках и о том, что эти человечки иногда оказываются не там, где ожидаешь. Иногда Тор заваливается за диванную подушку, и звездой шоу становится Железный Человек. Иногда у Джокера отваливается рука, поэтому злодеем становится Ядовитый Плющ. Ты меняешь актерский состав. Придумываешь новые эпизоды.

Эти люди сейчас, наверное, футах в двадцати от нее. Ей приходит в голову, что она где-то оставила свою сумку. И Джоан начинает волноваться из-за переохлаждения. Она вспоминает рассказ дяди о том, как они с лучшим другом Ларри, будучи подростками, ехали в машине по мосту через реку Теннесси и какая-то женщина, едущая навстречу, выехала на их сторону дороги. Их машина пробила ограждение моста, и обоих парней выбросило в реку через лобовое стекло. «Было больно, когда ты пробил стекло? – спрашивала она. – А больно было, когда ты упал в воду? Ты достал до дна?» Дядя не сумел ответить на все ее вопросы. Он ничего не помнил с того момента, когда после первого удара по тормозам стукнулся головой о приборную доску, до момента, когда выходил без ботинок на берег реки. «Ты скинул ботинки, пока плыл? Или они свалились с тебя, пока ты летел по воздуху?» Она была поражена тем, что он ей рассказал: как он ощущал тину между пальцами ног, что у той женщины за рулем были седые волосы, но Джоан грезилась совсем о других вещах. Она воображала себя там и придумала все то, о чем он не помнил.

«Ты спас Ларри? – спрашивала она. – Звал на помощь?»

«Я лежал там, – отвечал он. – Просто лежал в грязи и смотрел».

Ее мысли вновь куда-то уплывают. Разум цепенеет. Ноги тоже цепенеют – довольно сильно, и она боится, что не сможет встать, а тем более идти. Если она не сможет идти, то не доберется до Линкольна.

Парни по-прежнему стоят на том же месте.

Нет. Задвигались, разошлись. Худой собрался отойти от воды, а Робби хватает его за руку. Но худой вырывается, и происходит еще какое-то движение, неразличимое в темноте, а потом мелкий парень исчезает.

Робби на миг замирает, и она готова воспользоваться случаем и поплыть вниз по течению, но потом видит, как приближается кто-то еще. Осторожно переступающие ноги, и, даже не успев увидеть густую копну волос, Джоан узнает эти худые ноги в узких джинсах.

Она ловит тот момент, когда Кайлин замечает перед собой Робби и замирает на месте. В следующий момент Кайлин замечает и другого преступника и разворачивается. Она что-то держит в руках.

Джоан не слышит их разговора. Если она залезет дальше под мост, то совсем ничего не увидит.

Может быть, так даже лучше.

Она погружается глубже в воду.

* * *

Кайлин едва не вскрикивает, когда на дорожку перед ней, разворошив сосновые иглы, выскакивает какой-то зверек, но вот он замер, подняв передние лапки, и она узнает его. Лесной сурок. Она не думала, что здесь водятся такие звери, как дикий лесной сурок. Но тут в детском зоопарке живет целая семья сурков, и она догадывается, что бандиты разгромили то здание, как и остальные, так что, возможно, здесь повсюду бегают овцы, козы и шетландские пони. Вот сурок подкрадывается к ней, и она замирает на месте, позволяя ему ткнуться в ее ногу. Она видела, как в детском зоопарке эти зверьки жались к задней стенке своих клеток, потому что все животные в детском зоопарке терпеть не могут детей.

Может быть, этот зверек ранен. Может быть, его нужно пожалеть.

Очень медленно она протягивает к нему руку. Считается, что надо протянуть руку к собаке и дать ей подойти к тебе. Она думает, иногда маленькие дети ведут себя так же, и этот сурок такой же. Она осторожно берет его на руки, и ему это нравится. Пока она пробирается среди деревьев, он прижимается, и его коготки цепляются за концы ее волос. Ее маленькая сестра делает то же самое: когда она напугана, то прижимается к ней. Кайлин делает несколько шагов вперед. Какое-то время она не бежала. В этом нет смысла. Она не знает, где находится, и не знает, куда ей идти.

Это не так. Ей следует искать Линкольна и его мать. Надо было остановиться пять минут назад, когда она увидела, как они упали, но она не сумела заставить ноги идти медленней, а когда наконец совладала с собой, оказалась в одиночестве. Вероятно, они уже мертвы. А у этого Линкольна были такие хорошенькие кудряшки, и он улыбался ей. Может быть, не приведи она их в кладовку, они были бы живы. Но она подумала, что поступила правильно. Она сказала себе, что сделала это, желая помочь людям, но, может быть, это неправда. Может быть, она лишь не хотела

остаться одна. Ее маленькая сестра упрашивала Кайлин не уходить в свою комнату, потому что иногда пугается посреди ночи и ей нравится прижаться к Кайлин, как сурку, но Кайлин не уверена, что осталась из-за этой просьбы. Откуда ей знать: сделала она это ради себя или ради сестры? Потому что в одном случае она добрая, а в другом – эгоистка. И если она эгоистка, то, возможно, погубила того мальчика и его мать.

Кайлин гладит сурка по голове.

Она видит впереди свет и поначалу думает, что, похоже, отыскала обратную дорогу в центральную часть зоопарка, но потом догадывается, что свет исходит от большого предмета неясных очертаний, находящегося в лесу. Замедлив шаги, она подходит к армейской палатке человек на десять. Рядом с палаткой разбитый джип. Палатка освещается изнутри, и Кайлин видит силуэты сидящих кружком троих мужчин. На миг она приходит в ужас, но потом понимает, что это манекены. Очередное шоу на Хеллоуин.

Она отступает назад и, немного изменив направление, отходит от света.

Жаль, у нее нет больше крекеров. Во рту ужасный вкус. Отец посмеялся бы над тем, что она думает о печенье, наверняка посмеялся бы. Кайлин вспоминает один случай: они с сестрой были дома одни, и она наливала в чашку чай, когда они услышали в гостиной громкий шум и потом жуткий смех. Они с сестрой побежали в ванную, но, едва они заперлись внутри, как Кайлин сообразила, что забыла телефон, по которому можно было бы вызвать полицию, поэтому она чуть-чуть приоткрыла дверь ванной. Прямо перед ней стоял мужчина, и она завизжала, но в следующий момент узнала отца, а он смеялся и смеялся.

Ему нравится разыгрывать их. Она думает, это напоминает ему о детстве, когда он не носил еще костюмов, не сидел на учительских конференциях и не убирал за кошкой. Он был сыном проповедника и дважды разбивал машину, хотя ему не исполнилось и шестнадцати. Он нарочно бросал в окна бейсбольные мячи. Однажды он поймал двадцать три кошки и подвесил их за хвосты под крышей.

Сорванец. Этим словом он называет себя прежнего. Другие дети очень боялись его. Взрослые боялись его.

Люди говорят, она хорошая девочка. Получает в основном пятерки и четверки. Тройки очень редко. Она хранит деньги в банке. Но сейчас ей хотелось бы быть девчонкой, которая все поджигает, а не пай-девочкой, тщательно выполняющей школьные задания. Жаль, она не умеет пугать людей. Жаль, она работала не вчера, а сегодня, и жаль, что не взяла с собой баллончик с перцем, как советовала мама. Жаль, у нее нет с собой

шоколадки с миндалем. Хотелось бы ей сейчас быть дома в кровати со взбитыми подушками. Хотелось бы схватить этого мальчугана Линкольна, убежать с ним и спасти его. Хотелось бы ей быть той женщиной из видеоигры с пистолетами на бедре и глубоким декольте. Жаль, отец не может взять ее на руки, как прежде, и понести, ведь она слишком тяжелая.

Сурок дрожит у нее на руках, и каждый донесшийся до нее звук кажется ей шагами. Она останавливается и прислушивается. Это всего лишь шорох листьев.

Ее отец был таким мальчишкой, из каких вырастают психопаты. Так говорят люди. Значит, если ты мучаешь животных, то превратишься в серийного убийцу? Но вместо этого он стал ее отцом, и в нем нет ничего дурного. Она видела, как он плачет над рекламными роликами.

Она слышит впереди шум воды, и ей снова кажется, что слышны шаги. Она крадется вперед, стараясь разглядеть, нет ли движения среди деревьев.

Она видит ручей и, кажется, слышит голос. Она останавливается и прислушивается, но ничего не улавливает. Встав за дерево, она ждет и наблюдает. Она стоит так довольно долго, поглаживая сурка, потом осторожно подходит к кромке воды, раздумывая, надо ли ей перейти ручей, а потом – учителя говорили ей, что у нее проблема с концентрацией внимания, что иногда она отвлекается, – а потом она поднимает глаза и видит прямо перед собой Робби.

– Привет, – говорит она, словно он подошел к ней в школе, когда засовывает книги в шкафчик, а не стоит здесь с винтовкой и обоямой, перекинутой через плечо. Ей неловко оттого, что она сказала «привет», и смущаться тоже как-то глупо, но слова назад не вернешь.

Она чувствует кого-то у себя за спиной и, обернувшись, видит другого парня.

Он меньше Робби, и если это тот же, что вошел в ресторан, то он тогда показался ей крупнее. Глядя на него, она думает, что на вид он не сильнее ее и она могла бы победить такого парня в армрестлинге, но в каждой руке у него пушка – большая и маленькая. Он дружески усмехается ей, отчего у нее еще больше пересыхает во рту.

– Вы подружились? – спрашивает он, явно обращаясь к Робби.

Робби не отвечает. Он не произносит ни слова.

Кайлин поворачивается так, чтобы видеть обоих. Потом отступает на два шага назад, но так, чтобы не упасть в ручей. Она держит сурка слишком крепко, и он крутится у нее в руках. Она надеется, они не обидят сурка. Она делает третий и четвертый шаг, у нее под ногой трещит сучок, и она вздрагивает.

Они просто наблюдают за ней. Густые тени от деревьев перемещаются по их лицам, и она никак не может разглядеть выражение этих лиц.

– Одного чела на дорожку? – говорит незнакомый ей парень.

Поначалу она испытывает облегчение, потому что он бросает обе свои пушки на землю. Потом подходит к ней так стремительно, что она не успевает даже поднять руки вверх, а он поворачивает ее кругом, прижимая ее спину к своей груди, твердой, как металл.

– А как же ваш грандиозный побег? – спрашивает Робби.

Она смотрит прямо на него. Она не ответит взгляд. Ей это кажется важным, почему – она не знает.

– У нее волосы, как перья у дьявола! – говорит парень, который держит ее. – Ты не задумывался, что можно руками сломать человеку шею? Мой кузен говорил, что это только в фильмах, поскольку у человека в шее много мышц. Однако я думаю, у нее мышц немного.

Кайлин не видит говорящего, потому что он держит ее спиной к себе. Он запускает руки ей в волосы, хватая за пряди и с силой тянет голову назад. Она чувствует, как натягивается кожа на голове, и ей больно. Он тянет до тех пор, пока ее лицо не запрокидывается, а шея не выгибается назад. Но она с трудом продолжает смотреть на Робби.

Ей хочется произнести какие-нибудь храбрые слова. Хочется плюнуть в этого человека, или укусить его, или сказать ему, что у него не хватит сил сделать с ней что-нибудь этими тощими руками, но говорить она не может, потому что он уже надавливает пальцами ей на горло, и она боится, что останутся синяки.

Она смотрит на Робби. У него по-прежнему винтовка в руке. По его лицу ничего понять невозможно.

– Помоги, – силится она сказать.

– Я же говорил, чтобы вы шли к морским львам, – отвечает Робби, или ей это только померещилось.

Кайлин лягается, думая, что попала парню по голени, но, похоже, это не имеет значения.

Над деревьями скользят облака. Она впиалась ногтями в запястья парня. Сурка она выпустила еще раньше.

Она думает об отце. Думает о том, как он забрасывал кошек на крышу. Он говорил, что метал каждую, как диск, испытывая удовлетворение в тот момент, когда отпускал ее и она летела по воздуху.

Под ногтями у нее кусочки кожи. На пальцах кровь. Парень рычит ей в ухо, и все, что она чувствует, – это как он обвивается вокруг нее. Сейчас он обеими руками поворачивает ее голову, и его палец надавливает на мочку

ее уха. Она задыхается. Ей больно.

Робби что-то говорит.

– Почти готово, – выдыхает голос у ее уха.

Кто-то кричит. Она плохо слышит и вообще не уверена, что голос реальный, но хватка вокруг ее горла ослабевает. Она падает вперед на руки. К окровавленным пальцам прилипают листья.

Кайлин переводит дыхание с каким-то нечеловеческим стоном.

Потом в листьях высматривает сурка, но не видит его. Поднимает глаза на Робби, который стоит на том же месте. Она злится на него больше, чем на парня, который пытался оторвать ей голову.

Робби смотрит мимо нее. Кайлин поворачивается, все еще дыша с ужасным присвистом, и видит женщину, напоминающую болотное чудище. Женщина переходит ручей вброд.

– Робби Монтгомери! – пронзительно выкрикивает женщина один раз, но, может, она кричала это много раз, а Кайлин услышала только сейчас.

Это мать Линкольна, и она насквозь промокла. С ней нет Линкольна, и Кайлин паникует.

У ее ног сидит сурок. Она берет теплого зверька на руки. Все двигаются, только не она.

Мать Линкольна выбирается из воды.

Человек, душивший Кайлин, бросается к тому месту, где оставил оружие.

Робби направляет свою винтовку на женщину.

– Миссис Пауэлл просила передать тебе... – начинает мать Линкольна, стоящая так близко, что Кайлин слышит, как на листья капает вода.

Душителю схватился за пистолет, но не с того конца, и вертит его в руках, стараясь повернуться к женщине. Робби поднял винтовку дулом в небо, но не ослабил хватку. Кайлин кажется, у нее в глотке что-то повреждено.

– Миссис Пауэлл сказала, что хочет поговорить с тобой. Миссис Пауэлл хочет еще раз поговорить с тобой.

До Кайлин доходит, что мать Линкольна пытается встать перед ней. Женщина медленно подбирается ближе. Теперь вода с ее волос капает на туфли и бедра Кайлин.

Робби Монтгомери наблюдает за ними обеими.

– Это ничего не значит, – отвечает он, направляя на них винтовку, а Кайлин думает: нет, кое-что значит – около трех секунд. Но вот душителю поднимает пистолет, а она вспоминает об отце и его кошках.

И она швыряет сурка.

Она прицелилась неудачно – не попала в душителя или Робби. Но сурок пролетает вблизи от лица душителя, и тот, отскочив назад, теряет равновесие и падает в траву. Робби Монтгомери смотрит на друга, а потом Кайлин уже ничего не видно, потому что ее придавливает тяжелая и мокрая мать Линкольна. Она сильнее, чем кажется. Она поднимает Кайлин и тащит ее, крича что-то ей в ухо, потом сталкивает с берега ручья в воду.

Кайлин падает лицом вниз, наглотавшись воды, и уже слышны выстрелы.

20:05

Джоан слышит свист пуль, но не чувствует их. Выстрелы раздаются с интервалами, и она низко опускает голову, касаясь подбородком воды, а ее руки и ноги утопают в иле и водорослях. Она думает о том, видны ли отчетливо они с Кайлин Робби и его приятелю. Она с трудом различает свои руки, разрезающие воду, так что наверняка бандиты видят не лучше ее, и это объясняет, почему она пока жива.

Она чувствует, как ударяется бедром о камень, ее пронизывает боль. Кайлин захлебывается, ее, видимо, тошнит, но с помощью Джоан она продвигается к мосту.

И вот они под мостом. Не безопасно, но безопасней по меньшей мере на несколько секунд. Свиста пуль пока не слышно.

– Плыви дальше, – шепчет она Кайлин.

К мосту подходят две пары ног, потому что где, кроме моста, могли спрятаться они с Кайлин?

Джоан подталкивает девушку назад, и они быстро прячутся под мост. На миг деревянный настил полностью скрывает мужчин из виду. Потом она начинает различать смутные очертания их голов. Парни не двигаются. Между ними происходит нечто вроде противоборства: один как будто пытается тянуть другого в обратном направлении. Если это спор, то он длится недолго, потому что вскоре оба они перепрыгивают через ручей, направляясь в лес на той стороне.

Она ловит себя на мысли, что, возможно, Робби Монтгомери ни разу не выстрелил из своей винтовки. Он не убил ее, когда она, беспомощная, выходила из воды, но времени на размышления у нее нет.

– Все нормально, – говорит она Кайлин, которая, оступившись, ушла под воду и, вынырнув, отплевывается.

Придерживая девушку за спину, Джоан приподнимает Кайлин и смахивает с ее лица воду. Намокшие волосы Кайлин придавливают ей руку, а ее шея такая хрупкая, но им нельзя медлить, и она подталкивает девушку вперед.

Они продолжают двигаться, и Джоан смотрит, как Робби с другом удаляются от ручья вглубь леса. Правда, доверять этому нельзя, поскольку доверять нельзя ничему.

Нога у нее пульсирует от боли, и она начинает думать, что ударилась не о камень, а обо что-то другое. Она концентрируется на холодной воде, на иле и на том, как однажды во время первой прогулки по озеру Линкольн с подозрением уставился на воду и спросил ее: «У нас в Америке есть гиппопотамы?» Как ей хочется ощутить на руках тяжесть его тела!

Они с Кайлин уже довольно далеко от моста, плывут на спине в черной воде. Джоан заставляет руки и ноги двигаться быстрее. Она едва различает парней: они превратились в тени. Но вот один из них поднимает руку в сторону ручья, а потом вдруг кто-то бросает в воду камень.

Джоан сразу же понимает, что здесь что-то не так, но звук именно такой – от брошенного в воду камня. Через секунду после всплесков она слышит четыре хлопка, один вслед за другим. Потом один из парней с громким стоном падает на колени.

Тогда она понимает.

Пули бьют не только по воде, но и по земле, взметая вверх листья, – не град пуль, как это бывает в кино, а серия прицельных выстрелов. Больше похоже на то, как это было при охоте на голубей: выстрел, потом отец перезаряжает ружье, затем другой выстрел.

Она смотрит в сторону парней и теперь понимает, что на колени упал Робби Монтгомери. Она различает широкую линию его плеч и развевающуюся куртку. Другой парень бежит.

Кто-то стреляет по бандитам.

Показались светлячки, вероятно вспугнутые стрельбой. Они порхают среди деревьев. Робби Монтгомери падает на локти и вскоре перестает двигаться. Она больше не узнает в нем человека. Он просто темная глыба на земле. Куча листьев. Бревно.

Другой продолжает бежать.

Джоан поворачивает голову к другому берегу ручья и наконец замечает прибывающих полицейских. Они идут двумя группами, образуя треугольник: один человек впереди и по одному за ним с каждой стороны. Это построение напоминает ей гусей, только есть еще один в конце.

Сквозь деревья пробирается третья группа. Спасители идут отовсюду,

только эти идут без строя, сбившись в кучу. Они как скопление поднятых рук и оружия, ошестинившегося в разные стороны, и они не издают ни звука. Пули продолжают летать. Джоан кажется, она слышит их, этот свистящий звук в воздухе не такой, как хлопки выстрелов. И этот звук становится все громче. Больше винтовок. Больше пуль пролетает над ней, бьющих всего в нескольких футах от нее. С момента первого залпа ни одна пуля не попала в воду, но все же они слишком близко.

Она погружается в воду как можно глубже.

Бегущий человек кричит, но слов не разобрать.

Ритмично вспыхивают светлячки.

Ей удастся скоординировать движения рук и ног и подтолкнуть себя дальше, но больная рука отказывается работать, и Джоан уходит под воду. Теперь уже Кайлин помогает ей вынырнуть. Водоросли опутали ее руку. Нет, это Кайлин держат ее за кисть как раз на месте повязки. Джоан отфыркивается, из носа у нее льется вода.

Давай, давай, приказывает она себе.

Ей не говорили, что так бывает.

Не говорили, что нельзя будет отличить хороших парней от плохих, что этот жуткий шум будет не только оглушать, но и ослеплять, и поневоле придется закрыть глаза, и что шум и мелькание будут возникать повсюду, поэтому непонятно будет, куда идти.

Она не понимает, откуда так много дыма.

Один из людей – хороший парень? – сейчас совсем рядом с ручьем, всего в нескольких шагах. Он кажется очень высоким. Он находится в вершине треугольника – не бежит и не идет шагом, а плавно делает нечто среднее. Он подходит довольно близко, и она различает у него на голове наушники от шума, но не может разглядеть лицо, а ей хотелось бы увидеть его. Она не собирается вскакивать и пугать парня, потому что для него она всего лишь еще один силуэт в темноте. И кто знает, что он сделает от неожиданности?

Его винтовка поднята, и, когда он нажимает на курок, она фактически видит вспышку. Она не знала, что можно увидеть, как пуля вылетает из винтовки.

Она замечает, что светлячков больше нет.

Она видит, как падает на землю тот, другой парень, не Робби, но продолжает стрелять. Он заползает за сосну и с ее точки обзора почти не виден.

Шевелись, напоминает она себе.

Перед ней в воздухе что-то быстро проносится. На этот раз она

чувствует волну тепла, обдающую ей щеку.

Линкольн, может быть, сейчас бродит по лесу, думает она. А что, если он выйдет прямо на одну из этих групп? Одному Богу известно, сколько сейчас здесь полицейских, и, вероятно, решив наконец спасти положение, они не мешкают, а Линкольн не имеет понятия, что может означать свист пуль. Он ничего не поймет, и они в два счета убьют его. Он такой маленький, его так трудно разглядеть в этой сумятице дыма и тел.

В воде вблизи от ее ноги слышен очередной всплеск. Теперь она опирается на руки и колени, по-прежнему пригнувшись, но двигаясь все быстрее, и рядом с ней Кайлин. Джоан решает, что, если стрельба прекратится, она позовет на помощь в надежде, что полицейские распознают женский голос и не застрелят ее. Но стрельба не прекращается. Они с Кайлин освоили гребки руками и коленями, двигаясь наподобие весел каноэ. Она не обращает внимания на холод, на окоченевшие ноги и свое ослабевшее тело. Оглянувшись через плечо, она не замечает больше очертаний человеческих фигур. Возможно, полицейские углубились в лес в погоне за преступником. Остались только деревья и затихающий вдали свист пуль.

Некоторое время они еще остаются в воде. Кажется, они преодолели несколько миль, но на самом деле не более сотни ярдов.

– Давай здесь выйдем, – шепчет она Кайлин, впервые понимая, что девушка не сказала ни слова. – Ты в порядке?

– Где Линкольн? – спрашивает Кайлин, пока они переваливаются через топкий берег.

Покачнувшись, Джоан чуть не падает, но удерживается на месте.

– Я спрятала его под кустом. Надо пойти за ним. Пули, – задыхаясь, произносит она.

Джоан встает на ноги. Юбка прилипает к телу и даже еще не разорвалась. Кайлин тоже встает. Джоан одной рукой помогает девушке подняться, думая о том, как она не похожа на Линкольна, такого плотного и тяжелого. Косточки девушки словно сделаны из фарфора или дутого стекла, как ручки чайных чашек.

Девушка эта – настоящее сокровище. Джоан не понимает, почему так поздно это разглядела. Наверняка она ничего не смыслит в людях, раз не смогла разглядеть эту девушку с красными ленточками в волосах и ногами, напоминающими фигурки оригами, – девушку, которая умеет жарить курицу и чей отец готов пролить за нее кровь.

– Вы его спрятали? – переспрашивает Кайлин.

– Потому что они подходили, – отвечает Джоан, все расплывается у

нее перед глазами.

Она старается успокоиться. Выжимает воду из юбки и поднимает ее выше колен. Под ногами у нее сосновые иглы, но она не чувствует разницы в ощущениях ноги в сандалии и ноги без нее. Это хорошо. Пониженная чувствительность ей на руку. Она пускается бегом, и ей становится хорошо, как после девяти или десяти миль бега, когда она перестает ощущать свое тело и сознание отключается. Правда, она продолжает спотыкаться, хватаясь за деревья. Должно быть, она все еще привязана к телу, потому что оно неисправно.

– Мы его найдем, – говорит она.

– Мы его найдем, – откликается Кайлин.

От бега волосы девушки развеваются. Джоан размышляет о том, как ей могла прийти в голову эта ужасная мысль – выбежать к бандитам, произнося имя миссис Пауэлл, словно это какое-то заклинание, какой-то волшебный меч, способный победить Робби Монтгомери. Ей повезло, что они с Кайлин не погибли, но ведь не погибли же, так что, быть может, идея не такая уж глупая.

Все тело у нее онемело, она чувствует только боль в ноге, стреляющую вверх до бедра. Все же она бежит, спотыкаясь и не узнавая ничего вокруг. Но, начав уже паниковать, она замечает сквозь деревья висящего паука – бесформенный, светящийся мешок – и устремляется к нему. Она тихо зовет сына по имени. До него осталось десять футов. Пять футов. Она вновь окликает его.

Никто не отвечает.

– Он был здесь? – спрашивает Кайлин.

– Он и сейчас здесь, – отвечает Джоан.

Она подходит к пауку и, дотронувшись до одной из его ног, качает ее. Она уверена: паук тот самый. Потом всматривается в лес: который из кустов?

Здесь. Она думает, это здесь.

В отдалении слышны редкие выстрелы, как будто лопаются почти готовый попкорн.

Джоан подбегает к кусту, потом встает на колени и ползет, утопая в листьях. Она поднимает нижние ветви и заглядывает под них.

Его там нет.

– Линкольн? Линкольн? – продолжает она звать, не в силах оторвать взгляд от пустоты, в которой его нет. – Линкольн?

Она хочет сказать громче, но голос не слышится. Встав на ноги, она идет в одном направлении, останавливается и сворачивает в сторону.

Ей никак не придумать, как его искать. У нее нет плана. Он никогда не убегает от нее. Всегда держит ее за руку. Она потеряла его лишь однажды, на ярмарке, и нашла через полминуты.

– Линкольн? – шепчет Джоан. – Линкольн! – пронзительно выкрикивает она.

Неожиданно ее голос обретает силу, и его имя громко разносится вокруг. Ей наплевать, если кто-нибудь услышит. Кайлин тоже зовет его.

Ее мальчик оказался очень послушным. Где бы он ни был, он не издает ни звука. Она была так уверена, что он сильно напуган и не решится убежать, но она недооценила его. И что теперь?

Есть варианты, которые она даже не станет рассматривать.

Пока она продолжает двигаться, нет нужды их рассматривать.

Она принимается бегать расширяющимися кругами вокруг куста, где оставила сына. Падает вперед, чувствует боль в руках, потом поднимается.

Джоан заглядывает под кусты и отводит каждую ветку, опять проходит мимо висящего паука, мимо двадцати похожих друг на друга деревьев. Вот трухлявый пенек, а вот длинная плеть плюща, обвившая деревце. Вот висящее пластмассовое привидение в форме колокола, не подсвеченное.

Она останавливается, переминаясь с ноги на ногу. Она уверена, что-то тут не так. Она ощупывает ноги и понимает, что пальцы ноги испачканы кровью. Но она этого не чувствует, так что не важно.

Кайлин ходит где-то поблизости, выкрикивая имя мальчика.

Джоан концентрируется на земле, которая казалась ей поначалу бесконечным скоплением листьев и трухлявой древесины, но сейчас, вглядываясь в нее, она начинает замечать отдельные детали. Лунный свет позволяет видеть грибы и пучки травы. Лопнувший воздушный шарик с привязанной бечевкой. Перевернутый и деформированный пластиковый ведьмин котел. Одинокая гирлянда белых фонариков, рассекающая темноту. Избегая света, она приподнимает ветки ивы. Снова проходит мимо деревца, увитого плющом, и отодвигает плющ. Он плотный, непроницаемый. Ребенок не мог бы там спрятаться.

Невозможно описать словами чувства, разрывающие ей грудь. Она готова кричать, драться и царапаться. Но ей надо держаться.

Она снова видит светящегося паука, теперь лишь смутные его очертания за деревьями. Она еще раз оглядывает то, что уже попадалось на ее пути: бесполезную гирлянду белых фонариков и заросли засохшей глицинии. Она подходит к широкому кусту глицинии, в котором мог бы спрятаться Линкольн. Слева от нее все тот же ведьмин котел, но на этот раз она замечает то, что не увидела в первый раз.

Она резко останавливается.

Котел изогнут таким образом, что под ним может что-то находиться. Таким образом, что он мог зацепиться за маленькую лодыжку или ступню.

Я черепаха, я черепаха, я черепаха.

Она вспоминает, как он прятался под диваном, высовывая оттуда голову.

Не успев еще приподнять котел, она знает, что права, знает, что шла по тонкой ниточке, протянувшейся от нее к нему. Между ними протянуты миллионы этих ниточек, и эти ниточки говорят ей, когда он голоден или когда заплачет. Они говорят ей, что ему понравится идея использовать маршмэллоу для ботинок крошечного астронавта. Иногда ниточки перекручиваются. В конце концов они подсказали ей, что он останется под кустом. Но это идеальная нить – мягкая и теплая, как шерсть Сарджа, и серебристая, как шлем Тора, и эта нить приведет ее к нему.

Одной рукой она приподнимает дешевый пластиковый котел и видит сына, свернувшегося в позе эмбриона. Такую позу она помнит с детства, когда детей обучали защите от торнадо. Линкольн прижал руки к голове и не поднимает глаз.

Она отбрасывает котел в сторону и опускается на колени:

– Линкольн?

– Мамочка, – с улыбкой глядя на нее, произносит он.

И снова тело не слушается ее. Она не может даже протянуть к нему руку, но вот он зашевелился, и у нее появляются силы. Она подхватывает его под руки и по листьям тащит к себе. Он прижимается к ней, такой теплый, такой плотный и тяжелый.

От его прикосновения боль, разрывающая ей грудь, испаряется. Она гладит сына, и он говорит довольно спокойно, но лицо у него мокрое.

– Знаешь, кем я был? – шепчет он ей в ухо.

Сначала она не в состоянии ничего сказать и сглатывает.

– Черепахой, – говорит она.

– Да! – в восторге шепчет он, запуская руки в ее волосы. – Почему ты такая мокрая?

Он вынимает руки из ее мокрых волос. Она ловит его ладошку в свои и обнимает сына. И хотя она промерзла до костей, она никогда не испытывала подобного облегчения.

– Я упала в ручей, – говорит она.

– А-а. Что это за шум? Винтовки? Опять винтовки?

Она почти перестала слышать стрельбу.

– Здесь полиция, – шепчет она. – Почему ты не отвечал мне, когда я

тебя звала?

– Я тебя не слышал. Я исчез.

Она с трудом встает на ноги и берет его за руку, потому что не уверена, что сможет его поднять. Им надо вернуться ко входу в зоопарк. Наверное, то, что происходило здесь, закончилось.

– Он в порядке? – подходя к ним сзади и тяжело дыша, спрашивает Кайлин.

– Да, – отвечает Джоан и делает шаг вперед. – С ним все хорошо. Пойдем.

Девушка идет с ней рядом, и Джоан замечает листья у нее в волосах.

– Что случилось? – спрашивает Кайлин.

Джоан не знает, почему девушка спрашивает, но потом замечает, что опять стоит на коленях, потому что ощущает прикосновение влажной земли.

Ей больно.

Она слышала, как люди говорят, что не чувствуют, что их подстрелили. Кто это сказал? Какой-то реальный человек или вымышленный? Теперь она это чувствует. Это напоминает ей тот случай, когда в детстве отец нечаянно придавил ей руку дверью – он не знал, что она идет за ним. Боль была такой огромной, что Джоан не поняла, когда она началась.

Кайлин хватается за руку и тянет. Джоан смотрит вниз: кровь, обильно текущая из ее ноги, скопилась на земле в виде лужицы.

Кайлин перестает тянуть ее.

– Ой! – вскрикивает девушка. Ее лицо совсем рядом, и пальцы такие нежные. – Ой!

Джоан дотрагивается до своего бока, и бок у нее тоже мокрый, и она не может заставить ноги двигаться. Но она по-прежнему слышит в лесу какие-то шаги, не очень далеко, и не знает, прекратилась ли в самом деле стрельба.

Остаться здесь небезопасно.

– Возьми его, – кивая на Линкольна, говорит она Кайлин. – Идите обратно к вольерам. Отсидитесь где-нибудь до прихода полицейских.

Ей нравится эта картина. Не призрачные полицейские в лесу, а сплошная надежная стена мужчин и женщин в форме, но без оружия. Они скажут ее сыну, что все позади. Они присмотрят за ним. Они разыщут миссис Пауэлл и позаботятся о ее колене. Они проверят каждый уголок, каждую щель и каждый мусорный бак. Они достанут ребенка и найдут мать, и, конечно, мать и ребенок снова будут вместе. Разумеется, все должно закончиться именно так.

Линкольн обеими руками держится за нее.

– Нет, – качая головой и широко раскрыв глаза, говорит он. – Нет.

– Иди, – просит она, слегка подталкивая его вперед.

Но потом, не в силах сдержаться, опять притягивает его к себе. Не может отпустить его, сначала не обняв. Она стоит на одном колене, другая нога вытянута сзади. Она обвиняет сына руками, прижимаясь лицом к его виску и вдыхая его запах, всегда разный и то же время одинаковый, а сейчас от него как будто пахнет хлебом. Она изо всех сил старается каждой клеточкой тела запомнить всё: его пальцы у себя в волосах, мягкую кожу его скулы, слово «мамочка», – чтобы эти ощущения остались с ней навсегда.

– Ты мой мальчик. Иди с Кайлин. – Нет, понимает она, это несправедливо. Ему нужно больше. Надо, чтобы он понял. – Мне придется подождать здесь, детка. Какое-то время. Пока не придут врачи.

Он плачет.

Она заставляет себя отпустить пальцы сына, отпустить его целиком, хотя сделать это очень трудно.

– Я хочу остаться с тобой, – говорит он.

Кайлин берет его за руку, сплетая свои пальцы с его пальчиками. Он идет с ней, дрожащим голосом произнося «ладно». В голове у Джоан туман. На долгое мгновение она теряет нить происходящего, а потом ее глаза вновь открываются.

Фонарики, протянутые между деревьями, теперь кажутся ей очень красивыми. Она не понимает, почему не видела этого раньше. Это длинные гирлянды белых фонариков, напоминающих жемчужины или маленькие луны, а на расстоянии виден ярко-оранжевый шар, и где-то вспыхивают красные и белые фонари, отражаясь от деревьев.

Она по-прежнему стоит на коленях. Нет, лежит на животе. Скоро она встанет, но пока смотрит, как Линкольн бежит, держась за руку Кайлин. Он бежит быстрее, чем она ожидала, своим обычным неуклюжим скоком, который ей нравится: забрасывая ступни вбок. Он бежит не по прямой, и каждая часть его тела – плечи, ноги, кисти и локти – двигается во всех направлениях. С точки зрения аэродинамики телосложение ее мальчика не идеально.

Она ощущает вкус крови. Может быть, она опять прикусила губу.

Чем дальше он отходит, тем кажется ей больше. Пока еще она отдает себе отчет, что такого не может быть. Но он заполняет перед ней все поле зрения, заслоняя качающиеся ветви сосен. Есть только он. И фонари. Яркие фонарики, рассыпанные по небу, как ленты на майском дереве, когда она в

шестом классе надела на праздник платье цвета лаванды и подняла глаза на длинную, извивающуюся ленту, которую держала в руках. «Внимание, девочки, – сказала миссис Мэннинг, отвечающая за весь ритуал, – это не так-то просто». И Джоан сплела свою ленту с другими, и цветные ленты заполнили небо, а за конец каждой ленты крепко держалась пара рук: пальцы Кайлин, вцепившиеся в ее рубашку, рука Линкольна в руке Кайлин. Извивающиеся ленты – вот на что похожи сейчас эти фонарики. Красиво.

Бывают на свете красивые вещи. Внимание.

Рот ей закрыли волосы, и она мотает головой. Она чувствует под собой влажную землю.

Линкольн. Она не знает, где он. Ей надо поднять голову.

Она снова теряет нить происходящего, а потом, повернув голову, замечает в отдалении сына с его спутанными кудряшками. Он окружен людьми в темной одежде, стоящими на коленях. Приятно, когда взрослые стараются не возвышаться над ним. Но она не совсем уверена, действительно ли он стоит там, разговаривая с полицейскими, или ей это пригрезилось.

Это история про маленького мальчика по имени Стив, который вырастет и станет Всадником.

Это история про роботов и про лазеры.

Это история о том, как я женюсь, мамочка. У меня будет жена. Ее будут звать Люси. У меня будет пять мальчиков и пять девочек. Но они будут вырастать в моем животе, а не в ее, как полурывы-полукони.

Она хочет послушать его историю. Она закрывает глаза, и тогда будет лучше слышно.

Ей надо держать глаза закрытыми, потому что ленты света слишком яркие.

Лент нет. Только свет.

Какой-то мужчина держит фонарь и наклоняется к ней.

– Мэм? – говорит он, опускаясь на колени, и свет пропадает. – С вами все в порядке?

Она чувствует, как что-то сильно сдавливает ей ногу.

– Потерпите минуту. Сейчас придет помощь.

На нем темная рубашка, а на груди что-то сверкает. Она думает, что это, может быть, мистер Симмонс, учитель из ее пятого класса, который, прочитав как-то написанное ею сочинение, сказал, что однажды она станет важной персоной.

– Линкольн, – произносит она.

– Ваш мальчик? – Мужчина осторожно отводит волосы с ее лица. –

Маленький темноволосый паренек?

Глаза у нее закрыты. Она хочет их открыть.

– Линкольн, – говорит она.

Ей кажется, она сказала это.

Она думает о проходящем времени. Она чувствует, как ее поднимают с земли. Слышны голоса, но слова звучат бессвязно. Огней стало больше. Вокруг нее скользят силуэты людей.

Она чувствует прикосновение маленьких пальчиков к руке.

Она чуть шевелится, и Линкольн берет ее за руку. Ей кажется, он произносит ее имя. Ей кажется, она ощущает его дыхание и тепло. Она ощущает прикосновение его кожи, и он кончиками пальцев водит по ее ладони, рассказывая ей свои истории.

Благодарности

Благодарю Лору Тисдел, мою подругу, которая оживила мою нелепую грезу о том, что однажды я найду блестящего редактора, с которым будет к тому же весело на пижамной вечеринке. Именно этим и обернулся весь процесс – одной великолепной затянувшейся пижамной вечеринкой. Фрэнки Грей и Энн Коллинз помогли отлить книгу в более совершенную форму. Я бесконечно благодарна Ким Уизерспун, поразившей меня сочетанием компетентности и обаяния, за то, что посоветовала мне усложнить некоторые вещи. Уильям Каллаган помог мне сделать умную и вдумчивую вычитку, обогатившую книгу. Благодарю Джейсона Уикли за его знание оружия и своевременную проверку подлинности. Точно так же говорю спасибо моему брату Дэбни за объяснения по поводу того, что случается, когда стреляешь в разные объекты (и спасибо за коз).

Спасибо моей матери Джине Кей Филлипс за все истории, накопившиеся за более чем сорок лет преподавания. Спасибо Ханне Вулфсон за полезные своевременные беседы и Донни Филлипсу за его проделки с кошками. Хотелось бы также с благодарностью упомянуть книги «До свидания, луна» Маргарет Уайз Браун и «Поезд в ад» Роберта Блоха.

И наконец, спасибо Фреду, лучшему из мужей и лучшему из читателей.

Table of Contents

[Джин Филлипс Жестокое царство](#)
[Благодарности](#)